

ВЛАДИМИР ШЕРБАНОВ СЕМЬ СТИХИЙ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ШЕРБАНОВ

СЕМЬ СТИХИЙ

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ЩЕРБАКОВ

СЕМЬ СТИХИЙ

Научно-фантастический роман

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1980

84Р7
Щ61

Щ $\frac{70302-056}{078(02)-80}$ 243—80. 4700000000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во мгле стремнин воображенья
Поток бездонный напоен
Мечтой поэта, мыслью гения
И тайной будущих времен.

Из гимна фантастов

Воображение! Это особое свойство мышления, лежащее в основе творчества разумных существ. Воображать — это уметь видеть то, чего нет.

Воображают ли животные, проявляющие зачатки мышления, оспаривающие у людей единственность их разумной расы на Земле?

Скорее всего нет. По-видимому, даже бобры, строящие плотины, муравьи — муравейник, кроты или лисы, роющие норы, птицы, вьющие гнезда, едва ли воображают в начале «строительства» конечный его результат. Они просто запрограммированы генетическим кодом на эти действия, выработанные в процессе эволюции их предками, иначе этому виду не удалось бы выжить.

Может быть, воображение — это и есть та черта, которая ярче всего отделяет человека, гомо сапиенса, от всего остального животного мира.

Мне привелось в свое время вложить в уста одного из своих героев такие шуточные строчки на отнюдь не шуточную тему:

Не яйцо воображало,
Не петух воображал.
Человек «воображала»,
И нет других воображал.

Да, человек обладает этим бесценным даром, которым мы пользуемся на каждом шагу, даже не замечая этого.

Например, когда читаем художественную книгу.

Прозаик или поэт не возводит декораций на театральной сцене, чтобы «разыграть» свою пьесу. Художественным словом он помогает читателю **вообразить** себе место действия, **вообразить** беседующих героев, **мысленно услышать их голоса**.

Обычная художественная литература, используя способность к воображению читателей, помогает им воссоздать уже известное, знакомое. Исторические романы или повести, подобно отрицаемой физиками «машине времени», уносят в былые времена. и читатель

воображает их себе в таких деталях, которые делают его соучастником когда-то происходивших событий, рыцарских поединков, мушкетерских проделок или Бородинского сражения.

Фантастическая литература не только пользуется воображением читателя, но и сама основана на воображении автора, который описывает то, чего нет, чего еще не было, или то, что не встречается, читателю неизвестно, а потому особенно интересно.

Не в этом ли кроется притягательная сила фантастической литературы, привлекающей к себе прежде всего молодежь, которая еще так недавно, в ребяческом своем возрасте, с помощью волшебной детской склонности к воображению превращала палочку в верхового коня, куклу в засыпающего ребенка, чучело в любимую собачку?..

Но воображение, поднявшееся до фантазии, привлекает к себе не только детей или юношество, оно свойственно творческим натурам, прежде всего ученым. Недаром В. И. Ленин говорил, что «без фантазии нет науки». Но, конечно, фантазии, не оторванной от жизни, вырастающей на ее почве, отражающей в «зеркале действительности» реальные тенденции развития науки и техники, и тогда фантастика, поднимаясь над сказкой, где все возможно, все допустимо, становится строгой научной фантастикой, достоверной литературой мечты о реальных свершениях, разделом художественной литературы о людях, носителях идей, творцах, искателях, передовых бойцах науки и техники, на кого захочется походить молодым читателям, выбирающим себе путь в жизни, те, кто несет такие мысли, которые способны побудить и подлинных ученых и изобретателей к поиску новых путей.

Дальновидные научные руководители рекомендуют своим сотрудникам читать научную фантастику, черпать из нее необычные, но могущие оказаться плодотворными идеи.

Однако не надо думать, что научной фантастике принадлежит авангардная роль в науке и технике, что она несет пророческие функции некой литературной пифии и призвана предсказывать будущее, делать научные открытия, предвосхищать изобретения или прогнозировать развитие общества. Совсем не так!

Прогнозы и предвидения фантастов порой сбываются благодаря правильному пониманию тенденций развития науки и техники, а отнюдь не случайно, как угодливо вещают кое-какие критики от фантастики. Ведь за это дело хватаются подчас все, кому не лень, полагая, что разобраться в фантастической литературе легче легкого, хотя не рискнули бы, скажем, произвести трепанацию черепа больному. Часто за критику художественной литературы берутся те, кому хочется утвердить лишь то направление, в котором работают они сами или их друзья, хотя иной раз оно приходится по вкусу нашим врагам, бессовестно использующим советские ненапечатанные или

напечатанные произведения, снабдив их такими комментариями, которые позволили не столько вскрыть потаенные мысли авторов, сколько приписать их им; некоторые из таких критиков даже переходят в стан врагов социализма, как это сделал «критик» от научной фантастики Р. Нудельман, не только эмигрировавший, но и поступивший на службу в ЦРУ, беснуясь теперь перед микрофоном шпионской радиостанции «Свобода» (о чем дважды писали в «Известиях»: в № 275 за 1976 год — «Формула предательства» — и в № 47 за 1977 год — «Контора господина Шиманского»).

На мой взгляд, жанры в фантастике могут быть разными, и любой из них для нас хорош, если он служит созидательной цели, которой занято наше общество зрелого социализма, если книга приоткрывает горизонты нашего грядущего коммунистического общества, а не сеет безысходность в сердцах читателей, пугая их картинками погибших цивилизаций, что якобы уготовлено нашим потомкам, или не поднимается выше пустоцветной спекуляции на популярном жанре, ничего не говоря ни уму, ни сердцу и никуда не зовя своих читателей.

В этом плане отнюдь не поблекли многими поколениями любимые классические произведения Жюль Верна, Герберта Уэллса и старых русских фантастов, хотя кое-кто из «новаторов» уже замахивался на них, провозглашал «устаревшими», по примеру абстракционистов всех мастей, кричащих всегда, что искусство якобы начинается только с них. Однако не «новаторство» может служить высшей мерой качества произведения, а тот след, который оно оставляет в душе читателя.

Пусть существуют и повести-сказки, и романы-размышления, и произведения научной фантастики, полные действия, когда характеры героев раскрываются в их поступках, в приключениях.

В этом яркоцветном спектре фантастических произведений роман Владимира Щербакова «Семь стихий» занимает свое место, несколько отличаясь от традиционного романа.

Это, пожалуй, поэтический роман-мечта. В лирическое повествование вторгается действие, закручивающее главного героя Глеба, журналиста, в прошлом физика, в вихре событий. Но главное в этом романе — та поэтическая линза, через которую герой воспринимает жизнь, полную романтики и исканий. Глеб живет в мире, отделенном от нас примерно двумя столетиями и узнаваемом читателем не столько по техническим признакам: роботам, личным летательным аппаратам — элям или террапланам, — сколько по любовному отношению людей к природе, которую они истоково охраняют, стремясь к слиянию с нею.

Роман, бесспорно, научно-фантастичен, несмотря на некоторую «сказочность» ситуаций; он появился на вершине тех гипотез и исканий, которые характерны для нашего времени, гипотез и исканий

научных, хотя и дерзких, неожиданных. Читатель знакомится с ними благодаря разносторонним интересам Глеба. Казалось бы, затронутые им научные проблемы как будто и не всегда связаны между собой, но, как впоследствии выясняется, именно они, эти разносторонние проблемы, и рисуют всю многогранность и глубину образа главного лирического героя, который не был бы самим собой без всех приведенных в романе гипотез, догадок, фактов, легенд.

Как-то в беседе со мной автор «Красных коней» и «Семи стихий» признался, что научно-фантастический роман о приключениях журналиста был задуман им в период работы над циклом очерков о будущем. Эти очерки, опубликованные в журнале «Техника — молодежи» под псевдонимом «Иван Папанов», и дали, вероятно, тот толчок, который позволил создать позднее целостную картину. Главный критерий, положенный в основу работы над произведением, был, по-моему, удачно сформулирован самим автором: «Научная фантастика гораздо ближе к науке, чем другие жанры литературы, но она ничуть не дальше их от искусства».

Роман требует пристального чтения. Читатель, ищущий в книге лишь развлечения, не увидит глубин красоты и поэзии, составляющих сущность Глеба и его окружения. Кое-какие места романа полезно перечитать, чтобы впитать в себя все скрытые в них мысли, образы, картины...

Так пусть же читатель, открывая эту книгу, погрузится в стремнину, в глубинах которой, как поется в воображаемом гимне фантастов, найдет и мечту, и мысли, и тайну будущих времен.

Александр Казанцев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГОНДВАНА

В ПУТЬ

Город стал похож на светлое облако. Рядом угадывались громады сопок, они постепенно закрывали свет. Пологие черные спины их поворачивались, медленно выстраиваясь в ряд. «Гондвана» выходила в залив навстречу океану. Я стоял на палубе до полуночи. Ветер доносил с далекого берега дыхание осени, первых морозов, снега, выпавшего на горных перевалах, свежесть леса. А над головой — высокие, по-южному яркие звезды.

Палуба незаметно опустела.

Я спустился в каюту, открыл окно-иллюминатор. В мой сон вошло светлое зарево города над морем, уплывавшего куда-то далеко-далеко, на край света, и я силился вспомнить (тоже во сне, конечно), где же это я видел его только что? И темные спины прибрежных сопок, и ровный блеск звезд?..

Сон кончился.

За бортом что-то происходило: легко толкали корабль волны, и набегал порой шквал, и недремлющее море говорило и напевало голосами северных и западных ветров о тайнах и давних историях. И так, казалось, будет вечно: ни автострад, ни террапланов, ни башен из стекла, бетона и пластика. Ни редакционной суеты...

Под утро мне снова представился остров. Обычный остров, какой может каждому представиться. И шлюпка. Я погружу в нее месячный запас провизии на закате,

когда море окаймлено прощальным багрянцем, отчалю от борта. Пусть будут долгие дни пути — я войду в синюю молчаливую бухту. Остров должен быть необитаем, примерно пяти миль в окружности. Он может быть гористым, с пещерами, скалами, гротами или, на худой конец, ровным как стол, но с пальмовой рощей и лагуной — там, в жемчужном венце прибой, я искал бы устричные раковины, нырял за крабами, спасался бы от акул и осьминогов. Такой оборот событий казался особенно желанным, когда мне приходилось листать полузабытые книги. Частые прогулки в батискафе — роскошь, недоступная морским бродягам прошлых веков, — не могли излечить от легкой ностальгии. В конце концов, все отдаленные предки наши вышли из ласковых морских пучин, а кое-кто, у кого мозг побольше человеческого, успел и сумел вернуться в благодатные жизнеобильные края (дельфины, например, или касатки).

Итак, остров... Из бревен, выброшенных прибоем, я сколотил бы лачугу, крышу покрыл бы длинными листьями (вероятно, пальмовыми), прорезал бы два окна — одно, побольше, с видом на берег; другое, поменьше, выходило бы на склон, поросший кустарником. Из широкой доски сколотил бы стол, два стула, полки; тетради, записные книжки — исключительно из высушенных листьев (писать пришлось бы кисточкой, но чем больше внешних препятствий самому процессу письма, тем выше качество, уж это-то я знал твердо). И стол, и стулья, и полки пахли бы морем, водорослями, рыбой. Из камней я сложил бы камин. Наверное, пол был бы тоже каменный. Из скорлупы кокосового ореха вышла бы лампа, которую нужно заправлять акульным жиром и ставить на камин или на стол темным звездным вечером. Под окном шуршали бы сухопутные крабы и ящерицы, выклянчивая подачку. В углу хижины висели бы огромные снизки сушеных плодов, вкус которых хо-

рошо известен по многочисленным описаниям — они мучнистые и сладковатые.

Эффект необитаемости — так я называл про себя эту тягу к морю и безлюдному острову с пальмами и янтарными пляжами. Я отлично осознавал, что островов таких осталось немного. На больших, давно освоенных островах на каждого краба приходится два терраплана или эля. Но даже там, у берега, на дне цвели еще первобытные сады. В подводных джунглях бродили покрытые панцирями существа, ползали морские звезды, порхали рыбы-бабочки и, как сказочные гроты и замки, высились громады кораллов. Право на такую мечту есть у каждого. На то и воображение, чтобы ставить мысленные эксперименты.

Иногда я ловил себя на желании узнать побольше о человеке по тому, как он относится к подобного рода замыслу. Но я далеко не был уверен, найдутся ли у меня на «Гондване» единомышленники. Судно шло в свой пятнадцатый исследовательский рейс, следовательно, народ по привычке к романтике. Океаны. Вулканы. Подводные хребты. Заповедные архипелаги. Флора и фауна всех континентов. Это их будни. Что мои воскресные прогулки на эле или месячные поездки! Я уж не говорю о тех островах, куда ни элям, ни террапланам приземляться не разрешалось. (А «Гондване» они были доступны, как же иначе!)

Удивляли безлюдье, тишина, всеобщая неторопливость. «Гондвана» словно присматривалась к океану. Слово только так можно понять его нрав, вывести тайны.

Учтивые киберы сновали всюду, но, в общем, почему-то старались не попадаться на глаза. Вскоре я понял причину: на борту «Гондваны» был Энно. Однажды утром мы познакомились.

...Рассвет. Солнце вот-вот вынырнет. А пока становится все ярче алый свет над серой застывшей гладью.

Я поднимаюсь на палубу и замечаю необыкновенное оживление. Поблескивая полированными боками, суетятся киберы. И каждый из них старается за двоих. (Может быть, так лишь казалось: механизм ведь точно рассчитан, из него не выжать больше того, что заложено создателем.) Откуда ни возьмись появляется статный бородатый человек. Вовсе не старик. Глаза пронзительно-светлые, серьезные. В рядах роботов замешательство. Кто-то падает. Живописная свалка, куча мала... Они бегут кто куда!

— Чтоб духу вашего здесь не было! — кричит бородатый человек и грозит им вслед кулаком.

Я не без интереса наблюдал сценку. Снасть в его руках точно живая. Пальцы у него длинные, ухватистые, подвижные. «Поработать не дадут, — ворчит он, — дармоеды, олухи царя небесного!»

Он ловко вяжет канаты, крепит их к электрической лебедке, осматривает планктонные сетки, донные тралы, какие-то сложные глубоководные машины затейливой конструкции и непонятного назначения, проверяет шланги, датчики, провода.

Неожиданно он оборачивается ко мне.

— Подходи, научу! Киберу это ни к чему, а человеку пригодится.

Я подошел ближе и стал внимательно наблюдать. Сказать по совести, я никогда в жизни не видел ничего подобного.

— Тридцать три морских узла — это первая ступень нашего ремесла, — сказал бородач как бы про себя. — Вот эти два троса, — он повысил голос, — связаны прямым узлом, это значит, развязать его непросто, когда затянется. Если тросы толстые, нужно обязательно вставить клевант, видишь? А вот рифовый узел развязывается быстро...

И он показал мне, как вязать канаты, как крепить

трос за скобу дрека, я узнал, что такое рыбацкий штык, найтовы, бспзели, талрепы.

— Меня зовут Энно. — И он подал мне руку.

— Глеб, — представился я. — Журналист.

— Здесь все настоящее, — не без гордости заметил Энно, — фалы, гордени, шлюпбакштанги, шкоты, стеньги, мачты — все из натуральных материалов. Пенька, рангоутное дерево, сталь. Где еще увидишь такое? Кое-кто ворчит, разумеется. Не без этого... Но мало ли чудаков на свете, не правда ли?

Мимо нас пробежал маленький голубой кибер. Энно вернул его, деловито оглядел, потом спросил:

— Ну-ка скажи, дружище, как вязать шкстель с мусингами?

Кибер замигал и задумался.

— Отвечай, когда старшие спрашивают.

— Не знаю, — простодушно сознался кибер, — прошу извинить.

— Все в порядке, — сказал Энно, — исправен. Я их иногда проверяю: если сочинять начнет, значит, списывать надо с корабля.

— А без вас они справились бы?

— Может, и справились бы, да я не очень-то даю им экспериментировать. У них другой склад ума, да и практических навыков маловато. Боюсь, напутают.

Мы еще долго говорили, и я понял: он-то как раз не отказался бы побывать на острове! В тот день мы вышли с ним в океан на вельботе. («Гондвана» всю ночь шла к югу, а теперь остановилась над затерянной подводной долиной; трудно было бы говорить о ее курсе; в последующие дни плавание «Гондваны» напоминало броуново движение.)

Вельбот был очаровательно тихходен и ненадежен. Энно расхваливал его морские качества так настойчиво, что я попробовал взглянуть на него другими глазами.

И маленькая мечта об острове слилась отныне с вельботом Энно: ничего другого мне и не надо было.

...Мы шли со скоростью около двадцати узлов и скоро вошли в полосу прозрачной лазурной воды, теплой, как парное молоко. Метрах в ста от нас послышался всплеск.

— Повезло! — закричал Энно и тут же стал готовить линь с большим крючком (единственное разрешенное орудие лова). На крюк он насадил макрель и держал его наготове. Вельбот он направлял так осторожно, что это стало напоминать настоящую охоту.

Теперь и я увидел: впереди, совсем рядом с нами, дремала гигантская манта.

Скат утих, распустил крылья, и его плоское голубоватое тело казалось безжизненным, вялым, безвольным. Только выпуклые глаза, как я заметил секунду спустя, настороженно и смело разглядывали нас и нашу нехитрую снасть. На наживку этот зверь кинулся стремительно и жадно.

Макрель, насаженная на крючок, едва успела упасть в воду в двух метрах от борта, рядом с распластавшимся телом, над которым пробегали световые блики от легких волн. Морской черт схватил крючок с рыбой, и линь стал разматываться так стремительно, что я испугался. Рывок. Леса натянулась, и ее повело в сторону. Вельбот клюнул носом и пошел на поводу у пойманного нами ската. Нас слегка повернуло против ветра. Еще рывок. Линь пошел в другую сторону. Борт закрипел, наше судно накренилось, и нас затрясло: в воде точно крутилось гигантское зубчатое колесо, неровно, но быстро, в лихорадочном ритме. Нет, рыба не тянула нас вперед или назад: скат явно не хотел катать нас бесплатно. Как злая лошадь, он брыкался. Мы не видели его, и потому казалось, что трос дергался сам собой, по странной воле сил, скрытых в толщах океана. Мне стало не по себе. Кто знает, что там, в невидимых

сумрачных глубинах, действительно происходит? Уж не станем ли мы сами добычей?

Прошло несколько томительных минут. Скот уходил все глубже.

— Улов не по зубам, — заметил Энно и стал набивать трубку, как заправский морской волк из кино. Скот сделал маневр, снова дернул линь, Энно не удержался на ногах и выронил трубку за борт. Вельбот наклонился и едва не зачерпнул бортом воды. Энно вытащил из футляра широкий нож и полоснул по натянутому как струна линю. Освободившийся от нагрузки конец стеганул по борту, как кнут.

Наша охота закончилась неудачей, но я был доволен. Энно казался магом, единственным человеком, который еще умел управляться со шлюпками, парусами, якорями и тому подобными атрибутами морской старины. Я сказал ему:

— Только два средства передвижения подходят тебе, Энно.

— Какие же?

— Вельбот и машина времени.

...Вечер. Пустынное теплое море. Оно уснуло. Мы стоим на якоре: внизу слабо светится глянцевая вода, над ней возносится просторная палуба, освещенная огнями кают. А над головой — негасимые огни звезд. Их лучи приходят из всех точек пространства и времени. В бескрайнем просторе свет от них бежал неведомыми дорогами, потому что те пути, которые были измерены и вычислены астрономами, успели стать далеким прошлым, пока небесные огни стали видны нам.

Около полуночи подул ровный сильный ветер. Я хотел было уходить с палубы, да заметил невдалеке двух человек. Один из них был высок и худ. Я узнал Энно. Рядом с ним вспыхнул красный прожектор, луч его скользнул по палубе и ушел вверх. И словно растаял. «Локатор», — догадался я. Управлял им молодой чело-

век, почти мальчик. Энно молча наблюдал. Я подошел к ним.

— Знакомьтесь, — сказал Энно, — навигатор всех наших автоматических аппаратов — зондов, батискафов, метеорологических ракет, глубинных буров.

Молодой человек приветливо, чуть небрежно кивнул.

— Мой ученик, — добавил Энно.

Еще один энергичный кивок. Опять вспыхнул багровый свет, как будто вокруг разлили красные чернила.

— Есть контрольный сигнал. Антенна в порядке, — негромко сказал навигатор.

— ...Глсб, Николай, — назвал Энно наши имена.

— Запуск? — догадался я.

— Есть поправки на влажность и температуру, — негромко произнес Николай.

— Запуск, — сказал Энно. — Сейчас поднимем затмосферную станцию.

— Это она? — я указал на овальный полированный контейнер, по крутым бокам которого скользили отсветы в такт с движениями антенны.

— Нет. Это энергоемкость. Станция на корме.

— Готов к запуску, — сказал Николай.

— Сейчас поднимем. Не спешите... Где же моя трубка? — Энно растерянно мямл в руках кисет.

— Мы утопили ее, — напомнил я.

— Да, это была манта! — восхищенно пробормотал Энно. — Нам сегодня повезло.

— Повезло манти, — уточнил Николай. — А не Энно Рюону, который во второй раз не находит своей трубки. Отсалютуем океану!

— В мои годы можно позволить себе роскошь быть немного рассеянным, — медленно, выговаривая каждое слово, произнес Энно и вдруг воскликнул: — Давай!

В тот же момент щелкнул стандарт времени. Заработал ионный двигатель. Словно легкая метель пронеслась по кораблю. Над водой возвысилась радуга. И сра-

зу же померкла. Зеленое пятно, рассыпая искры, поднялось над нами, погасило на мгновение звезды и понеслось в небо, оставляя на воде мимолетные блики.

Николай прильнул к наблюдательному стеклу прибора. Я давно уж потерял станцию из виду, а он еще долго после этого следил за полетом.

— Все. Пропала... — устало и весело сказал он.

— Пора, — сказал Энно. — Теперь ее след останется только на ленте. Она слилась со звездами. С туманностями. И стала неразличима.

Я заглянул в хрустальную прорубь оптического индикатора. Что это?.. Там мерцала зеленая искра. Станция?

Они по очереди прильнули к стеклу. Долго совещались, пока зеленая точка ползла с севера на юг, перебираясь из одного созвездия в другое.

— Спутник? — нетерпеливо спросил я.

— В том-то и дело, что нет... — задумчиво проговорил Энно. — Спутники я распознаю, как людей. По облику. По портретам. Да и он тоже... Николай.

— Другая станция?

— Ну, нет! Сегодня это наш квадрат. И никому не дано права работать здесь. Нам дали совсем крохотный участок, градус на градус, и притом на одни сутки, но отнять его никто не может.

— Посоветоваться с компьютером? — спросил Николай.

Энно поморщился, помолчал, потом сказал:

— Ладно.

Едва слышное шелканье клавиш... ноль-один, три-три, пять-два... шифр сектора, астрономические координаты, адрес оперативной и долговременной памяти. Ничего. Двадцать светящихся нулей.

— Адресует к центральному пункту, — устало и разочарованно сказал Николай.

— Вот они, компьютеры, — проворчал Энно. — Что

в них заложишь. то и получишь, а когда надо... — И он безнадежно махнул рукой.

— Обращаться в центральный? — спросил Николай.

— Нет смысла, — ответил Энно, — скорее нам сообщат с континента, в чем дело. Будем ждать.

— Что бы это могло быть, как вы думаете?

Мой вопрос был чисто риторическим.

— Все, что угодно, гадать бесполезно, — скороговоркой ответил Энно.

— Значит, мы не сильнее компьютеров, — связывал я.

— Увы, нет. Не сильнее и не умнее, — вполне серьезно, с расстановкой проговорил Энно.

ПОПЫТКА РАССКАЗАТЬ О СЕБЕ

Когда-то давным-давно жил я в сказочном краю, где были горы и реки, озера и тайга, чистые снега и просторные морские заливы, так что, куда бы ни пошел, придешь обязательно к морю, к его берегу. До горизонта вода, весной синяя-пресиняя, над ней чайки да пролетные птицы. Помню несколько оттенков летней воды: синий, зеленоватый, голубовато-серый, свинцовый, серебристо-желтый, и все тона и полутона живые, объемные, потому что свет, проникая в глубину, заставляет сиять само море и каждую волну, и каждый гребешок на ней.

Прилив быстрый, жестокий, пенный. В узкой скалистой расщелине многоводье долго терзало плоскодонку с пробитым днищем, лишь через несколько дней вынесло ее в открытое море. Чем не свидетельство морской катастрофы? И вот что странно: сколько бы книг ни прочитал я, сколько бы ни рассказывали бывалые люди о лихой судьбине, а вспомнишь море в бессонную ночь, и вот уж она — дырявая старая плоскодонка из дале-

ких дней детства, и чужие слова и рассказы уступают ей место, а самые удивительные, казалось бы, случаи из книг и журналов забываются быстро. Что я могу вспомнить? «Марию Целесту», «Титаник»... А сколько прочитано!

Отливы стремительные, щедрые. Освобождается километровое поле серого песчаного дна, вдруг возникают зеркала озер, ямы с водой, лужайки с бессильно повисшими на камнях водорослями, из-под ног улепываются коренастые прибрежные крабы, морские ежи сжимают иглы и на глазах врастают в песок, рыба мелочь копошится в лужах, крупные червяки сами даются в руки — наживка, на которую хорошо идет навага. Раздолье. Когда было солнечно, перед нами открывался каждый раз новый мир, влажно сверкающий, зовущий. Если над крутыми прибрежными сопками блуждают туманы, в бухте уютно и чуть сумрачно, прибой утихает, весла ложатся на воду мягко, лодка идет споро — полюбились нам и такие дни. Переправившись через бухту, мы разводили на гальке костер, ставили чай в жестянке, на плоских раскалившихся камнях жарили рыбу, потом ловили крабов или собирали на крутом склоне сопки водянистую шикшу.

Однажды, возвращаясь в порт, мы увидели, как стоявший у причала огромный корабль вдруг стал разворачиваться кормой. Маневр показался нам нелепым. Еще мгновение — и корма теплохода задела буксир, стоявший рядом. Донеслись тревожные гудки, подала голос пронзительная сирена. Все в порту вдруг пришло в движение. Тревожно заметался луч прожектора.

— Тягун, — коротко сказал Янков.

Много позже я узнал, что тягун вызывается внутренними волнами: будто бы приходит невидимый, но сильный вал, который сдвигает корабли с места, срывает их с якорей, вызывает столкновения и аварии. А в тот

давний день мой спутник коротко сказал: «Море качнулось». И я поверил. Янков был на год старше меня, но знал вдвое больше. Я уважительно звал его Борисом и охотно выполнял обязанности юнги: бегал за веслами, греб, привязывал лодку. Мы не были друзьями. Морские походы были для меня редкостью. Чаще всего Янков уходил на лодке со старшеклассниками. Это меня обижало, но через несколько дней, когда он дручески-призывно кричал мне с улицы и я видел, что он одет «по-морскому», обида мгновенно забывалась и я быстро собирался в путь.

Улица наша называлась Портовой: она отлого спускалась к самому морю.

Когда я думаю о прошлом, то оно как бы разрастается: приморский город теряется за чертой мысленного горизонта, его улицы превращаются в ослепительные проспекты, огни сливаются в сияние, и я ловлю себя на мысли, что так и не обошел его пешком в свое время. Портовая улица тоже вытягивается, я не помню, много ли было там больших домов и где она кончалась с противоположной от моря стороны. Та часть города, где я жил тогда, занимала весь пологий склон возвышения (его можно назвать холмом, быть может, даже сопкой). С этого возвышения хорошо просматривалась долина, и там тоже были дома. Река в долине делила город на две части. Висячий мост был хорошо нам знаком. У реки на песке летом цвели ирисы, серые большие птицы подлетали к воде, садились на гранитные валуны и поспешно улетали, как только наша ватага появлялась у берега.

Река с прозрачной водой несколько раз меняла направление и терялась в сопках. Воздух в той стороне казался синим, густым. И когда солнце клонилось к закату после долгого светлого дня, синева густела еще больше и долина пропадала в ней. Лишь зеленые от кедрового стланика горы оставались хорошо очерчен-

ными на фоне неба. Это были вторые ворота к морю. Река спешила к бухте Глубокой.

За мостом город опять взбегал на гору. Где-то был и другой мост для террапланов. Кажется, зимой мы бсгали по нему на коньках. Так мы попадали в заречную часть города, все же никогда не добираясь до его окраины (даже у Янкова силенок не хватало).

Летом я хорошо видел другой берег. После полудня за рекой на взгорье светились желтые стены высоких старых домов. И это пустынное, казалось бы, воспоминание всегда тревожит меня. Желтые стены дальних домов казались недостижимыми, нотам были люди, неизвестные мне и думавшие о чем-то своем, жившие своей жизнью. В этом я усматривал загадку. Наверное, в очень большом современном городе ничего похожего не испытаешь: даль закрыта небоскребами.

Зимой темнело быстро, только поля снега в широких распадках и на голых вершинах сопok сверкали закатными огнями, потом оставалось матовое холодное свечение. К пяти часам и оно гасло, таяло.

* * *

Совсем давно, еще до школы, я любил бродить по вздыбленным ветром сугробам. Жили мы тогда еще не в городе, а далеко от него, на метеостанции.

В поселке было двадцать-тридцать старых-престарых домов. На коньке пластиковой крыши над нашим подъездом я видел иногда белку. Испугавшись, она прыгала на одну из двух лиственниц, что росли рядом (их посадил мой дед), и замирала на вершине дерева.

У поваленного кедра за поселком после холодных ясных ночей я находил лосиные следы. Думаю, сохатый подолгу стоял и смотрел на огни человеческого жилья, не решаясь подойти и спрятаться от стужи близ домов.

Белые куропатки склеивали почки с розовых кустов, торчавших среди растрескавшихся каменных глыб. Темные бусины их глаз двигались на фоне снега, как будто ими играл ветер. За ними, прижав хвост, припадая и останавливаясь, хоронясь за заносами и белыми буграми, ползала лисица. Однажды я увидел ее совсем близко: мы подобрались к стае с разных сторон. (Я всерьез собирался поймать куропатку руками.) За большим серым камнем пути наши сошлись. Я увидел блестящие колючки глаз, острую звериную морду и замер. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом лиса неторопливо пробежала мимо меня, проваливаясь в снег, и, остановившись поодаль, оглянулась.

Как-то я провалился; шел, шел, да и упал в яму, прикрытую снегом. Я как будто не испугался. Я едва дотягивался до глинистых промороженных краев неизвестно откуда взявшейся ловушки; выбраться из нее на волю мне бы самому не удалось. Я стоял на дне, по колено в снегу, который упал вместе со мной. Не помню, чтобы звал на помощь. Прошло примерно полчаса. Я увидел руку, протянутую мне, ухватился за женскую варежку и выбрался наружу. У моей спасительницы было серьезное лицо. Успел запомнить ее зеленое пальто с маленьким светлым меховым воротником и зеленую вязаную шапочку. Одета она была, пожалуй, не по-зимнему. Кажется, я забыл поблагодарить ее (в детстве я иногда забывал это делать). Ноги у меня озябли, и я направился прямо к дому.

Темнело. Когда через минуту-другую я оглянулся, женщины не было. Она как-то незаметно исчезла. А когда я рассказал эту историю отцу, он задумался на минуту и сказал, что женщины такой в поселке нет вообще.

— Как же, я видел! — удивленно воскликнул я, пытаясь убедить его.

— Могло показаться, — сказал он с тем удивительным хладнокровием, которое я не раз подмечал у взрослых.

Странная история. Продолжения у нее не было. Но я пытался придумать его... Я не забыл ту женщину.

* * *

...Прошло много лет. Октябрьским днем я вывел эль на загородное шоссе, сверкавшее после сильного холодного дождя. Со мной был друг. Мы сделали крюк, чтобы взглянуть на новый мост, державшийся на четырех металлических нитях. Над чистой темной рекой стелился белесый туман. Потом вы вернулись на шоссе. Машин было мало. С коричневых полей доносились влажные запахи земли. За полями виднелись лесистые холмы. Эль взлетел на подъем. Открылась легкая прозрачная панорама озера: голубоватый лес над масса-ми дымчато-серебристой воды до самого окозема.

Дорога пошла вдоль мохнатого берега, и минуты две мимо нас скользил и струился влажный прохладный воздух, настоящий на хвое и озерных травах. Я уловил летучий аромат дыма, смолы и меда. Эль бодро пробежал мимо озера.

— Жаль, очень быстро, — сказал мой друг, очарованный мягкими красками осени.

Я повернулся к нему и что-то сказал. В тот же момент я заметил краем глаза большой шар впереди нас. Шар сиял, как большая жемчужина. Это было матовое ровное свечение с легким, едва заметным розовым оттенком. Мы быстро приближались к нему.

Впереди стеной стоял лиственный лес, украшенный багрянцем и золотом. Я различал там жаркие краски кленов и черемух, ярко-желтый цвет осинової листвы, огненно-красные пятна кустов, исполинские кроны дубов.

Эль бежал вдоль пламневшей стены леса. Рядом с высоким дубом, под самой его кроной светился шар. И возле него стояла женщина. Я узнал ее. Та же вязаная зеленая шапочка и пальто с меховым воротником: женщина из детства. Она как будто улыбалась.

— Смотри! — воскликнул я невольно в тот самый миг, когда узнал женщину.

Но эль проскочил мимо.

— Что случилось? — спросил друг.

Я махнул рукой. Слишком долго пришлось бы рассказывать. К тому же шар он просто не заметил. Когда мы вернулись, там никого не было... Только лес пламенел по-прежнему, и багряная его стена казалась бесконечной.

...Может быть, в этом и нет никакой тайны, просто я ошибся, вот и все. Что касается светящегося шара, то он вызывает в моей памяти случаи, рассказанные другими. Пожалуй, это загадка, если говорить искренне, и загадке этой двести лет.

Шар чем-то напоминает горящую лампу, но отгорожен как будто невидимым колпаком. Для меня эта встреча стала символом связи времен. Не исключено, что это одно из проявлений пространства-времени, которое с таким трудом поддается изучению.

Но загадку эту можно не замечать и не обращать на нее ровно никакого внимания.

ЗАБЫТАЯ ЛАДЬЯ

Восемьдесят лет прошло с тех пор, как посланец Земли отбыл к созвездию Близнецов. И вряд ли о нем вспоминали: мириады пылинок на ночном небосводе, синих, голубых и зеленых, — это мириады миров. К ним неслись, обгоняя друг друга, новые и новые исследовательские станции. Сменялись поколения. А корабль шел,

из дюз его вырывалось атомное пламя, хрустальные зеркала световых гироскопов направляли его курс, по металлическим нервам пробегали электрические волны, и в стеклянных глазах его пассажиров-киберов отражались небесные огни звезд, туманностей и комет.

Старая, полузабытая история... Наверное, даже в памяти компьютеров, бережно хранящих такого рода сведения, двойная звезда Близнецов была занесена в графу «необитаемые миры». Так именовались вселенские закоулки, куда еще не забрасывали на звездных ладьях лихие ватаги киберов — именно они-то и становились первопоселенцами планетных островов. Кому бы пришло в голову употреблять термин «обитаемость» в ином смысле? Ведь многократные попытки найти себе подобных кончались неизбежной, казалось, неудачей.

Звездный корабль напоминал допотопное чудище с шестью ногами-дюзами по вершинам правильного многоугольника — силового блока. Его радиоуши из-за перегрузок перестали быть похожими на зеркала-параболоиды, а за стеклами иллюминаторов угадывались потемневшие от времени реликвии века пара и стали.

И все же именно он доставил на Землю первое неопровержимое доказательство обитаемости отдаленнейших планет. Это о нем говорилось в утреннем сообщении:

«Космический зонд перенес на Землю живой организм растительного происхождения, обнаруженный за пределами солнечной системы... Растения похожи на водоросли и найдены на дне озера с горячей водой, на глубине около трехсот метров. Собраны образцы грунта. Ученые приступили к изучению находок».

Наверное, не случайно приснился мне в то утро сон: зачарованный подводный сад, легкая светлая вода, которую можно набирать в легкие, как воздух. Зелено-

ватые снопы света опускались до самого дна, где меж громадных камней скользили темные рыбы. Вокруг серебристое сияние. А сверху сверкало зеркало, но не было видно солнца. И не было волн на грани двух миров — подводного и надводного. Вдруг подплыла большая рыбина с умными глазами. Я ухватился за ее спинной плавник, и она понеслась так, что волосы, подхваченные стремительным водяным ветром, забились за моими плечами. Тело у рыбы было теплое, из-под жабр ее выскакивали воздушные пузырьки, и темно-зеленые губы шевелились, словно она силилась рассказать мне об этом зачарованном месте.

Становилось светлей, как будто мы поднимались вверх. Я пытался разобрать, что же бормотала необыкновенная спутница. Вдруг стало совсем светло. Я открыл глаза. И тут же услышал слово «Близнецы». Фон на «Гондване» включался ровно в семь.

...За окном, у моего изголовья, поднимался над морской далью красный теплый шар. Я еще не прислушивался к передаче — фон был для меня просто будильником. Но через минуту понял, что произошло то, чего можно было тщетно ждать годы и годы. Внеземную жизнь пытались обнаружить почти два столетия.

Вдруг я сообразил: на «Гондване» фон наверняка был с памятью.

Перевел стрелку с семи на шесть: музыка! Значит, фон все помнит. Я помог ему: подвинул ручную оранжевую стрелку на его деревянной элегантной панели еще на пару делений.

Я услышал подробности, относившиеся к полету. На всякий случай переписал в карманную память маршрут и координаты корабля в момент посадки. Еще раз увидел на объемном экране ракету.

Наверное, это можно назвать интуицией. Я смутно догадывался, что в сообщении словно чего-то не хватает: нет, не могла история межзвездного рейда окон-

читься так просто и буднично. И почему не показали ни образцы грунта, ни «первые живые организмы растительного происхождения»?

* * *

...Поллукс и Кастор, два главных светила Близнецов, удалены от нас на десять и четырнадцать парсеков. В день «второго открытия Близнецов» мы говорили о них с Энно даже на прогулочном вельботе. В тот же вечер звездный атлас рассказал мне о местах, откуда занесло к нам гостя. В круге света от лампы возникали контуры животных — кита, ящерицы, льва, ворона, рыси, змси, обоих Медведиц — Большой и Малой. По странной прихоти астрономы вознесли на небо и стали писать узорчатой прописью: птицу Феникс, Летучую Рыбу, Голубя, Лисичку, Волка, Лебедя, Орла, Дельфина, Малого Коня. Всего восемьдесят восемь созвездий. В этом небесном зверинце затерялись большие и малые небесные тела. И мифические Кастор и Поллукс. Поллукс — ничем не примечательная оранжевая звезда. Но Кастор! Под одним названием скрывается целых шесть светил. В этом хороводе разглядели сначала два горячих гиганта — Кастор А. и Кастор В. Они так близки, что разделить их может лишь телескоп. Каждый из этих гигантов как двуликий Янус: это определил спектроскоп (даже телескоп тут не поможет). Оба Кастора — двойные звезды, но расстояния между ними так малы по галактическим меркам, что могут без труда быть выражены просто в километрах. Десять миллионов километров. Это в шесть раз меньше расстояния от Солнца до Меркурия. Как оправдалось случайное пророчество древних звездочетов, давших имя Близнецы именно тому созвездию, в котором преизойдены все рекорды близости светил!

А недалеко от двойных гигантов притаилась пылин-

ка — Кастор С. И это тоже два раскаленных шара, разделенных всего двумя миллионами километров. Не спешит Кастор С в своем беге по орбите: никому еще не удалось узнать скорость его движения вокруг той невидимой точки, которая зовется общим центром тяжести. Может быть, период его обращения — около двухсот тысяч лет, а может быть, еще больше.

Именно к этим странным шести звездам послан был космический зонд. Сорок пять световых лет не так уж много. Даже для автоматического корабля прошлого века.

Ну и здорово же надо мной подшутили в редакции! (Шутка, правда, невольная.) Пока я оформлял командировку на «Гондвану», пока уточнял план публикаций, пока хлопотал и радовался подаренной мне возможности прокатиться по Тихому океану — все это время настоящий космический зонд приближался к нашей планете и нес свою необыкновенную добычу. Сколько воды утекло с тех пор, как он отбыл к созвездию Близнецов, туда, где чуть заметными светлыми пылинками мелькают такие же солнца, как наше, с планетами, и где открылись миры, на которых есть вода, воздух, жизнь! А ракета шла, шла, забытая среди звезд ладья...

Первый очерк в «Океане» о космических формах жизни — это, конечно, сенсация. И пусть все уже слышали, и пусть факты известны и новые объемные фото достать непросто, но, если здорово сделать этот первый очерк, он-то и останется в памяти. И вся эта полуторавсковая история забытого полета на забытом космическом корабле допотопной конструкции — тоже. И будет потом много книг, и много статей, и много фильмов, но художественный очерк останется первым живым словом о странствии, равного которому не было.

Я еще раз перевел стрелку фона назад и переписал почти все сообщение. И оставил на память копии снимков и объемных кадров.

Нужно зайти к Ольховскому, решил я утром. Когда? Сейчас? Позже? Я соскочился с ним, но он был занят. Впрочем, что я ему скажу... Несколько дней назад, когда я уговаривал его взять в экспедицию именно меня, то так расписал ему мою давнюю любовь к морю, что в его серо-синих колючих глазах появилось даже какое-то отечески-заботливое выражение. Моя участь была решена, как тогда мне казалось, в благоприятном для меня направлении. А теперь? Просить разрешения в редакции покинуть экспедицию?

Нет, меня не поймут. Особенно Ольховский, руководитель экспедиции, хотя у него просить разрешения как раз и не надо.

Для него и для таких, как он, совершенно безразлично, какой из океанов и на какой планете изучать. Разница, во всяком случае, небольшая. Найти новый вид мотылька где-нибудь на острове Маврикий для биолога все равно, что для филателиста обнаружить в своей коллекции редчайшую разновидность марки того же острова. Все это я хорошо знал, но понять был не в силах. Что-то ускользало от меня, и я всегда оставался немного настороже с такими людьми.

И потом не я ли говорил Ольховскому, что именно о такой экспедиции, которая не откроет ни новых островов, ни даже подводных вулканов, я давно мечтал? Где же, в самом деле, взять новые впадины на океанском дне, если последняя из них занесена в морской атлас лет сто назад?

Жизнь — это пятая стихия. Такова установка Ольховского. Познавать ее не так просто, как первые четыре стихии древних — огонь, землю, воздух, воду. Особенно если этим не заниматься серьезно. У него все выглядело логично и убедительно, у этого человека, вызывавшего в памяти образ древнего мудреца по имени Диоген. Только тот был как будто поспокойней. Жил в большой бочке, а когда Александр Великий спросил его

о сокровенном желании (надо полагать, для того, чтобы исполнить его тут же, на месте), то мудрец ответил монарху: «Отойди от моего жилища и не загораживай солнце».

У Ольховского была «Гондвана». Корабль, дом, лаборатория. Правда, она была маловата для него, всего тридцать тысяч тонн, но больший тоннаж не разрешен. При желании он всегда мог найти утешение в исторических параллелях.

Кроме «Гондваны», моря и океаны бороздили многочисленные «Пикары», «Одиссеи», «Садко», «Наутилусы». «Море легче осушить, чем исследовать», — сказал мне Ольховский в первую нашу встречу и оставил меня на борту.

Нет, я должен быть на корабле. Внеземные дела подождут. Когда-нибудь я напишу книгу о пятой стихии — найдется в ней место и для космических форм жизни. Если, конечно, будет что сказать по существу. Ведь журналист не просто «концентрирует события», он еще и толкует их, окрашивает, передает по-своему. Журналист — это личность, стиль, это манера не только писать, но и мыслить.

...Это началось давно. Я мог представить себе этих умельцев, сидящих за старомодными пишущими машинками и выколачивающих свой дневной урок, или с музейными инструментами в руках, отдаленно напоминающими магнитные карандаши с памятью первых выпусков. Но писали они вполне сносно. Конечно, им было легче это делать: материал был проще, и его было меньше. Сейчас нужно уметь улавливать суть целой науки, быть может, из какого-нибудь случайного разговора: другой возможности не представится. И конечно, обобщать, проводить параллели. Думать, думать... Разумеется, это искусство обогащать носит иногда несколько формальный характер, на уровне логических операций и математического анализа многих перемен-

ных величин. Творческая удача складывается иногда неожиданно; тогда вдруг получается красивая работа, одновременно и оригинальная по мысли, и понятная. Где-то в перспективе стирались грани между статьями научными и художественными. Не исключено, что процесс этот происходил лишь в моем воображении.

Нужно было много увидеть здесь, узнать наконец океан по-настоящему. Времени было вполне достаточно. Я понимал: только на «Гондване» я смогу это сделать. Другого случая может не представиться всю жизнь. Итак, океан... Где мы находились сейчас? «Справа по борту — Япония, слева — Австралия, — пошутил я про себя. — Сначала завтрак, — решил я, — а там видно будет». Кажется, все же придется поговорить с Ольховским, только значительно позже.

Я заказал кофе, сыр, фрукты, хлеб. Через пять минут все это дожидалось меня в маленькой стенной нише. Я открыл пластиковую крышку и водворил завтрак на столик.

На табло с надписью «Библиотека» я вызвал каталог книг по биологии, океанологии, морским беспозвоночным и другим морским наукам. Потом заказал несколько рефератов и электрокопий, успел кое-что просмотреть здесь же, за столиком, и начал на ходу изобретать систему знакомства с подводным миром.

Слегка болела голова. Я с удовольствием вспомнил о том далеком времени, когда люди один раз в жизни учились наукам и ремеслам. Из тех времен, из старых книг и трактатов выплывали пароходы, дымные причалы, фонари, маяки, якоря, просмоленные бочки, топоры, трубки, разноликие моряки и прачки, бородатые капитаны, барышни в кисейных платьях, шумные набережные, ялики, паруса, пиратские секреты. «Стоп, — сказал я себе, — на сегодня хватит. Всеобщее взаимодействие вещей и тел — это и есть океан».

Я отключил библиотеку, вежливо выпроводил кибе-

ра, невесть откуда появившегося в каюте, и вышел на палубу, навстречу морю, над которым стояли столбы солнечного света, точно гигантские соломины, пившие воду. Там, на палубе, были синие и желтые краски, и запах настоящего дерева, и ветер, гнавший тяжелые белоснежные облака, и одно, самое высокое, розовое, как дорогой жемчуг, облако стояло, казалось, на якоре, сопротивляясь всеобщему движению.

Совсем рядом, у самого борта, держась за пластиковые поручни, стояла высокая девушка. Вероятно, я не сразу заметил ее. Но у меня был, вероятно, соответствующий вид; она не удержалась и сказала с неподражаемой грацией:

— Вы, по-моему, романтик?

— Да. Разумеется, — ответил я в тон.

— И потому вы здесь, на «Гондване»?

— А где же мне еще быть?

— Значит, вам не скучно в этом плавучем музее?

— Самое подходящее место для таких, как я.

— Шутите? — попробовала она догадаться.

— Нисколько. Те, первые, открывавшие континенты, моря и проливы, даже не знали толком, что их ждет. Они летели на воздушных шарах, спешили к полюсу на нартах, пробирались узкими тропами к подножиям сияющих вершин, потом шли выше — на Джомолунгму, на марсианские пики. Опускались в Марианскую впадину. Те, кто не утонул, не умер от голода, не погиб от удушья, написали книги-отчеты о деле своей жизни. А за ними по просторным дорогам, по надежным воздушным трассам и морским путям, на вертолетах, на комфортабельных кораблях, на подводных лодках устремились романтики. Они-то и положили начало этому движению, то есть романтике. И воспели ее в стихах и прозе, заодно с теорией преодоления препятствий, которой они долго занимались, прежде чем отправиться в путь. Как видите, я не рисуюсь.

Она молчала, словно что-то обдумывая. Этот большой ребенок, кажется, даже шевелил губами. Я подошел к ней вплотную и поцеловал ее. Теперь было можно. Потом — никогда. Ничто в ней не изменилось. Родилась и тут же канула в вечность минута понимания. Она откинула волосы, внимательно посмотрела на меня сверху вниз (она была чуть выше меня), и я вдруг увидел это мгновение из будущего, моего будущего. Наверное, тогда мне станет грустно.

ВАЛЕНТИНА

На ней было светлое платье с кружевами. В пушистых волосах — лиловый цветок. Большие серые глаза с прелестью вечного недоумения в них изучали меня. Трудно было понять, какое впечатление я произвел. Но тайная смелость и любопытство взяли верх. После паузы я вдруг услышал:

— Потоп не сказка. И не потому, что находят следы древних цивилизаций. А потому что есть океан. С любой силой человек справится, а с океаном пока нет. Разве не так?

Тирада о потопе натолкнула меня на мысль, что ей не больше двадцати — странный, неопределенный возраст... Тело и мозг пластичны, на лице следы постоянных перемен, оно точно зеркало, в котором возникает зыбкий образ, но линии так и остаются незаконченными.

Я вспомнил вслух:

— «Воздух стал темен от ливня, который в косом падении, изогнутый поперечным бегом ветров, образовывал собою волны, подобно волнам поднятой вихрем пыли...»

— Откуда это? — живо спросила она.

— Леонардо.

— А дальше?

— Не помню. Кажется, дальше говорится о зеленых долинах, наполненных до краев прозрачной водой, о торчащих на склонах высоких деревьев — на их вершинах спасаются птицы, звери и люди, — о тучах и молниях.

— Это наше будущее, — сказала она неожиданно, — бесконечный океан и корабли.

— Мне это знать не дано.

— Ну как же... сначала океанские станции, подводные дома. Сейчас — первые плавучие города с миллионным населением. А дальше?

— Ах вот оно что! Пожалуй, вы правы.

— Все связано, совпадает... Ведь и корабли, и плавучие небоскребы — это как бы огромный ковчег.

— Что ж, это не исключено.

— Значит, и вы так думаете?

— Нет. Я просто говорю, что это не исключено. Кто же может заказать будущее? В космическом, конечно, масштабе.

Мы расстались, но, как оказалось, ненадолго. Я забежал к Ольховскому и несколько минут созерцал его массивную бритую голову. Он заметил меня, вежливо выпроводил из кабинета двух назойливых молодых людей с всклокоченными шевелюрами и любезно сообщил мне, что ни слова не может добавить к тому, что я уже знал о Близнецах.

— Полные материалы еще не поступили, — сокрушенно произнес он, и у меня не осталось никаких сомнений, что и он пока ждал их с нетерпением.

Готов предположить, что человеку прошлого века в преддверии нескончаемых звездных полетов во все концы обозримого пространства показалось бы странным такое пристальное внимание к случившемуся. В то время положительный результат просто не вызывал сомнений. Но сейчас, после тысячи и одной неудачи, когда мечта давно умерла, когда перестали верить в пятую стихию вне Земли и когда вдруг свершилось...

— Жаль, — сказал я, — придется подождать. В редакции тоже ничего...

— Хотите, я познакомлю вас с человеком, который первым обнаружил забытый корабль? — улыбнувшись, спросил Ольховский.

— Очень хочу.

— Загляните в зеркало.

— Не совсем понимаю вас.

— Могу посоветовать только вспомнить заатмосферную станцию.

— Ах вот оно что! Неужели? И он вышел в наш сектор?.. В тот самый вечер?

— Да. Та самая блуждающая крапинка. Неопознанный объект. А в секторе работали вы. Мои поздравления!

— А я пожалел было, что оказался на «Гондване», — чистосердечно признался я.

— Берите «Дельфин», — сказал Ольховский, — все равно будем стоять несколько часов. Только не глубже километра. Дальше делать нечего. Неинтересно. Темно, сыро и сумрачно. Лучше махните на отмель. Успеете.

И я оказался на «Дельфине». Вместе с Валентиной (так я стал звать ее, ни буквы не убавляя в ее имени, потому что оно ей необыкновенно подходило).

— Какой я биолог! — воскликнула она в ответ на мой вопрос. — Только учусь. Иногда вот дежурю на «Дельфине». Это проще простого. Нужно только помнить, что делать: биотоки управляют всем, и механизмами и аппаратурой.

— Вы, по-моему, несколько преувеличиваете роль биотоков, Валентина.

— Конечно, — созналась она, — управление чаще всего дублируется. С «Гондваны». Так что не разбежишься.

— Зачем тогда биотоки?

— На всякий случай. Например, полетело уплотнительное кольцо у антенны, в зазор хлынула вода. Что делать?

— Вычерпывать воду, — пошутил я.

— Всплывать! Сбрасывать балласт и всплывать.

Мы пошли к отмели. Я хотел увидеть голубую воду, зеленые подводные поля, серебристый рыбий дождь. Там, говорят, настоящие подводные пейзажи с бесчисленными ежами, мидиями, трепангами. Ни разу не видел я на воле звездочетов, больших палммов, не знал еще, как метят рыбы население ультразвуковыми датчиками и флюоресцирующими штрихами.

Мы остановились ненадолго, повисли. Над нашей головой — километровый столб воды. «Дельфин» медленно дрейфовал, повинаясь ленивому течению. Метрах в ста от нас шныряли полупрозрачные креветки. Валентина включила увеличитель. Тончайшие, не видимые глазом лучи нащупали целое живое облако. Я увидел этих миролюбивых морских зверьков как бы под микроскопом, на экране. Они смешно плавали, подгребая под себя воду хвостом, по-паучьи перебирая ногами. Я упросил Валентину, и она протянула к ним механическую руку с приманкой — мясным фаршем. Металлическая ладонь испугала креветок, они всполошились, исчезли с экрана. Но вот неведомое чудище перестало их тревожить, и они набросились на корм. В несколько мгновений полупрозрачные существа расправились с мясными крохами, и все облако застыло, точно ожидая новой подачи.

Но мы ретировались: в океане рассеяны мириады таких же вот эфемерных созданий, и накормить их просто невозможно. Пусть уж заботятся о себе сами.

Валентина рассказала, что дважды встречала стайки креветок вместе с муренами. Необычное соседство пятнистой, как леопард, или полосатой, как тигр, морской зверюги и суетливых безобидных рачков объясняет-

ся просто: мурены не пользуются зубными щетками и доверяют туалет креветкам. Ложатся на дно и раскрывают рот, усаженный острыми пиками.

— Ни разу не встречался с муреной, — сказал я, — и не хотел бы встретиться.

— Их можно приручать, — заметила Валентина. — Они берут из рук мясо, рыбу, любят, когда их гладят или почесывают.

— Читал, — сказал я. — Но не пробовал.

— У нас еще часа три. Показать вам настоящие кораллы?

Я кивнул. Повинуясь биотокам, «Дельфин» всплыл и понесся, обгоняя ветер, над самой водой.

— Сто пятьдесят узлов, — отметила Валентина.

И снова мы погрузились на дно. В коралловые джунгли, под зыбкую тень подводных веток — розовых и фиолетовых, в самую чашу морского заповедного сада.

«Дельфин» сел у крутой стенки кораллового дворца. По какой-то странной прихоти я направил механический щуп на розовую глыбу, призрачно сиявшую в зеленоватых лучах, и отколол от нее кусок. Он медленно покатился вниз, поднимая муть. За ним тянулся желтоватый шлейф. Тут же налетели рыбешки, они окружили оторвавшийся коралловый кусок трепетным кольцом.

— Вы угостили их хорошим обедом, — сказала Валентина, — не так-то просто добраться им до полипов — жильцов подводного небоскреба.

— Они несколько не боятся нас. Наверное, если бы человек рожден был в воде, то ему проще было бы жить и охотиться.

— Может быть. Но тогда не нужно было бы строить, ведь температура постоянна, ни снега, ни бурана, ни жары. С самого начала больше возможностей для самосовершенствования: быстрее плавать, быстрее ду-

мать. Не надо одежды, не надо жилищ, и нет угрозы голода.

— А зачем тогда думать? Вроде бы мозг ни к чему.

— Нет. Нужно ведь обманивать подводные течения и слышать приближение шторма за сотни миль. И бороться с акулами. А если еще и управлять режимом плавания...

— Знаю, знаю. Дельфины! Вот кто умеет это делать.

— Ну что ж... у них есть чему поучиться. Идеальная цивилизация с точки зрения отношения со средой.

— А я уже придумал человеческий эквивалент такой цивилизации. — И я рассказал Валентине об «эффekte необитаемости». (Чем, в самом деле, не равновесие между субъектом и средой?)

Она не уловила легкой иронии и восприняла параллель вполне серьезно. Оказывается, она тоже думала о чем-то таком... Только в ее представлении все складывалось иначе, и ее мысленный эксперимент осуществить было не так уж трудно.

— Деревянная изба. Четыре окна. Двускатная крыша. Перед окнами одуванчики, маргаритки, пусть даже бурьян, — перечисляла она неторопливо все, что сейчас хотелось бы ей увидеть. — Лесная дорога без асфальта. И по ней нужно долго идти — к другому жилью, на работу. Хорошо, если солнце. Хорошо и зимой, в снег, в буран. Пусть даже дождь, серый, долгий. Видела на картине такую избу.

— Мечта, — сказал я. — Говорят, кое-где на Севере рыбаки до сих пор живут в таких домах. Но мне бывать в таких местах не доводилось.

— Скучаю иногда, — сказала Валентина. — Кораллы, омары, осьминоги, водяные лилии, пальмы, а настоящей земли нет!

— Расставаться. Скучать. Возвращаться. Радоваться возвращению. Так?

— Да, так. Иначе скука непреодолимая.

Сквозь прозрачный корпус мы видели светло-зеленые волны, пробегавшие по лентам водорослей. Они вздрагивали от пузырьков, устремлявшихся вверх, от суеты пестрых, золотых и серебряных рыб.

Вдруг среди нас появился Ольховский. Он стоял перед нами. Лицо его было серьезно, как никогда. Я вздрогнул, потом понял: здесь полная связь с «Гондваной». Настоящий эффект присутствия. Ольховский сказал:

— Возвращайтесь. Быстрее. Курс — прямо на «Гондвану». Через минуту возможно землетрясение.

Прошло полминуты. Мы удалялись от подводных скал. Нас догнали волны. «Дельфин» качнулся, выпрямился. Упругие удары, толчки. Сработала аварийная сигнализация. Я слышал какой-то тонкий комариный писк. Низко гудела сирена. Глухой шум и снова толчки и удары. И вдруг тишина. И нить жемчужных пузырей, пересекаящая иллюминатор.

Землетрясение прекратилось внезапно. Море утихло, волны убегали за горизонт. «Дельфин» держал курс на корабль. Нас отделяли от него тридцать минут хорошего хода.

* * *

— Меня удивляет не планета, не звезды-близнецы, — вслух размышляла Валентина. — И даже не то, что там нашли жизнь. Непонятно другое: как могло получиться, что зонд принес оттуда один вид растений? И ничего больше.

— Что же тут такого? Случайная проба грунта. Что поймал, то и осталось. Вряд ли автомат выудил бы инопланетную рыбку.

— Придется вам открыть истину. В литре обыкновенной океанской воды десятки тысяч мельчайших ор-

ганизмов. Бактерии, водоросли, какие-нибудь личинки. Зачерпните стакан воды в любом месте нашего маршрута — и вы невольно отнимете у оксана тысячи коренных его обитателей. Погрузите пробник в ил — он принесет столько живой пыли, что и компьютер не считает.

Она отошла к пластиковой стене, надавила пальцем невидимую кнопку, стена раздвинулась. Там были... книги. Она быстро выбрала том в старинном переплете. Потом стала листать его в поисках нужной страницы. Книга была такая старая, что у нее, как я догадался, не было даже электрокопии.

— Вот, — сказала она, — послушайте. «На темном плотном иле лежала яркая красная креветка. Она казалась выточенной из драгоценного камня. Рядом с ней они увидели большую плоскую рыбу, которая смотрела на металлический шар огромными глазами. И никто из них не смог понять, зачем рыбе глаза, если она живет на такой глубине».

— Откуда это?

— Описание первого погружения на дно Марианской впадины. Батискаф «Триест» с Пикаром и Уолшем на борту. Классика. Седая древность.

— Ну что ж, — заметил я, не вполне понимая, куда она клонит, — опустись в этом месте какой-нибудь космический зонд с дальней планеты, он бы поймал эту креветку. Возможно, и рыбу тоже.

— И все же микроскопические организмы, которые оказались бы их спутниками, рассказали бы о жизни на нашей планете больше. И за ними прежде всего и охотился бы посланец из космоса.

— Придется поверить.

— Это просто. Одноклеточные — основание, фундамент «пищевой пирамиды». Без них жизнь немыслима. Даже кислорода нам не хватило бы без крохотных водорослей. Вовсе не леса — легкие нашей планеты, а

океан. Потому что зеленые клетки, живущие в его водах, поглощают три четверти углекислоты. Гораздо больше, чем джунгли, тайга, рощи всей Земли.

— Это я знаю. Но меня не устраивает такой энергетический подход. Будь я конструктором, то не стал бы строить аппарат для доставки микробов, фагов, амёб. Просто неинтересно. Это почти не жизнь.

Она звонко рассмеялась. Но спохватилась, и глаза ее стали серьезными.

— В вас говорит инстинкт охотника, но не исследователя!

— Разве биолог откажется от крупной дичи? Из созвездия Кита, например?

— Мы говорим о разном. Совсем недавно возникло новое направление в биологии. У него сложное название. Даже биологи именуют эту науку сокращенно: нано-логия, наука об общих свойствах и системах микроорганизмов и простейших. Кое-кто, например, изучает только способы передвижения. Движители коловраток напоминают сказочные цветы, колесики часов, фантастические турбины или пропеллеры. У инфузории есть множество ресничек-весел, но действуют они по программе: вдоль тельца пробегают «волны сжатия». Сразу и волновой и весельный механизмы. Специалисту достаточно ознакомиться только с этими маленькими созданиями, перевести то, о чем молчаливо рассказывают «живые чертежи», на язык математики, — и откроется удивительная картина. Можно построить такую машину: на входном конце — пробирка с микроорганизмами, а выходное устройство сообщает параметры кораблей, авиоток, даже ракет.

— Почему же этого не делают до сих пор?

— Все решения давно получены другими способами. Возьмите две пробы грунта в разное время — бактерии и водоросли расскажут вам все о цивилизации: о применении металлов, о химии, технологии, даже о внеш-

нем облике разумных существ, населяющих планету. Микроорганизмы живут совсем в другом измерении: наш месяц для них целая эпоха, за десятки лет они меняются, перерождаются, закрепив в генах все изменения. Нужно только расшифровать. Я уж не говорю об искусственно созданных организмах — для переработки руд, для контроля за средой, для синтеза лекарств, для счетных машин... Если бы вдруг перестали работать заводы и фабрики, все морские суда вернулись бы в порты, то океан, наверное, стал бы чище, чем во времена первобытного человека. Об этом, сами того не ведая, позаботились бы многие миллиарды существ, которых можно рассмотреть только в микроскоп. Океан всегда как бы противостоял натиску цивилизации. Мы обязаны ему жизнью. По степени этого противодействия нетрудно судить о цивилизации. Думаю, с этим-то уж вы согласитесь... Планету, на которой процветает только один вид, представить почти невозможно. Так же как нормальное дерево с одним-единственным листом. Ведь жизнь подобна дереву, реке со многими притоками.

— Я думаю, та планета необитаема. То есть там нет... инопланетян.

— Разум появляется потом. Сначала господствует стихия. И не мог ей противостоять один организм. Он должен был или погибнуть, или дать начало дереву жизни. Даже если когда-то был заброшен туда по воле случая.

— Не забывайте, это ведь другой мир.

— Марианская впадина — тоже другой мир.

— Ну нет. Не согласен.

— А я чувствую, что это так. Только объяснить толком не могу. Послушали бы вы Соолли...

— Кто это Соолли?

— Биолог. У нее скоро день рождения. Можете взглянуть.

— Соолли?.. — вспомнил я. — Это такая милая фрау с темными волнистыми волосами, в очках?

Валентина кивнула.

...«Дельфин» нырнул в бирюзовую успокоившуюся воду. Под нами подводный хребет. На экране он выглядел безжизненным бурым вздутием, опаленным неведомо каким огнем. «Гондвана» ушла вперед, но мы быстро нагоняли ее. Я с удовольствием, как Энно, пробурчал вполголоса: «Нас разделяет девяносто миль». Столько показывал дальномер, настроенный на корабль, и я понимал теперь язык «Дельфина», знал, что видели и слышали его глаза и уши, доверял ему, как самому себе. Это важно, чтобы машина была так устроена, что располагала бы к себе. Наверное, так же вот Ольховский или Энно чувствовали «Гондвану».

Я взял у Валентины управление и пошел к кораблю по кривой атаки, в шутку рассчитанной мной тут же, по данным допотопного навигационного пособия из числа книжных древностей. Вспыхнул красный огонь: «Дельфин» не хотел такой погони. После второго предупреждения аппарат не послушался меня и пошел сам, прежним курсом. Валентина, кажется, поняла...

Мы пересвалили хребет. На другом его склоне, мрачном и голом, выросла огромная полусфера. Она слабо светилась. За ней угадывались подводные небоскребы неправильной формы с красными тусклыми огнями в проемах круглых окон. Точно город мертвых.

Широкий проспект уходил по склону вниз, в подводную долину, и терялся в ее глубинах. Вдоль него тянулись сверкающие нити труб. В каждой из таких труб разместилась бы «Гондвана».

— Подводная станция? — спросила Валентина.

Я кивнул. Там, на этом подводном заводе, под километровым колпаком горело дейтериевое солнце. Ослепительный шар был горяч, как самая молодая звезда. Он жадно глотал воду, только воду — тысячи тонн в

минуту. Синие лучи разделяли ее на протий, дейтерий и кислород. Дейтерий шел в исполинскую топку, питал шар и давал гелий. Кислород и протий бежали по вечным блистающим артериям на континенты. Это было горючее. Такое же чистое, как первозданный дождь. Но свежей и благодатней его, ибо легкая вода — чудо, неведомое древним. Протий сгорал, как порох, в миллиардах машин. Они вдыхали заодно с ним кислород, а выдыхали водяной пар, свободный от дейтерия. Легкие дожди питали реки Земли, полили деревья и травы, поля и луга. Мы дышали воздухом, подобным горному облаку, согретому жаром молний. В наших жилах текла легкая горячая кровь, мы были легки и быстры. Мы лучше, чем предки, познали тайну мгновений, разделяющих прошлое и будущее.

ЗНАКИ НА КАМНЕ

К вечеру того же дня стало ясно, что мы скоро увидим своими глазами цветок с другой планеты, похожий на водяную лилию, только гораздо более хрупкий. Фитотрон — зеленая лаборатория редкостей — был готов принять гостя. Вечерами я садился за книги по астроботанике и космологии. Вдруг еще одна новость. Книга на камне!.. О ней рассказал Ольховский.

— Пока вместо ответов новые вопросы, — говорил он взволнованно, и мне передалось его настроение. — Никто не расшифровал текст. Это невероятно!

Он ошибался. Той ночью ключ к знакам на камне, который был доставлен с планеты вместе с грунтом и цветком, сумели все же подобрать. А мне снова повезло: одним из первых я познакомился с людьми, разгадавшими каменные письма. Связался с институтом.

Близорукий человечек с тихим голосом и учтивыми манерами за четверть часа умудрился не ответить ни

на один из моих вопросов. Я заявил, что хочу побеседовать с другими специалистами. Я слышал, как он, забыв выключить канал, советовался с кем-то, точно просил помощи. И вот я узрел вполне представительную физиономию: волевой подбородок, коротко остриженные волосы, крепкие скулы, выгоревшие от солнца брови.

— Я вам все расскажу, — заявил этот симпатичный тип, — ничего не утаю, но, как некогда говорили у нас в городе, не нужно лишнего шума.

— Не терплю шума.

— Тогда держите кассету. Перепишите. Публиковать не надо. Завалите нам всю работу. Институт не пресс-центр и не пункт связи.

— Обещаю, — сказал я.

— Никому ни слова, — сказал он и весело подмигнул. — Дайте нам еще несколько суток поработать и собраться с силами.

И он скрылся, отгородился от меня тысячами километров замолчавшего эфира, снова распавшегося на атомы. А у меня осталась копия объемной кассеты: несколько нитей с вкраплениями хрома, ниобия и бария. Все как на ладони. И книга. И люди, раскопавшие звездную древность...

...Секрет книги открыт был случайно. Кто-то оставил на столе плоский камень, найденный в образцах инопланетного грунта. Он должен был бы отправиться в хранилище, где, поддерживаемый языками нейтринного пламени, оказался бы в состоянии невесомости: так поступали с космическими реликвиями. И ни один луч света, ни одна пылинка, ни единый гравитационный всплеск не коснулись бы его. Через месяц, через год, может быть, спустя десятилетие кто-нибудь заинтересовался бы каменным обломком и извлек его на свет божий. Скорее всего для того, чтобы вскоре предать забвению.

Камень всю ночь пролежал на столе. Под ним оказался лист писчей бумаги. Утром на листе проступили какие-то значки: черточки, скобки, кружочки. Из них образовались строчки. Не догадаться об их назначении было просто невозможно. Камень еще раз оставили на столе, теперь уже намеренно. И опять на листе проступили знаки неведомого алфавита. Но текст, судя по всему, повторялся.

На следующий день удалось получить оттиск еще одной страницы. Для этого первую страницу накрыли чистым листом и сверху водрузили камень... Каждая последующая страница возникала как бы сама собой, стоило лишь оставить под камнем на час-другой стопку уже полученных раньше «оттисков», строго соблюдая порядок их следования. Как только была получена последняя, восемнадцатая, страница книги, камень «замолчал».

Сергей Шинаков, светлоглазый мечтатель и выдумщик, работал над книгой днем и ночью. Мне рассказали, что он мог по памяти воспроизвести любую из восемнадцати страниц. Позднее он признался, что боялся, как бы текст не исчез вовсе.

В «каменной книге» было что-то от формул: некоторые значки напоминали о языке музейных образцов электронных машин и стародавних математических сочинений. И все же расшифровать текст оказалось делом нелегким. Кто знает, сколько бы тянулась эта история со «звездным манускриптом», если бы Шинакову не посчастливилось: в память машины, помогавшей ему, он заслал символы, предложенные некогда художником Жаном Эффелем и его братом, лингвистом Мишелем Леженом. Давным-давно художник и лингвист мечтали о едином универсальном письме — пазиграфии, — одинаково пригодном для человека и машин. Мечта не была бесплодной: им удалось сделать первый шаг на трудном и интересном пути. Если бы машины не умне-

ли на глазах с такой скоростью, что о языковом барьере скоро перестали и вспоминать, то находка двух реформаторов была бы, вероятно, принята. Во всяком случае, метод, примененный ими, остался вечным достоянием лингвистики. Он-то и помог.

Отдельные знаки «каменной книги» очень походили на пазиграфические линии, удвоенные тире и скобки. Действие знаков усиливалось или ослаблялось этими надстрочными примечаниями. Но при первом чтении их можно было пропустить. Так и сделал Шинаков. А потом разобрался и в этом.

Книга соединяла преимущества иероглифического и буквенного письма: текст передавал все известные нам оттенки мыслей и чувств, а читать его можно было очень быстро.

Из книги я узнал о давней катастрофе. Речь шла о судьбе цивилизации. Планета, где побывал зонд, кружила так близко от своего солнца, что лучи высушили песок, почву, моря и реки. Я узнал и о двойной звезде, заставившей планету изменить орбиту. Кажется, люди предвидели катастрофу. Но что могли они поделать?.. Я прочел:

«Звездный ветер близок. Дыхание солнца рядом. Теплые волны его бегут, не зная покоя, высушивая травы. Остается вечная пыль, сухие листья, умирающие ветви немых деревьев, на которых когда-то раскачивались птицы. Промелькнет короткая ночь — и снова раскаленный ветер, и горячие пенные волны последнего моря пытаются лизнуть наши ступни. Здесь, у моря, кипит прибой, и все ближе противоположный берег. Его прячет жгучий туман, желтый пар. Нет конца звездному ветру. Он сметет с лица планеты все, что мы принесли с собой».

Быть может, то была часть эпоса. У книги не было конца и не было начала. Сама по себе она была свидетельством жизни. Люди боролись с небесным огнем.

Но даже ливни, которых ждали, оборачивались бедой: вода сбегала к морю не по затерянным в песках руслам рек, а сплошным валом, снося дома, смывая почву, разрушая дороги. Барханы высились как горы, иногда среди зеленевшей еще долины. У их подножия вдруг расцветали цветы, распускались почки, влажный жар заставлял все живое пробуждаться, спешить жить. Открывались угрюмые каменные россыпи, над которыми витали миражи. Черные смерчи бродили меж камней и скал. Среди песчаных туч поднимались багровые хребты, похожие на языки пламени.

Горячее дыхание пустынь иссушало оазисы. Когда надвигалась сумрачной пеленой прохладная стена воздуха со стороны полюса — его посылали ледовые шапки, не успевшие еще растаять, — раскаленные глыбы трескались от дождей и тумана. Тогда воздух как будто звенел, точно вокруг лопались туго натянутые струны. Может быть, так же вот тревожно и грозно звучала эта погребальная мелодия близ древних земных сфинксов, высеченных из целых скал. Воздух стал красен и темен от мириад песчинок, поднимаемых ветром.

...Миновали столетия. Окаменели остатки трав, кустарников, некогда покрывавшихся розовыми и зелеными цветами, деревьев, напоминавших пинии, липы, пальмы, орех. Исполинский жар рассеял пар в атмосфере, а звездный востер гнал его понемногу прочь от планеты. Точно легкий шлейф тянулся за умиравшей небесной землей. Наверное, если бы кому-нибудь удалось заглянуть в будущее, за миллионлетнюю грань, он увидел бы голый каменный шар, лишенный воздуха и тени. Но небесный жар завоевывал планету постепенно. Сторона, обращенная к светилу, раскалялась, затем окутывалась ночной тьмой, теряя тепло, остывая.

Будто бы в подземном дворце, еще сохранившем немного прохлады, статные женщины вышивали узоры. И такой тонкой была их работа, что ее не видно было

простым глазом. Большие голубые стекла открывали им необыкновенную пряжу и рисунок вышивки. Так говорила книга.

Вместо игл будто бы сновали и спешили у них в пальцах узкие лучи. За день успевали они сделать только сорок шесть тончайших узелков. Узелки были разными, но вышивка повторялась: у рукодельниц получался всегда один и тот же цветок со стеблем, маленькими листьями и двадцатью тремя лепестками. На каждом лепестке вышивалось по два одинаковых узелка.

Цветы плавали как кувшинки. По подземному каналу выплывали они в большое рукотворное озеро. Здесь, между отвесных скал, собиралась вся вода, еще оставшаяся на планете. Над ним висели горячие облака. Как только лепестков касалось горячее дыхание воздуха, цветы тонули, погружались на дно, где было сумрачно и где вода не обжигала. Наверху вода могла кипеть и бурлить от звездного жара, но, пока водоем оставался наполненным хотя бы на треть, пар уносил с собой тепло, и дно оставалось пригодным для жизни.

...Одну из женщин звали Кэма, что означало «ветер», другую — Аира — «волна». Примерно так звучали бы их имена на нашем языке. Были и другие, но имена их не были записаны в книге. И все они отправляли в последнее плавание легкие белые цветы, и сердца их сжимались, когда видели они, как лепестки касались воды.

Будто бы у каждой из женщин был на левой руке яркий зеленый браслет, который помогал им. Браслет был соткан так искусно, что казался украшением. Но владевший браслетом не мог расстаться с ним до окончания своих дней, как и с собственным сердцем. И браслет помогал овладеть искусством, подсказывал, если руки женщин ошибались, а глаза их уставали.

Что означала легенда?

Если поймут легенду, писал автор книги, поймут и нас, потому что мы сами подобны цветам, затерянным

в водах озера. И зеленоглазая Кэма и прекрасная Аира с темными прозрачными глазами стали цветами. Пусть нашедший книгу рассудит, похож ли он на нас, пусть догадается об этом, сосчитав лепестки на цветах. Не было у нас другой дороги, с горечью писал автор, не было выбора, жизнь наша и судьба до конца раскроются тому, кто встретится с нами, кто похож на нас.

Они оставляли бронзовые статуи и храмы, висячие мосты и мраморные дворцы. Их ждало нечто более долгое, чем самый долгий сон. Хрустальный жгучий свет горячей звезды торопил их. А песок засыпал шпили и кровли их домов.

ФИТОТРОН

Наверное, образ человека, хранящийся в памяти с детства, взрослеет вместе с нами. Его можно как бы перемещать во времени, изменяя черты лица. Вот почему я сразу узнал его.

— Глеб... ты? — спросил он, оказавшись рядом со мной, на расстоянии протянутой руки.

— Похоже, мы встретились, Борис.

Это был Янков. Нам дали полную связь: я мог поздороваться с ним за руку, хлопнуть по плечу, наговориться, наконец. Утром я вызвал фитотрон, ту самую лабораторию, в недрах которой спрятали нежное растение, цветок с двадцатью тремя лепестками. И попал к биологу Янкову.

— Я знаю, о чем ты, Глеб... — сказал он, когда я попытался перейти к делу, — об этой истории я расскажу тебе первому. Обещаю. Когда вернешься на континент?

— Могу прилететь сегодня. Ненадолго.

Я внимательно наблюдаю за выражением его лица и не без удивления замечаю, что он смущен. Он уже не ря-

дом со мной. Нас снова разделяет четверть окружности Земли. «Просто устал, — думаю я, — или... у него не все ладится?»

— Тебя не тянет в наши края? — спрашиваю я. — Здорово было бы собраться туда вместе. И город и море те же, наши. Съездим как-нибудь?

— Непременно, — соглашается он, — вот только дела, дела, а дни как будто все короче. После сорока особенно заметно.

— Я тоже думал об этом. Но что тут поделаешь? Может быть, это как раз хорошо, что время подстегивает нас.

— Нет, брат, словами тут не поможешь. Иногда хочется заглянуть в приоткрытую зеленую дверь... знаешь?

— Да, понимаю. Волшебная дверь в стене. Но ведь ради этого-то мы и спешим...

— Наверное, мы часто проходим мимо и не замечаем. А когда увидим ее совсем рядом, то, как всегда, не хватает двух-трех часов, чтобы посмотреть, что там.

— Там бухта во время отлива и город у моря!

— Я серьезно...

— Я тоже. Серые волны у подножия сопки. Лодка. Чайки у окоема. Пространство, в котором можно исчезать и возвращаться. Да там просторнее, чем в Галактике.

— Может быть, но я не о том.

— Тогда расскажи.

— В этом не так просто разобраться.

— Допустим, и я в таком же положении. Что из этого следует? А то, что нам нечего скрывать друг от друга.

— Ты представляешь, что такое фитотрон? — вдруг спросил Янков без всякого перехода.

Я кивнул: конечно!

Слово «фитотрон» с детства вызывает в памяти полу-

сумрак лесов, паутинки на белокорых стволах самшита, мангровые чащи и высокис, как шатры, корни панданусов, колючие плоды дуриана на длинных плетях, плавающие листья виктории, незнакомые ароматы сказочно далеких лесов и саванн. Здесь верится всему, о чем написано в старых книгах.

Фитотрон — это полигон растительных чудес, место, где можно встретить калифорнийское дерево буджум, торчащее из земли, как перевернутая морковь, и высокогорный африканский вереск пятнадцати метров ростом. Здесь можно попробовать бразильский виноград жаботикабу, растущий прямо на стволах, и увидеть деревья, цветы которых спрятаны под землей. Неструдно представить здесь и озеро с кувшинками, ряской, соцветиями стрелолиста. И тропический водоем с коралловыми рифами и водорослями.

Нашлось здесь подходящее место и для водяной лилии из Близнецов. Они поместили ее в большой, очень высокий аквариум, как же иначе. И пригласили искусственное солнце. И зажгли другое — зеленоватое. И все вокруг стало напоминать о неярком свете, пробивающемся через горячие тучи, пылевые облака и многометровый слой воды...

Янков рассказывал:

— Нужно было воссоздать уголок совсем иного мира, отличного от нашего. Состав грунта, воды, кислотность, жесткость, все эти индексы, которые любого могут замучить... наличие изотопов, освещенность. Даже цвет воды и тот долго не давался нам. А у нас были считанные дни. Никакие цифры не помогут порой разобраться, почему в воде одинакового состава, в равных, казалось бы, условиях одни и те же организмы процветают, останавливаются в развитии, а иногда и гибнут. Не часто, но случается. Профессор Неванлинна, бородатый финн столетнего возраста, морской бродяга и корифей-океанолог, любил повторять, что за свою дол-

гую жизнь ему ни разу не удалось убедиться в справедливости законов, им же открытых. Океан — настоящая ловушка для назойливых экспериментаторов. Ничего не стоит получить морскую воду в лаборатории. Натрий, хлор, магний, еще десятка четыре элементов — больше ничего не надо. Ни один химик не отличит ее от настоящей морской воды. Но она губительно действует на некоторые формы планктона и даже на рыб. Но стоит добавить в аквариум несколько литров «живой» морской воды, произойдет необъяснимое: среда станет идеально поддерживать жизнь. И я боялся: мы могли убить растение, дремавшее в анабиозе около полувеска, пока корабль шел к Земле.

Я много раз видел руки старого финна, когда он колдовал с колбами и пробирками. Где ему было мечтать об инопланетной жизни! Но я живо представил, что сделал бы он на моем месте. Интуиция, не болес. Мы попытались как бы умножить свойства инопланетной воды: мы постепенно разбавляли ее. От этого ее словно становилось больше и больше. Реакция проходила постепенно. Нужно уметь ждать. И это, пожалуй, самое трудное в профессии биолога...

— Что там у тебя стряслось, Боря?

РАССКАЗ ЯНКОВА

Обычно я поднимаюсь не сразу и не сразу освобождаюсь от сна, от дремоты; неторопливо готовлю кофе, и становится постепенно все яснее, что же за день мне предстоит и что нужно сделать сразу, не откладывая, а с чем можно и подождать. Но в тот раз остатки сна улетучились мгновенно, мысли быстро стали ясными, тревожными. Ранний, очень ранний звонок! Вряд ли кто-нибудь даже из близких или друзей стал будить бы в такую рань: не было еще и пяти утра. На улице ноч-

ной осенний сумрак и сырость. На оконном стекле первый иней, растаявший по его краям. Я зажег свет. В комнате было неуютно, стол, как всегда, завален книгами, рукописями. Голова кружилась. (Лег я поздно, последние дни были полны хлопот. В общем, зеленая дверь из уэллсовского рассказа появляется всегда в самый неподходящий момент, ты знаешь...)

Я нажал кнопку связи. Экран пуст — по нему бежали светящиеся нити, как будто паук плел паутину. Звонок дребезжал нудно и жалко. Это был автомат, соединенный с лабораторией и фитотроном. Вот уже два года, как он молчал, я даже забыл, какой у него голос. Оказывается, у него женский голос и приятный тембр. Смысл сообщенного был туманным, несколько дежурных фраз вроде: «обнаружены отклонения химического состава в рабочей камере фитотрона...», «наблюдаются нарушения теплового режима и понижение концентрации азота...», «тепловой режим не соответствует программе исследований». Можно было подумать, что автомат сочиняет. При всем желании фитотрон не так-то просто вывести из режима: для этого, пожалуй, нужно прямое попадание крупного метеорита или девятибалльное землетрясение.

В пять минут эль домчал меня до трехкупольного, легкого, как дым, главного корпуса. Мне навстречу бежал долговязый человек в шляпе — Нельга. Мне почему-то не хотелось сейчас видеть Нельгу, человека добросовестнейшего, но не располагавшего к себе. Всегда нетрудно представить, что он скажет по поводу любого происшествия, и само его присутствие после этого становится как будто ненужным, необязательным. В тайниках моего сознания зарождалась порой странная мысль: ведь со временем я буду похож на него, вероятно. И это было неприятно, сказать по правде.

Наши пути сошлись у входа; двери распахнулись, Нельга снял шляпу и первым вбежал внутрь. Перед на-

ми раскинулся зал, несколько лабораторий, соединенных лабиринтами переходов, стерильные камеры для новых питомцев фитотрона, пластиковые стены и перекрытия, генераторы климата и света, увлажнительные устройства, аппараты и машины росы, дождей, ветров.

Мы двинулись широкими коридорами в следующий зал, а слева и справа угадывались просторные ниши, сводчатые галереи, то затененные, то освещенные скупыми белесыми лучами искусственной луны, прятавшейся в кронах дерсвьев. А высоко над нами, в черных разрывах между северными облаками, вспыхивали настоящие звезды. И небо со звездными огнями казалось вторым потолком, даже еще более реальным, чем первый, почти незаметный, невесомый, полупрозрачный. А рядом с нами шумела листва. Может быть, стань они поодушевленней, эти плененные растительные великаны, рассказали бы они об ураганах в дальней стороне, о тревожных криках перелетных птиц, о странных следах и чащобах, о южных созвездиях — дивных островах в ночном океане. Тогда хорошо послушать их...

Нельга безошибочно находил дорогу. Его цепкая память хранила все выходы из лабиринтов, все закоулки этого рукотворного зеленого рая. «Как автомат», — подумал я с завистью. Я едва поспевал за ним, и в голове, как ни странно, бродили мысли почти посторонние. Тревога поулеглась, поубавилась, стоило мне оказаться здесь, в привычной обстановке. Семь лет назад это был, если можно так сказать, один-единственный квартал будущего города. Каждый год площадь удваивалась. Кое-где все еще отступали леса и саванны, а здесь зеленое море разливалось все шире. Теперь в нем легко было заблудиться, если только не обращать внимания на светящиеся знаки и созвездия лампочек, словно парившие в воздухе.

Впереди угадывалась высокая стеклянная колонна-аквариум. Тонны воды, выпуклый объем, ставший

частью инопланетного мира. Подняв голову, я увидел сквозь светофильтры тускло поблескивавшее под зеленым солнцем глянцевое зеркало воды. Янтарные глаза приборов и датчиков пристально вглядывались в полумрак.

Нельга остановился как вкопанный.

Секундой позже я увидел нечто поразительное. По стенке аквариума медленно ползла водяная капля. Мы осторожно обошли аквариум: он был пуст. На дне его, по песку, тянулась цепочка углублений, напоминавших следы, но цветка с двадцатью тремя лепестками там не было!

Я включил свет и приборы записи. Это было очень важно — зарегистрировать на термопластической нити общую картину. Тут же мы выяснили, что инфракрасной записи не было, то есть лента, на которой с довольно высоким разрешением фиксировались все события до нашего прихода, попросту куда-то исчезла.

Мы слышали шорох, уловили какое-то движение у прохода в соседнее помещение. Там, в пятнадцати шагах от нас, кто-то притаился... Женщина, которую мы почему-то не сразу увидели...

Она стояла на траве, никогда не видевшей настоящего солнца, среди свесивших вниз свои ветви вечно-зеленых деревьев. На ней был белоснежный халат. Темные волосы ее были влажными, она откинула их назад левой рукой. У нее были длинные стройные пальцы. Необыкновенно мягкие пластичные движения рук наводили на мысль о музыке, о танце.

Их ритм завораживал. Мгновенное наваждение, которое испытывал и Нельга.

Возник неопределенный страх, и я начинал догадываться: нет, нельзя было изменять режим фитотрона. Что было бы, если мы сразу, с порога, вмешались бы в его работу? Наверняка случилось бы что-то неоправданное.

В тишине прозвучал нерешительный голос Нельги:

— Карташев в отъезде, нам с вами самим придется реагировать.

— На что реагировать? — обернулся я к нему: это словечко «реагировать» сбilo меня с толку, я растерялся.

Когда я спохватился, женщины уже не было. В считанные секунды она исчезла. Почему-то нам показалось, что искать ее бессмысленно: легче найти иголку в стоге сена. Скоро мы в этом убедились.

— Так как будем реагировать? — переспросил я Нельгу.

Он молча пошевелил губами.

У ЗЕЛеной ДВЕРИ

Сеанс связи кончился. Возможно, мы даже прихватили минуточку-другую сверх положенного времени. Я угорил его: у меня была копия записи. Репликатор тут же по изображению на экране воссоздал на термопластике рельеф.

Я попробовал собраться с мыслями. Простой вопрос: знал ли он о легенде? О расшифрованных письменах? Успел ли узнать? Кажется, нет... И чем дольше я размышлял, тем определеннее убеждался в этом. Во-первых, он не сразу поведал мне свои злоключения, он явно не хотел это делать. Вывод о похищении цветка был самым естественным, и они с Нельгой не могли не прийти к нему. Во-вторых, если бы он знал, то, бесспорно, сопоставил оба события (нужно, конечно, ознакомиться с текстом памятника инопланетной письменности). А отсюда — далеко идущие предположения. Во всем подобные тем, которые буквально захватили меня... Стоило допустить, что на камне записана легенда, имевшая прямое отношение к действительности, и тогда история с

фитотроном звучала совсем иначе, как прелюдия к встрече с космической явью, с подобными нам.

И если бы так и было, если бы он знал текст легенды, то вряд ли даже мне рассказал бы о происшествии — сигналы-то шли по общей межконтинентальной линии полной связи. Контакт с обитателями иных планет и верно у нас досих пор не было, но теория разработана основательно. Я помнил: при любом случайном контакте ни одна из сторон не имела права признать его свершившимся без взаимного согласия. Иначе трудно представить последствия... А где оно, это согласие?

Нет проблемы более серьезной и более сложной, хотя бы потому, что решение ее выходит за рамки нашей обычной логики. Я знал: вопрос в теоретическом плане ставится остро. Рассматривалось много случаев, когда и взаимного согласия еще недостаточно. Преждевременность исключает благоприятную перспективу развития.

Вот почему я не мог пока ознакомить Янкова с ходом моих рассуждений. Нужно проверить гипотезу. Самостоятельно. Время для споров еще не пришло. Я включил проектор.

Появилась точка, затем несколько концентрических окружностей — интерферограмма. Значит, пойдут кадры... Но нет, молоко, туман, как будто запись стерта, и разобрать, увы, ничего нельзя! Стоп! Это место, о котором говорил Янков: начала записи нет, как же я забыл!

Вот наконец... снова интерферограмма. Нельга, я узнал его по описанию Янкова... Аквариум. Крупный, очень крупный план. Песок на дне, видна каждая песчинка. Ямки, рывинки на дне. Следы? Размыто водой, не совсем понятно. Как будто следы. А вот капля на стекле, она уже сползла совсем вниз к моменту возобновления записи. Так... Ветви — они неподвижны. Я пристально всматривался... Они шелохнулись! Да, это она. Деревья с длинными узкими листьями... как ивы. Ветви

не укрыли ее, она выходит: волосы, лицо, белый халат с короткими рукавами (чей халат ей под руки попался — уточнить потом). Движения быстрые, легкие... ноги босые. Рука взметнулась вверх: поправляет волосы. Смотрит на Янкова. Глаза темные, большие, прозрачные. Ладонь на мгновение задержалась у мокрых прядей. Что это? Браслет! Он был прикрыт ее волосами. И вдруг засиял, открылся. Нитка с изумрудными цветами. А по ней как будто пробегает зеленое электричество. Удивительная соразмерность с линиями рук, шеи... настоящее украшение. Браслет-украшенис?.. Ну нет! Как это Янков и Нельга не заметили его? Это же о нем... в той книге. Вот оно что! А цветы на браслете? Эталон, матрица? Глупости... Рано об этом.

А дальше-то? Она уходит, уходит... Теперь этот чудак задает вопрос Янкову. А она вдруг скрылась! Ее нет в кадре.

Вот Нельга побежал туда, где примята трава ступнями ее ног. Удаляется... Исчез. Пустота. Аквариум. Тропическая зелень. Янков вызывает Нельгу. Тот заблудился! Перепутал знаки. Возвращается. Уходят вместе. Через минуту Янков снова в кадре. Поспешно проверяет запись. Все в порядке, дорожка изображения не стерта. Могло быть хуже... надо бы догадаться, с кем имется дело, дорогие биологи. Нельга, Янков. Вместе. Говорят о чем-то. Выражение лиц озадаченное, даже растерянное. Еще раз обходят аквариум. Нажимают какие-то кнопки, клавиши, с кем-то говорят по фону... Интерферограмма — конец записи.

...Легенда, записанная на камне, перестала быть сказкой. По крайней мере, для меня. Догадка моя все еще оставляла место для доказательств, я не смог бы, пожалуй, с уверенностью назвать имя женщины, оказавшейся в фитотроне. Кэма? Аира? Имена эти, недавно ставшие известными мне, еще принадлежали легенде. Но не было уже цветка с двадцатью тремя лепестками и

двумя узелками на каждом из них. Недаром, наверное, вышитый узор из сорока шести узелков соответствовал полному набору хромосом человека. Я мысленно продолжил разговор с Янковым. А позже вызвал его снова.

— Что же произошло дальше? — произнес я как можно естественнее.

— Не думай, что происшедшему можно дать какое-то объяснение. — Он отвел взгляд и помолчал, собираясь с мыслями. — Для нас это загадка. Вот почему я не спешил тебя посвящать во всю эту историю, но ты настаивал... Что произошло дальше? — повторил он мой вопрос. — Если бы что-то произошло, а то ведь нет, равным счетом ничего... Просто исчез цветок и больше не появлялся. Сегодня утром обнаружилась и еще одна пропажа: исчез халат препаратора Ракитиной, но это как раз легко объяснимо. Что ты думаешь об этом?

— О пропавшем халате?

— Да... и о нем тоже.

— Думаю, что халат пропал, точнее, украден. На большее, извини, моей проницательности как будто пока не хватает. Что ты решил?

— Есть правила для выбора решений, но нет правила для выбора этих правил, — заметил Янков. — Похоже, что все наши труды пропали даром. Одного не пойму: нелепый случай виноват или какая-то закономерность? Ну кому, скажи, пожалуйста, нужен был этот цветок?

— Тебя ведь интересует истина. Журналист рассказывает о новостях, а истины — не новость... Ты не знаешь о последних работах по исследованию инопланетного грунта? Может, тебе поговорить?..

— К чему? Тем более сейчас.

— И все же. Вот координаты. Там нашли, как мне передали, любопытную вещь — запись легенды на камне.

— Неужели? Я ничего не знаю об этом.

— Уверен, что тебя это заинтересует.

— Я свяжусь с ними.

И на прощание еще одно напоминание о том давнем времени, когда мы бегали по отмелям за отступавшей с отливом водой или перебирали речной песок — искали золото, а находили слюду, обманчиво блестящую на солнце.

Есть хороший принцип: ничему не верить, пока не отвергнуты самые простые и правдоподобные предположения. Слава богу, на нашей планете около десяти миллиардов женщин, половина — молоды, четверть из них — красивы, как предполагаемая Аира. Итого, миллиард с лишним.

Браслет... Нетрудно прикинуть, что к этому украшению небезразлична примерно каждая десятая женщина. Остаток поверий, смешанных с очаровательным дикарством, но красиво. Природа устроила так, что женщины склонны к деторождению, магии и колдовству. Вспомним теперь про теорию вероятности, несомненно мужское начало, рожденное и окрепшее за карточной игрой и во время безотрадных размышлений о судьбе и фортуне. Что она подсказывает? А то, что среди ста миллионов красивых женщин с браслетами наверняка найдется десяток миллионов именно с зеленым браслетом. Цвет не редкий. Светится, как от электричества или тепла — значит, вкраплены энергоносители. Вероятность уменьшается, но цифра остается внушительной: около миллиона. В доброе старое время пришлось бы исключить из рассмотрения тех из них, кому долго добираться до фитотрона, то есть почти всех. Ныне же поездка для любой из этого миллиона не превышает пяти часов из любой точки земного шара. Из удаленных районов добираться даже быстрее, если есть универсальный эль. Все они знали о фитотроне и звездном цветке. Неужели из миллиона не нашлось ни одной, которая захотела увидеть его; пробраться в фитотрон и удостовериться,

увидеть все своими глазами? Зачем?.. Простое любопытство, стресс... что-нибудь в этом роде. Нить рассуждений была тонкой, но вполне правдоподобной. Как она достала цветок? Элементарная техника и даже телекинез — все подходило для этого. На песке, на дне аквариума, угадывались следы, рядом с ним — тоже. Объяснение годилось. Выходит, это могла быть вовсе не Аира из легенды инопланетян.

А если она?

Наверное, кое-что послужило бы сигналом к превращению. Может быть, долгий анабиоз в камере космического зонда? Они предвидели такую возможность. И все, что они успели сделать, — это подготовиться к ней. Гены цветов несли двойную информацию. На них был как бы вышит узор — невидимое даже в самый сильный микроскоп изображение, в нем, допустим, и хранилось человеческое начало. Рисунок хромосом, полный набор генов. В подходящих условиях рисунок «проявлялся». Гены начинали управлять превращением. Рождался человек. Но какие это условия?

Я на минуту задумался. Мне трудно разобраться во всем, гипотеза вела меня слишком далеко. Вдруг я понял: одним из условий мог быть анабиоз! Ведь это значило, что цветок взят на космический корабль. Но главное не в этом. Не сам анабиоз, конечно, вызывал превращение. Что же? Понять нетрудно: то, что следовало за этим. Если анабиоз прервался, значит, долгое звездное путешествие кончилось. Это и было сигналом. Стало быть, тут все и началось. Но где взять строительный материал, так сказать, материальную первооснову жизни? И машинально, без всяких усилий я вспомнил об океане. Разве не этой могучей стихии мы обязаны своим рождением — в эволюционном, конечно, плане? Вода, может быть, азот воздуха, атмосфера. Вот почему изменился состав среды в фитотроне! В тот вечер, когда Янков услышал вызов автомата...

...Вода пришла в движение. Стоп. Это капризная стихия, нужны дополнительные предположения. Среда должна быть такой, чтобы превращение могло состояться. Значит, *они* должны были предвидеть все. Ведь Янков говорил о роли тех миллиграммов примесей, которые всегда растворены, они могли помешать или помочь. Но это же просто! Вода не могла быть иной. Кто угодно на месте Янкова в точности воспроизвел бы ее состав. На этом и строился их расчет. Инопланетное озеро или море было их последним убежищем, их владением. Разумеется, они могли управлять его составом. На долю тех, кто отыскивал цветы, оставалось одно: сделать так, чтобы вода была такой же, ничем не отличалась ни по составу, ни по свойствам. Иначе неизбежен риск. В другой среде ничего бы не вышло. Вот оно, еще одно условие: полное совпадение химического состава воды после долгих лет анабиоза! Это означало: рядом разум, люди, заботящиеся о них. Впрочем, они могли бы уловить и незначительные отклонения от нормы: и это само по себе свидетельство того, что кто-то заботится о космическом госте. Искусственная среда, несомненно, одно из проявлений разумного начала. Следовательно...

Я много раз пытался связаться с Янковым, но его просто не было в лаборатории, он пропадал целыми днями, никто не знал, где он, и только на третий день мне сказали, что он в Минске, в том самом институте, куда попал грунт.

«Приятный сюрприз, — подумал я, — и для него, и для меня. Что-то он скажет?»

Выходить на Минск я не стал. Не знал еще, готов ли Янков к разговору.

Но он не появился и несколько дней спустя, хотя я и подозревал, что работа шла: в лаборатории пахло суетой, девушка, которая меня внимательнейшим образом выслушивала совсем недавно, теперь перестала даже

узнавать. «С чего бы это?» — подумал я. Потом я махнул рукой на возможность встречи и послал ему вопросы, все, какие только пришли мне в голову. Вскоре от него пришел ответ.

«Благодарю за помощь, которую ты оказал мне. Сейчас я понимаю, что вопросы твои ускорили дело настолько, что даже я стал кое-что понимать в этой истории. Прежде всего, мне хотелось бы подтвердить догадку о ферментах и катализаторах. Без них процесс в аквариуме, или превращение, как ты это называешь, не мог бы окончиться благополучно в ограниченное время. Здесь, в Минске, нам удалось обнаружить остатки этих веществ в пробе грунта. Сами не зная того, мы создали их, растворив в воде все необходимые компоненты, — тогда, когда начинался наш эксперимент. Они возникали в слабом растворе и напоминали жидкие кристаллы; зыбкие и неустойчивые, они распадались, уступая место другим, чтобы вновь появиться. Так устанавливалось своеобразное динамическое равновесие: в воде всегда присутствовали многочисленные компоненты, ускорявшие процесс в десятки и сотни раз. И в то же время сами эти вещества лишь помогали превращению. В этой сложной, как бы многоцветной картине нам еще и сейчас не так легко разобраться. Мы столкнулись с интересными явлениями, о которых нельзя было и подозревать, когда начинался опыт и все данные, казалось, были налицо.

Секрет разгадан не до конца, но замысел и его воплощение поразительны. Как это у них получилось? Даже представить трудно. Если бы ты рассказал об этом мне во время сеанса, я не поверил бы. Думаю, ты догадывался уже тогда. И, несмотря на это признание, не могу не заметить: как это тебе удалось промолчать? Впрочем, и я на твоём месте поступил бы точно так же. Янков».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Сегодня день рождения Соолли, Глеб! — напомнила Валентина.

«Что ей подарить? — подумал я. — Вопрос. Я ведь с ней незнаком. Не знаю ее. Значит, все равно».

В груди старых металлических вещей, которыми так дорожил Энно, я подыскал подходящую медную посудину столетней давности. Когда я почистил ее мелким тихоокеанским песком, она стала совсем как новенькая. Оставалось приклепать ручку.

Медный прут, который я еще раньше заметил в морском сундучке в каюте Энно, вполне подошел бы для этого. Нужно было достать молоток. Ни у кого на корабле не нашлось этой реликвии. Я вызвал того самого голубого робота, в исправности которого был уверен Энно, и попросил решить задачу. Минут через пять он принес пневматический молоток, который почему-то не работал.

Он пояснил:

— Устаревшая конструкция, не способна к самовосстановлению.

— Достань что-нибудь еще, — потребовал я, — чтобы можно было расплющить прут.

— Первичные задачи не программируются. Их решает Энно.

— Сам знаю, но ты же неглупый парень. Придумай что-нибудь.

— Хорошо, — сказал кибер и выскользнул за дверь.

Через четверть часа он явился с заржавленной болванкой, которую можно было держать только обеими руками, такая она была массивная. Потом я отправился к Энно с бутылкой рома и через час вернулся с медной ручкой будущей кофеварки. Все это время кибер ждал меня; он истосковался по работе. Я подумал несколько минут и отправил его на палубу, чтобы он

отвязал от шлюпки якорь и доставил его в каюту. Он попробовал возражать, но я убедил его, что чем меньше у Энно под рукой будет музейных экспонатов, тем лучше с точки зрения его собственной безопасности.

— Так что лучше стащить якорь вместе со шлюпкой, — закончил я, и это окончательно убедило кибера.

Но понял он меня буквально. Якорь он отрезал, а шлюпку отправил за борт. Несколько дней после этого случая Энно как-то подозрительно смотрел на меня и то и дело переводил разговор на тему морской романтики и дальних путешествий, когда шлюпка может значить так много...

Итак, мы вооружились этими инструментами. Якорь служил наковальней. Ручку мы приварили ультразвуком. Кофеварка была готова. Я еще раз потерял ее песком и подогрел в электронном термостате, чтобы металл слегка окислился.

«Интересно, видела ли Соолли когда-нибудь свечу? — подумал я. — Наверное, нет. Сувенирные свечи забыты в прошлом веке, значит... Что, если попробовать? Уж щедрость так щедрость!» Я выудил из моего кибернетического собеседника кое-какие сведения о стеариновой кислоте.

— Попробуем? — спросил я.

Он понимающе кивнул своей круглой симпатичной головой и пустился на поиски мыла и серной кислоты. Затем настрогал мыльных стружек, залил их водой, размешал, поставил смесь греться. Разбавил кислоту и осторожно влил ее в раствор мыла. После того как на поверхность всплыла белая масса, он указал на нее своим механическим перстом:

— Стеарин.

Он просушил его, завернув в мое полотенце. Отрезав от полотенца сухую полоску, он сделал фитиль, расплавил стеарин. Опустил фитиль в стакан и залил стеари-

пом до верхнего края. Стакан лопнул, кибер извинился. Но свеча была готова.

Я упаковал подарки в коробку и отпустил помощника. (Мы возились с ним целый день.)

Мне сказали, что гости соберутся в лаборатории. Я пришел туда без опозданий, в эту скучную и прохладную обитель разума, но вокруг было пусто, светились холодные стеклянные цилиндры, в колбах сновали какие-то насекомые не крупнее мухи.

Я совершенно потерялся в этом безразмерном пространстве, где неслышно дышали кондиционеры, а гироскопы останавливали не только легчайшую бортовую качку, но, казалось, и само время.

Вот где Соолли прятала от людских глаз кашееву иглу! Среди обычных клеток попадают и такие, что не хотят умирать. словно энергия роста не убывает, как почти всегда, а остается неизменной или растет со временем. До сих пор, я это знал, не было собрано сколько-нибудь представительной коллекции, относящейся даже к главнейшим видам.

Внешне такие клетки ничуть не отличаются от других. Только вот обычные «кирпичики» через пятьдесят-семьдесят делений погибают, разрушаются, а с ними и все здание организма. Неожиданное исключение из этого печального правила — раковые клетки. И еще одна форма живого: клетки активные, неумирающие. Найти их труднее, чем живую воду. Невольно вспомнишь сказку про Кашея бессмертного. Особенно после миллиона-другого напрасных попыток. Но крохотные комочки протоплазмы — это семена и ростки могучего дерева жизни. Если бы когда-нибудь удалось объединить в организме клетки бессмертные, или, как их называла Соолли, активные!.. Не здесь ли это произойдет?

Думаю, что самые простые существа служили ей моделью, помогавшей разглядеть секреты живого. На ее месте и я бы так поступил. На одном из цилиндров я

прочел: «Опыты с внешней памятью». Знакомо, подумал я. Инфузории, например, не любят ударов электрическим током. Можно закрыть часть сосуда (лучше узкой трубки) от света и включать электрическое напряжение тогда, когда простейшие доберутся до теневого участка. Стоит пять-десять раз поприветствовать их таким образом — и они будут поспешно поворачивать назад на границе света и тени, даже если их не будет там ждать электрический щелчок.

Подвижная затемняющая шторка позволила выяснить вот что: инфузории пугались не темноты, не тени, они поворачивали с того места, где прежде была тень. Они реагировали на следы испытанного удара, оставленные ими самими, в том месте, где он их настиг. Это и есть внешняя память. Отсюда Соолли тянула зыбкий мосток к активности клеток. Будто бы выключить память — значит наполовину решить проблему бессмертия. Все на том же, конечно, на клеточном уровне.

...Через несколько минут я услышал голоса, смех и понял, что заблудился. Холл, где собрались гости, был рядом. Перегородка отделяла его от лаборатории Соолли. Я ни за что не нашел бы выход, искусно задрапированный, если бы передо мной вдруг не предстала она сама, не взяла за руку и не вывела из закоулков, приблизивших было меня к решению загадки бессмертия.

Я растерялся. Яркий свет слепил. Было шумно. Подошла Валентина. Все стало на свои места.

— Она красива, правда? — медленно проговорила Валентина, кивнув в сторону Соолли. И отвела глаза.

— Чем она тебе приглянулась?

Валентина порозовела.

— Просто я попробовала угадать... Жить бы ей во времена караванных троп, мускуса, солнцеликих невольниц и златотканых ковров. Я не могу ей возражать: только слушаю и делаю, что она говорит. Наверное, я еще нескладная девчонка по сравнению с ней.

— Она мне тоже нравится.

— Видишь, я угадала.

— Стоит девица Катерина, что твоя красная машина. Разодетая, разубранная, как ряженая суженая! Это о ней. Так я вижу.

— По-твоему, она такая?..

— Она на свой день рождения прямехонько из прошлого века прибыла. Как и Энно, на машине времени. Впрочем, это современно.

— Шутка?

— Я всерьез. А она сегодня веселая. Но так умеют веселиться только серьезные женщины.

— Я не могу.

— Нужно сосредоточиться на мысли, что все вокруг немного смешно.

— Мне хорошо, но я всегда немного сонная... и, наверное, растрепанная.

— Говорят, с возрастом это проходит.

— Приятно слышать, я не знала. Что ты ей подарил?

— Да вот... Нужно вручить.

И я направился к Соолли.

Как рассказать о ней? Соолли и впрямь казалась божественно-неповторимой в своем гладком зеленом жакете, туго стянутом серыми шнурками, коротком темном платье с оборками и кружевными цветками. К поясу ее жакета хрупкой ниткой жемчуга была прикреплена анилиново-розовая астра. На подоле платья, под тонкими черными кружевами оборок тускло светила огромная серебряная булавка.

Блестящие локоны волос спадали на открытую шею, и она поеживалась от их упругого прикосновения. На длинных узких носках ее открытых туфель — неувядающие гвоздики.

Подошел Энно и осмотрел мои скромные подношения.

— Вещь, — отозвался он о кофеварке, — где взял?

— Брат из Антарктиды прислал, — меланхолично ответил я.

— Настоящая полярная, — заметил Энно и понюхал металл. — А свеча?

«Да ты полный наив, старикан», — подумал я и сказал:

— От деда, по наследству досталась.

Я заметил, как сияли глаза Соолли: они были у нее выпуклые, темно-синие, с большими зрачками и оттого вечером казались почти черными. Ресницы у нее бархатные, как бабочки.

Я не мог проникнуть глубже, внутренний взор ничего не рассказал мне о душе этой элегантной фрау, как бы ни напрягал я воображение. Возраст ее определить было трудно, только манера держаться и могла выдать в ней сорокалетнюю женщину. Она восхитительно танцевала, весело смеялась, но смех ее не заражал меня. Я спрашивал ее о великом подводном мире — она отвечала не без поучительности, так, как отвечают на вопрос студента. Ей это было приятно. Черты лица ее менялись, они приходили в движение каждый раз, когда она освещала свой лик улыбкой, а подбородок осторожно напоминал о чем-то загадочном, необъясненном, чему нельзя подыскать слов. Ей очень шли роговые очки, подаренные Энно.

Сюрприз, даже вольность, так мне это представлялось: за соседним столиком чинно сидели три кибера, и перед каждым стоял бокал с лимонадом и кусочком матового льда. Соолли вышла и снова появилась в накрахмаленном переднике, с тонкой косынкой на бело-розовой шее и грациозно поставила перед ними вазу с конфетами. Киберы чинно ей поклонились. Когда Соолли величаво отдалилась, Энно, поперхнувшись, тихо, но внятно сказал, обратившись к необычным гостям:

— А ну, сынки, давайте-ка отсюда...

Минутой позже Соолли появилась за столом (уже без передника), и инцидент был исчерпан. («Это сегодня мои помощники, Энно».)

Соолли... Невольно стал я думать о ней, но раздумья ни к чему не привели. Можно было представить себе, как озадачила бы и возмутила ее любая несбыточная история: книге на камне она, без сомнения, поверила бы последней. И потому я молчал. Боялся, что ненароком возненавижу ее. И чтобы уйти от этой назойливой мысли, включил экран и спросил, как она представляет океан и планету, прошлое и настоящее и вообще все то, что имело отношение к биологу Соолли Эрнульф и ее лаборатории. Мы условились с ней: экран будет внутренним, только для нас. К чему надоедать гостям? Маленький экскурс в прошлое. Прогулка. Точнее — фильм, режиссером и оператором которого была она. В этот день мне хотелось не узнать, а именно увидеть то, о чем я думал сейчас. А думал я о пятой стихии, имя которой — жизнь. Толчком к этим размышлениям послужила история с Близнецами. Итак, фильм. На пять минут, пока мы танцевали.

* * *

...Над черными камнями, над огнедышащими кратерами, над дымящимися озерами, над потоками лавы, воды, над низкими горячими туманами гремели грозы.

Тучи в три слоя окружали планету, три ряда молний освещали темное пространство между тучами, три дождя одновременно низвергались на землю, смешивались в диком реве, устремляясь вниз, рождая океаны.

...Серая мгла горячим саваном укрыла материк.

Дожди размывали лаву, размывали хребты, рушились каменные стены и перегораживали потоки. Глыбы первозданных нерукотворных плотин под тяжестью мутной воды двигались как живые, воды поднимали их и

сносили в океан. Намывались острова. В первые разрывы туч падали горячие красные лучи. Пар, как белое молоко, стелился над берегом. И снова двигались хребты, содрогалась земля, пепел поднимался клубами, тяжело падая затем в стремнины. Потоки селей клокотали и сносили все на своем пути. Они стремились к океану. Берега были черны от пепла и грязи. («Здесь не очень-то уютно, Соолли».)

...Самые большие глыбы заносило песком в считанные дни.

Берега возникали и размывались. Лопалась кора планеты. В горячие швы бежала вода, взрываясь жарким фонтаном, поднимаясь на целые мили вверх, стремясь опять к океану, разравнивая породы, рождая пески, перемалывая камни, прокладывая русла.

...Ложе океана занесло прахом первозданной земной коры. Многожды приподнялась земля на его месте. Поплыли плиты континентов. Где была суша, возник океан. Где было море, выросли, поднялись материки. Теплый газ устремился в атмосферу. Пар и аммиак. Метан и водород. Солнце нагрело газ. Молнии соединили молекулы. Газы сгустились в жидкость. Жидкость вскипала от жгучих лучей и молний. Осколки молекул снова соединялись, образуя цепи — пунктиры будущих белковых тел. Капли из поднебесья попадали в моря.

...Смешивались с солеными водами, а воды меняли цвет.

Цвет жизни — желтый, палевый, лучи не проходят светлыми столбами до дна, они рассеиваются, растворяются в невидимой, неосязаемой субстанции, и нельзя увидеть четкой тени в том месте, где под скалистыми обрывами зияют пещеры и гроты.

Будто бы заползает свет и туда. А на зыбкой неощутимой грани света и тени — движение. Новые цепи молекул. Станный бильярд, электрические токи, новые соединения несоединимого.

Янтарные воды лагун лениво шевелились успокаиваясь. Молекулы, точно крохотные бусы, связали воду. («Терпи, — подумал я, — сам напросился. Сценарий поучительного биофильма сделан, конечно, для первокурсников. Не специально же для тебя она его придумала. И в этом вся она. Неплохо бы ей ответить, не выходя за рамки жанра... Позже».)

...Пузырьки воздуха поныне удивляют ученых: их поверхность как магнит. К ней прилипают органические вещества. Даже мелкие крупинки руд остаются на пузырьках, даже пылинки (флотацию изобрели инженеры, флотацию совсем иного рода воспроизвела природа: тяжелые молекулы-цепи тянулись вверх за пузырьками). В белой пене волн — невиданное богатство, накопленное за миллионы лет, законсервированные грозы, незримо сконцентрированные солнечные лучи — их отблески записаны в необыкновенном узоре молекул, прародительниц белка.

...Штиль.

Потом ветер, много дней кряду. Гонит и гонит пену к берегу со всего оксана. Вода густеет в лагунах, а ветер дует и дует в одну сторону, в сторону берега. И вот нет песка и воды. Необычайный студень вместо них остается у безжизненных пока камней. Он проникает в гроты, заполняет подводные пещеры, ложится толстым слоем на побережье.

Первые сгустки, не размываемые водой. Случайность, неизбежная случайность соединила молекулы так, что они притягивают к себе вещество, растут. Они начинают жить. («Смотрите и слушайте внимательнее, Глеб, впреди — главное».)

Мерцающее лучевое давление заставляет дышать живые клетки и первородные пузырьки. Пульсация — это дыхание, обмен веществ, рост. Крохотные пузырьки возникают в белковых каплях и наполняются солнечным ветром, они, точно маленькие паруса, трепещут, дро-

жат от сияющих игл-лучей. Лучевое давление выдувает новые, дочерние пузырьки — так живое стало почковаться. Плазма потекла от центра к краям живых пылин — наметились артерии. Межклеточный противоток плазмы положил начало венозной системе. Ионные биотоки заставляют плазму свертываться в волокна — так намечается нервная система.

Жизнь, подобно Афродите, возникла из пены морской.

...Вот как Соолли это представляла и видела. Мог ли я не вмешаться? Почти невольно я продолжил фильм. Мои кадры... для нее.

Афродита выходит из пены морской.

...У нее темные волнистые волосы, большие синие глаза. (Точь-в-точь Соолли.) Выйдя из пучин морских на дневной простор, она тут же надевает старомодные роговые очки, не заботясь об остальных предметах туалета. Тут я включил звук погромче: «С днем рождения, Соолли!»

ВЫДЕРЖКИ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ИНТЕРВЬЮ

Константин Ольховский, руководитель пятнадцатой экспедиции на исследовательском корабле «Гондвана»:

Можно предполагать, что гены цветов несут двойную информацию. Тонкая структура гигантских молекул хромосом еще не раскрыта. Сорок шесть узелков — это поэтический образ, помогающий понять суть, не более. Но вряд ли следует исключать фантастическое на первый взгляд предположение. Мы обязаны обратить внимание даже на самый невероятный исход.

Энно Рюон, навигатор и механик «Гондваны»:

Удивляет случайное пророчество древних звездочетов, давших имя Близнецы именно тому созвездию, в котором превзойдены все рекорды близости светил. Десять миллионов километров — это мало даже по мер-

кам нашей солнечной системы. В библиотеках информационных центров я нашел упоминания и статьи об этом эксперименте прошлого века. Вопрос о цивилизации наиболее интересен. Они пытались понять себя и свою планету как часть мира. Да, они превзошли нас. И ничего не утратили в процессе развития. Еще долго не найдем мы столько межзвездных кораблей, чтобы вызволить их из беды. Но захотят ли они этого? И нет ли у них другого пути в будущее?

Борис Янков, биолог фитотрона:

Почему я ршил стать биологом?.. С детства люблю все живое. Бродил по лесам, по сопкам, по берегу моря. Читал, слушал рассказы. Однажды увидел настоящий фитотрон. Держал на коленях орех сейшельской пальмы, обхватив его руками. Трудно было поверить, что из-под коричневой кожуры когда-нибудь покажется живой росток... А отец рассказывал потом о долгих приключениях сейшельских орехов: как они попадают в море и тонут, но, когда верхняя оболочка спадет, они становятся легче и всплывают.

Ветер и течения носили их по белу свету, пока шхуна или бригантина не принимала на борт тропическую диковину. Средневековые мудрецы гадали, к какому царству их отнести: животному, растительному или минеральному. Рассказывали, что растут они на деревьях в подводных садах близ Явы. Будто бы не раз ныряльщики соблазнялись видением дивных морских кущ, но стоило им приблизиться к ним, как видение исчезало. Но проходит время — и гиганты-деревья поднимают над водой свои кроны. И тогда прилетает грифон охранять их от людей.

Метр в окружности! Семилетнему мальчугану не подпять такой орех. Пронырливые мореходы некогда рассказывали чудеса об их целительной силе. Один из Габсбургов обещал заплатить четыре тысячи золотых флоринов за одну такую находку. Неизвестно, нашелся ли

капитан, готовый выполнить заказ монарха. С фитотроном проще.

Сергей Шинаков, историк и лингвист, специалист по дешифровке памятников письменности:

Вы спрашиваете, почему я мысленно сфотографировал текст, как бы выучил его наизусть? Почему боялся, что он исчезнет?.. Мне припомнился в те дни подлинный случай, отмеченный в документах семнадцатого века. К одному из сподвижников Оливера Кромвеля пришел неизвестный и заявил:

«Сэр, вам слишком много драгоценного времени приходится терять в черном кабинете, где вскрываются письма и снимаются копии. Между тем меньше чем за минуту я могу подготовить копию любого письма, как бы пространно оно ни было».

Джон Турлоу, к которому обратился незнакомец, был удивлен его осведомленностью в работе отдела полиции, ведавшего перлюстрацией. Надвигались решающие события, и непредвиденная помощь могла оказаться очень полезной. Незадолго до этого Турлоу с помощью доктора Джона Уоллеса Оксфордского дешифровал секретный код эмигрантов, готовивших убийство Кромвеля. В соседней Франции зрели заговоры и плелись искуснейшие интриги. И потому без долгих размышлений Турлоу принял предложение. Новый сотрудник работал в отдельном кабинете. Он регулярно передавал Турлоу копии наиболее интересных писем. Именно он каким-то непонятным образом умудрялся работать даже с отравленными посланиями, адресованными лично Оливэру Кромвелю. Любопытная подробность: через десять-двенадцать часов буквы на копии документа тускнели, и вскоре исчезали совсем, как будто бы их и не было вовсе. Оставался чистый лист бумаги. Но за это время Турлоу и его многочисленные сотрудники успевали узнать много.

Так было покончено с заговором сэра Джона Пекинг-

тона, ввозившего в Англию боеприпасы под видом французских вин и парфюмерии. А немного позже — разгромлено тайное общество роялистов «Тугой узел».

Секрет быстрого получения копий так и не был открыт. Фотография родилась два века спустя после этих событий. Но первые фотокамеры и не справились бы со столь тонким и спешным делом. Эта любопытная история с исчезающим текстом не давала мне покоя.

Андрей Никитин, научный обозреватель вестника «Океан», журналист и поэт:

Что я могу сказать?.. Они видели свое будущее, начало бесконечной дороги в никуда. Они хорошо знали начало пути, но как он кончится и кончится ли когда-нибудь — об этом они могли лишь гадать. Наверное, последние из них сидели у темных окон, глядя в проколотое звездами небо, и не могли уснуть в преддверии жгучего утра, новых потоков огня, низвергаемого светилom.

Могли ли они хотя бы мысленно свыкнуться со своим новым «я», с новой стихией, которой они вверяли себя, свое будущее? Они оставляли бронзовые статуи и храмы, висячие мосты и мраморные дворцы. Впереди их ждало нечто более долгое, чем самый долгий сон.

Говорили ли они друг другу прощальные слова? Желали ли встреч? Было ли это в самом деле похоже на сон — с потаенными видениями, глубоко спрятанными мыслями, неожиданными прозрениями? Или это напоминало небытие — черную бесконечную пустоту? Хрустальный свет, струившийся с горячей звезды, торопил их. Вряд ли у них оставалось время на всякие второстепенные эксперименты, хотя они и знали, что потом окажутся бессильными что-либо изменить...

Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

Огромная планета дичала, словно околдованная. Буйные ветры обнажали пласты самородного металла, засыпали русла пересохших рек, развалины дворцов.

В дневник я заносу иногда поэзограммы событий, но не для того, чтобы обнаружить потом что-то важное (оно помнится и так, не забывается). Хочется иногда понять, проследить, из каких же кирпичиков или атомов складывается жизнь, что волновало меня вчера или десять лет назад. Есть там записи и о чудесах столетней давности. Стоит перевести стрелку на его обложке, и я могу узнать про дрожжевую клетку, соединенную с красным кровавым шариком, про первых роботов-регулирующих на улицах городов, про ген, синтезированный в лаборатории, про Несси, древнюю рептилию длиной в двадцать метров с ромбовидными плавниками, чешуйчатой кожей и крохотной головкой (вид вымер в результате активного вмешательства в экологию с целью его обнаружения и охраны). Есть там записи и о мелких чудесах, на которые пресса проливает свет с правильными интервалами, подобными периодам между эпидемиями. Есть и личные наблюдения, именно те, которые могут оказаться со временем на грани забвения. Привлекают своей необычностью старые стихи, нравятся рифмы, подчиняющие мысль.

История с Близнецами полна поэзии, по крайней мере для меня. Ведь разрушение в жизни и поэзии не что иное, как начало созидания. Думаю, глубоко прав мой предшественник, сказав однажды:

Весны пословицы и скороговорки
По книгам зимним проползли.
Глазами синими увидел зоркий
Записки стыдесной земли.

Для него, как и для меня, поэзия — преддверие будущего.

ОСТРОВ

«Гондвана» бродила близ Марианской котловины, и несколько раз я видел на горизонте зеленые острова и атоллы. Вода удивительно прозрачна. Планктон исчез. Мы продвинулись дальше на восток и увидели настоящие океанские пустыни: течения здесь давно утихомирились и не приносили питательных солей из глубин, десятки метров под килем «Гондваны» казались стеклом, которое не мешало наблюдать диск. (С его помощью измеряли прозрачность. Измеряли и удивлялись.)

Где-то в районе Централных Полинезийских Спорад мы обнаружили отклонения в скорости акустических волн, распространяющихся в разных направлениях. Дно океана устроено не так уж плохо с точки зрения физика. Земная кора там в три-четыре раза тоньше, чем на суше, у нее меньше слоев, но она постоянно передает потоки энергии из земных недр и воспринимает размеренное движение глубинных вихрей.

Когда «Гондвана» шла полным ходом, перед нами словно в цветном калейдоскопе мелькали острова. В пределах одного архипелага расстояния между ними не так уж велики, и полинезийские лодки с отважными смуглыми гребцами на борту без труда преодолевали их. Коралловые острова резко отличаются от вулканических. Они едва выглядывают из океанских волн. Я был удивлен: растительность на этих плоских, всего в несколько метров высотой памятниках жизнелюбию мелких морских созданий так однообразна, что все они казались издали одинаковыми. И здесь не произрастали ни хлебные деревья, ни бананы, не возделывались батат и ямс, не шумели леса, не струились реки и ручьи.

Экзотической красотой, роскошными пейзажами, считающимися классическими для этих мест, отличаются только острова вулканического происхождения. С этой

оговоркой я мог бы подписаться под словами одного из путешественников прошлого:

«Перед нами возникла вдруг долина. Я окинул ее взглядом, затаил дыхание, прикрыл глаза, чтобы солнце не слепило меня, и снова взглянул на нее. Столь прекрасной и пленительной картины мне еще не приходилось видеть.

Вдоль черного берега, усеянного обкатанными водой камнями, на расстоянии примерно в один километр волны разбивались, образуя беспокойную пену, в которой играли и сверкали блики солнечного света. За камнями сразу же начиналась полоса зеленой, как изумруд, травы, впереди росли стройные пальмы, раскачивая на ветру султаны листьев, которые каждое мгновение меняли свой цвет от бледно-зеленого до темно-каштанового. Среди пальм виднелось несколько красных крыш и широкая дорога, окаймленная деревьями — цветущими тиарами и пуару. Дорога, однако, вскоре исчезала, теряясь в пышной и густой растительности, и растительность, подобно зеленой реке, заполняла всю долину, чтобы в конце концов упереться в скалистую круглую стену в виде правильного полукруга. Можно было поклясться, что находишься в театре, что горизонт — это нарисованные декорации, настолько гармоничным был пейзаж».

Как-то мы подошли к такому острову на «Дельфине». Только не было красных крыш и дороги — все здесь выглядело первозданным. Я знал: самые малые острова превратили в заповедники — места пока достаточно и на космическом кольце.

Валентина оказалась на «Дельфине», а я сошел на берег и попросил часа через три забрать меня. Я шел по теплему песку и радовался: похоже, что мечта моя осуществилась, остров был передо мной, и темные птицы кружили вдали, у невысоких скал. Я искупался в лагуне и растянулся на пляже. Но солнце припекало, и

пришлось перебраться к скалам — там были и зелень и тень.

Я задремал. А когда открыл глаза, то увидел у самого уреза моря Валентину. Но возвращаться мне было рано: едва ли прошел час с тех пор, как я стал робинзоном.

Валентина что-то искала: низко наклонялась, разглядывала песок и ворошила его ладонью. Я думал, она собирает ракушки или камешки: это детское занятие удивительно шло длинноногой барышне в модном купальнике. Но я ошибался: в левой руке она держала сумочку вишневого цвета с узким ремешком и туда ссыпала то, что находила на берегу. Прошло полчаса. И вовсе незаметно было, чтобы сумочка стала тяжелее или сколько-нибудь наполнилась добычей. Это ее так занимало, что я решил подобраться ближе и раскрыть маленький секрет, тем более что она вряд ли бы меня заметила. И вот я увидел: она собирала песчинки; пристально всматривалась, сортировала песок на ладони, даже дула на него, выбирала какие-то невидимые крохи и прятала их.

Я улыбнулся. Валентина, кажется, охотилась за редкостями. Найти звучащую песчинку непросто. Даже миллиард кварцевых или гранатовых осколков не заставит заговорить звукоскоп, если только не повезет. Это не синтетические пылинки, которые иногда специально рассыпают в заповедных лесах, в разных глухих чащобах, на звериных тропах и на дне рек. Едва видимый элемент памяти записывает звуки. А если их много, то, собрав вместе, можно составить полную картину, представить и полет птиц, и ход рыбы (рыбы тоже издают звуки!), хорошо бы, конечно, все это видеть, но сто раз услышать тоже неплохо.

Валентина надеялась на чудо. Найти именно такую песчинку, какая ей была нужна, очень трудно. Звук может сохраниться в кристаллике с определенным набором

примесей, но чаще всего его не удастся усилить даже с помощью самого чуткого прибора. Разве только если охотник родился в рубашке. Да и что может остаться на морском берегу от прошлого: шум прибоя? плеск ленивой рыбы? раскаты грома и рокот тропического ливня? Они повторяются вновь и вновь и скорее стирают следы времени, затушевывают его приметы. Неужели ей посчастливится?

...Совсем рядом поднималось над синим зеркалом вод зеленое закатное зарево. Берег, золотистый пляж вызвали далекие воспоминания о каком-то заколдованном парке, где исчезает время, превращаясь в мириады песчинок, где пролетают с криками птицы, махая радужными крыльями, садятся на песок, клюют песчинки и опять улетают в дальние страны, унося груз времени. Будто бы живет такой зачарованный сад только настоящим: войди — и забудешь все на свете и будешь думать только о том, что увидишь там: о пальмах, о ласкающихся пушистых зверях, о бесконечной пряже лучей, посылаемой солнцем для румяных пригожих прях, дев из сказок.

А вода — это продолжение мира надводного. Кажется, в зыбких летучих волнах найдешь и солнце, и птиц с чарующими голосами, и прях, заклинающих невесомую пряжу (она ссыпается к их ногам пушистыми блистающими куделями, а белые руки их тянут нить с золотого веретена). И послушно вращается солнце, уступая ласковому понуканию тонких пальцев. И скатывается с чаши небесной все ниже!

Околдованная видением этого сада, Валентина вошла в воду.

Ближний к воде ее след на песке быстро размыло водой. Она казалась мне белой свечой с золотым огнем волос. Была она нага и шла в лагуну петоропливо, качая легко головой, подставляя ветру копну волос, но ветер не давал прохлады; все было здесь сейчас сказоч-

ным, песенным, кукольным, неправдашным. Она побежала, взметая коленями белые брызги, рассыпая перламутровую пену, окунулась радостно и поплыла. Ее голова двигалась над синью навстречу багровому шару, рассыпающему последние лучи в зеленом закатном просторе.

Я вышел из-за скалы, и, когда голова Валентины скрылась вдали, приблизился к урезу воды. Переоделся, проверил лучевой пистолет, вспомнив об акулах, о кальмарах, что днем спят в подводных пещерах, в страшных норах в зыбучем иле, а вечером устремляют глаза, полные мрака и злобы, к поверхности вод, к гаснущему солнцу и светильникам звезд. Правда, встречался я с чудовищами морскими только на страницах старых романов.

Свет над морем стал тускнеть, солнце тонуло, когда стала приближаться к берегу точка — голова Валентины. Я видел, как она выходила из воды. Песок был еще очень теплым и грел, наверное, ее ноги. Потому она шла медленно и на пути своем сгребала песок ногами и сгибала шею под тяжестью мокрых волос.

Она сняла камешек со своего светлого платья, достала какое-то необыкновенно широкое полотнище, ослепительно белое, пушистое, но разорванное в клочья, как парус в бурю, — сквозь дыры я видел угасший закат. Вытерла шею, прикоснулась к волосам большим гребнем, подняла с земли круглое металлическое зеркало, заколола волосы лиловым цветком и легла на теплый песок. Медленно подняла колени и опять стала сгребать камешки и песок. Потом повернулась на бок и, закрыв голову руками, как-то странно зажав шею запястьями, уткнулась в песок и застыла. Мне казалось, что она крепко закрыла при этом глаза и вслушивалась в слабые звуки моря, может быть, в шорох кустов за голой прибрежной полосой. Сильный порыв ветра изогнул зеркало лагуны, измял его. Вода тотчас ста-

ла темной, свинцовой. Валентина быстро встала и побежала за улетающим от нее платьем. Догнала и наступила ногой. Вернулась к тому месту, где лежала на спине, где остались гребень с раковинами и зеркало с коралловой ручкой. Расчесала волосы, опять заколола их цветком, расставила ноги и с минуту стояла под ветром, медля, уступая его давлению и снова выпрямляясь, закрыв глаза. Быстро накинула платье, побежала по берегу, по сырому песку у самой кромки воды. Уронила туфли, нагнулась, подняла, улыбнулась чему-то.

Надела мокрые туфли и пошла, оставляя следы от каблучков, а ноги согнуты в коленях, и губы синие от холода, и на плечах парус разорванного белого полотнища — наверное, последний крик пляжной моды.

Я вышел из-за камня. Окликнул ее. Она посмотрела в мою сторону. Но не улыбнулась и не сказала ни слова. Глаза серые, серьезные, губы синие... Потом пошла вдоль берега. Я пошел за ней следом. Она вдруг испугалась, прибавила шаг, побежала. Впереди мелькало светлое платье и длинные светло-бронзовые ноги, уносившие ее от меня.

...Мы бежали молча, точно был у нас с ней такой уговор. Ее ноги упруго вдавливали песок в тридцати метрах от меня. Ей тяжело стало бежать на каблуках, она скинула туфли. Пока она это делала, я приблизился к ней почти вплотную. Теперь я слышал ее дыхание, она устала. Она повернула к воде, где песок был плотнее. Мы оба задыхались. Я срезал угол и дотронулся до ее платья, из груди ее вырвался едва слышный грудной звук, точно она говорила себе: «Ну же!» — и она выскользнула. Если бы у нее не было таких глаз, серых, больших, испуганных, я не побежал бы за ней. Ноги плохо слушались ее, она стала загребать песок. Я нагнал ее. Она вскрикнула. Я поднял ее на руки. Она казалась невероятно тяжелой.

Кружевной воротник ее платья был смят, она при-

нужденно улыбнулась синими большими губами, как будто только сейчас узнала меня... Поднялся ветер. В ушах зазвучала какая-то протяжная незатейливая мелодия. Ей повезло: она нашла звучащую песчинку. Я начал спотыкаться, ноги подгибались от усталости. Она снова улыбнулась и сказала:

— Отпустил бы ты меня, а?..

Ее голос звучал неестественно, я не узнавал его и по-прежнему брел по пляжу, держа ее на руках. Тогда она сделала беспомощную попытку освободиться и выскользнуть. Я удержал ее, но в следующую минуту наткнулся на камень. Я присел. Опять налетел теплый порыв ветра, он погнал темные волны и зашумел в ушах. По движению ее губ я догадался, что она сказала:

— Я нашла звучащий песок... пока ты спал.

— Я знаю. Только я не спал, а смотрел, как ты купалась. Тебе было страшно?

— Да... но я сказала себе: «Нужно, хочу» — и уплыла за лагуну.

— А потом?..

— Потом стало легко... и ты напугал меня. Ты был похож на дикаря. И бежал за мной. Я не умею бегать, — чистосердечно призналась она.

Она говорила почти машинально, тихо и искренне, а я смотрел на нее, и от неловкости она продолжала что-то говорить. Я слышал ее голос, но не мог запомнить ни слова...

ПОЮЩАЯ ПЕСЧИНКА

Поющая песчинка в ладонях Валентины монотонным голосом полеко — рассказчика с тихоокеанского острова — поведала легенду.

...В час заката над радужно сиявшим морем, над

бирюзовыми облаками вошла голубая звезда. Лучи ее упали на соломенную крышу новой хижины: много дней строили ее смуглокожие юноши деревни, а темногоглазые девушки плели циновки — дар молодым. И звезда скрылась ненадолго в закатном облаке, чтобы подремать в последний раз и потом пойти по ночному небу. Во сне она видела новую крышу, блестящую как золото, и слышала песни, которые будут петь завтра в честь Капуа, девушки из долины вулканов, что придет в эту хижину.

У Капуа был нарядный венок, сплетенный из живых цветов, на тонкой шее звонкое ожерелье, на груди тугая повязка, у нее проворные ноги и красивые руки, рассказывала песчинка.

...Вечером в долину спускается юноша, он улыбается звезде-покровительнице. Зовут его Меа. Капуа ждет его у огня, она протягивает руки и получает подарок — сеть, полную разноцветных рыб. Ему хочется рассказать о Капуа вслух, спеть о ней песни, передать, как загадочна она в этом круге света от ночного огня, как строен ее силуэт, который он заметил издали, с гребня горы, с ее могучей спины, лежащей на пути к лагуне. Станный образ всплывает в его памяти. Пэле! Богиня вулканов! Недоступная, высокая, огненно-порывистая, чьи волосы — багряные тучи, а тело — горы и потоки лавы.

— Мой привет тебе, Пэле! — восклицает Меа.

— Молчи, — шепчет Капуа, — ты смеешься над богами.

— Нет, я ошибся, — говорит юноша, — ты затмила Пэле красотой! Прости.

— Нет, не бывает нашему счастью, — потупясь повторяет Капуа, — ты слишком дерзок. Пэле не простит нам этого.

— Пэле спит, успокойся.

Но в глубине кратера звезда-покровительница уже

заместила разгорающуюся искру, Пэле услышала. Из глубоких недр горы, наполненных жидким багровым огнем, вырвались удушливые клубы дыма. Спина горы содрогнулась как от лихорадки. Застонал лес на ее гребне. Из глубокой раны земли выплеснулась лава. Она превращала деревья и зелень в черные скелеты, прохладные склоны — в раскаленную печь, облака — в окровавленные клочья.

Меа и Капуа бежали что было сил, и под их ногами дымились трава, а сверху на головы их сыпался горячий пепел. Вслепую, ощупью добрались они до реки, и обожженные пальцы коснулись мокрого песка. Меа искал пирогу и не мог найти ее. Жар прибывал как вода в половодье. От реки шел пар, и Меа в отчаянии запрокинул голову, пытаясь найти голубую звезду. Небо было черным и дымным. Но один-единственный луч звезды все же прорвался сквозь тучи. Он посеребрил горизонт и указал Меа корму пироги, качавшейся на волнах. За мгновение до того, как жидкий огонь подступил к самому берегу, юноша и девушка вскочили в лодку и ударили веслами. За ними лава загородила реку, и плотина не пропустила ни капли воды, но с оставшейся в реке водой они добрались до морского берега и поплыли к другому острову — искать новую родину.

Через день звезда появилась на бархатном вечернем небе, на своем обычном месте. Только блеску у ней поубавилось, потому что она обломила свой самый яркий луч, когда пробивалась через тучи пепла и дыма. Гневная Пэле увидела звезду и сбросила ее с неба.

Звезда ударилась о поверхность моря. Струйка белесого дыма затрепетала над поверхностью лунных вод и исчезла. Звезда, кувыркаясь, плыла в синей воде и остановилась лишь тогда, когда зацепилась за острый край рифа. Над ней раскачивались коралловые деревья с кружевными листьями, а рыбы, сверкавшие тысячами красок, медленно плавали вокруг, и в их больших гла-

зах светилось любопытство. Волны укачивали впавшую в немилость звезду.

В один из дней поднялся гигантский вал из тех, что, подойдя к берегу, вырастают выше пальмы. Он вынес звезду на берег и засыпал ее песком.

Никто не знает, сколько времени покоилась она на берегу. Наконец на том самом месте в ясный солнечный день под сверкающим взором неба из земли поднялся восхитительный куст с блестящими серебряными листьями. И на нем вдруг раскрылись тысячи белых лепестков. Так родился цветок Наупака. Но одного лепестка на нем все же не хватает — того, который когда-то был звездным лучом. Вот что рассказала песчинка голосом полеко.

Странно, что я не слышал этой легенды до Валентины. Я знал, как полинезийцы объясняли свет и тьму, течение рек и ручьев, рождение земли, песка и камней, тайны океанских бездн и хрустальное диво неба. Легенды говорят, что острова Вавау, Тупаи, Мауруа, Путаи и Папаити появились из глубин после заклинаний. Но что такое заклинания? Лишь слово. Мольбы усталых, измученных людей, отважившихся пуститься на легких лодках в океан, навстречу неизвестности. Голоса отчаяния умиравших от жажды и зноя среди водной пустыни. Гневные возгласы, обращенные к небу. И вот, когда они отчаялись, когда потеряли надежду, а губы еще продолжали шептать слова заклятий, из моря вырос остров, показалась неведомая земля. Как тут было не обмануться и не поверить, что магия слов могла подняться суше над водой!

* * *

— Ты веришь в Атлантиду? — вдруг спросила Валентина.

— Да.

— Ее найдут?

— Найдут когда-нибудь. И поднимут на поверхность дворец атлантов с позолоченной крышей.

— А что дальше?

— Откуда ни возьмись появится атлант и похитит сокровища дворца.

— Как это?

— Да так. Потом найдут его следы.

— Следы?

— Ну да. Следы приведут к берегу.

— И что?

— Ну... увидят следы. У самой воды. Их уже размоет. Он исчезнет там... в море. Как и подобает атланту.

— А я все-таки верю легендам, — сказала она, и я понял: она упрямо возвращала меня к несбыточному, сказочному, словно что-то подозревая.

— Фантастические образы лишь маскируют истину, — подытожил я. — Может быть, так легче передавать сведения из поколения в поколение.

Валентина кивнула соглашаясь.

Наш «Дельфин» несясь по вечерней глади спокойного моря. За нашей спиной таял темный гористый остров. На самой высокой его вершине тлел еще багровый огонь, хотя солнце давно зашло.

Как далек все же путь от легенды к фактам. Об этом страшно подумать. Кто поверит инопланетной истории, записанной на камне? Сейчас, во всяком случае, она прозвучала бы как сказка... Я рассказывал Валентине о другом.

Долго собирал я по крупичкам разные сведения о необычном кристалле, помогавшем получать ослепительно яркий луч света. Я был почти уверен, что в мифах отразилась действительность: разве не могли смывленные темнокожие люди случайно открыть секрет когерентного луча?

...Когда Варрунна, этот австралийский Одиссей, рассказывал потом об ослепительном луче, поражавшем все живое, мало кто верил ему. Зато охотно верили, что он побывал в стране лягушек, которые очищали воду в паводок горячими камнями и превращали в рыб веточки деревьев. Верили и тому, что есть прозрачные озера, на дне их живут карлики, уродливые и слепые, которые ловят рыбу.

Во время путешествия встретился Варрунна со странным человеком — без глаз, со лбом в виде топора. Имя его было Налу-юун-ду, жил он в лесу, был дружелюбен и прост со странниками и путешественниками, знал много историй и мечтал о луче, срезающем деревья, как траву.

Эта встреча казалась мне интересной: Налу-юун-ду, судя по описанию, был похож на людей с высокой спинкой носа из более достоверных американских источников.

В стране мух и москитов Варрунна встретил людей, которых назвал «короспинными»: только глаза их видны были через отверстия в коре, покрывавшей все тело. Мифический путешественник так испугался короспинных, что превратился в дрофу и улетел подальше. Варрунна знал секрет хрустального магического камня — этот камень называется Габбера и часто упоминается в мифах австралийцев.

Варрунна — из сказки, время даже реальных героев превращает в людей из легенд. И никогда не могло быть многих удивительных путешествий этого человека из сказки. Он рожден молвой. Ему приписали необыкновенные приключения и странные превращения, колдовскую силу, соединенную с нравами аборигенов.

Но в мифах есть строки, посвященные лучам невиданной силы. И вовсе не похожи они по стилю на сказку.

«В далеком стойбище жили люди племени Убун. Никто не смел к ним приблизиться. Даже на общем празднике племен, на великом бора, племя не спустилось с гор, вождь его наблюдал за бора со стороны. Полдня пути было до него от того места, где расположились все роды и племена на этом великом празднике Байаме. И было замечено, что, когда к стоянке подходил кто-то незнакомый, вождь убунув выходил навстречу и направлял на него луч света, который убивал на месте. Никто не знал, что это за свет, несущий с собою смерть».

Когда-то эта история вдохновила меня на поиски. Но теперь я и не помышлял об их продолжении. Меня сейчас привлекали несказанно странные легенды о цветах, травах и деревьях...

Мне в голову пришло неожиданное сравнение. Некогда в Италии близ города Ариции шумела священная роща Дианы. Рядом синим зеркалом отражало солнце и холмы озеро необыкновенной красоты. В священной роще высилось дерево, вокруг которого с утра до поздней ночи шагал мрачный человек с обнаженным мечом. Это был жрец и убийца одновременно. Суровый закон этого святилища гласил: любой, кто сумеет убить жреца, займет его место. Убийца становился хранителем священного дерева до тех пор, пока кто-то другой не занимал его место тем же самым способом. Жрецу святилища Дианы был присвоен титул царя. Круглый год изо дня в день, зимой и летом, в дожди и стужу этому странному царю приходилось стоять на часах с поднятым мечом. Прикрыть на минуту усталые веки означало бы для него рисковать жизнью.

Какими бы вескими ни казались причины, побуждавшие охранять священное дерево, они вряд ли могли быть важнее тех, что заставляли меня и других размышлять об инопланетной флоре.

«ЕСТЬ ТАКАЯ ИГРА: ОСТОРОЖНО ВОЙТИ...»

Как это было? Она открыла дверь и вошла, ни слова не сказав. Остановилась, словно в раздумье. Потом быстро захлопнула дверь, и мы стояли с минуту лицом к лицу. Она показалась мне выше, чем была на самом деле.

Я спросил:

— Соолли?

Угольный рисунок ее платья напоминал о сирене в серо-голубой волне. Легко кружилась голова, болели виски. Я что-то говорил. Необъятная волна подхватила меня, какие-то упругие теплые струи и течения управляли мной. Движения ее ладоней сняли боль в висках. Я чувствовал нежное касание пальцев. Каюта наполнилась душистым теплом. Потом — провал в памяти. Волна будто бы уложила меня на берег, но рядом я видел ее высокий белый гребень и ленивую спину купающейся сирены.

Она без усилий сливалась с волной, снова тянула меня с собой и открывала мне зачарованные подводные цветники с асцидиями, где волосы ее превращались в подводные лианы на коралловых глыбах и где прятались медлительные существа и рыбы. И опять я попадал на берег. Наконец она утихомирила темную волну, и я освободился от ее тревожащих касаний. Она вышла из нее белой и прохладной, в тонкой чешуе морской наяды. Рядом вспыхнули бесцветные горячие языки пламени. Куда бы я ни прятался, какие ни придумывал я себе убежища, на ослепительно сиявшем просторе меня настигали потоки горячих лучей. На самом же деле было темно, и пепельный свет вечера уже погас. Тогда я увидел в ее волосах зеленую звезду. Это вернуло меня к реальности. Я сказал о звезде.

Она попросила:

— Расскажи сказку о женщине со звезд.

Я стал говорить, сначала сбивчиво, потом все увереннее, и она подбадривала меня и торопила, как будто ей нужно было знать это со всеми подробностями именно сейчас, не откладывая. Когда я умолкал, она требовала:

— Дальше!

Потом я показал ей запись, и она, запрокинув голову, с минуту лежала неподвижно, зажав в руке кассету. И вдруг молча повернулась ко мне, и лиловые цветы на воротнике платья стали последними приметами реальности. Снова как будто провал... Она обожгла меня и увлекла в заколдованное пространство. Опять рядом высилась волна, и я боролся с ее мерным бегом, и плыл с ней к берегу, и снова отступал. Минуты растягивались в часы, словно кому-то дано наделять других способностью прожить полжизни за одну лишь ночь. Кажется, я много раз засыпал на диковинном берегу и просыпался от зноя. Вероятно, море высохло, потому что прохладная волна откатилась и не возвращалась, и губы мои тоже высохли от жажды. Мне виделись пустыня и желтый куст, не дававший тени. Воздух был сух и жег легкие. Когда я вскрикивал, что-то большое и прохладное укрывало меня от жгучего света.

Я понимал: ее присутствие спасало меня от зноя, я дивился ее движениям, порывистым, крылатым. Ничто не напоминало теперь о медлительной сирене. Вернулся едва наметившийся было образ птицы, и я почти физически ощущал плотность оперения длинных просторных крыльев.

Снова лиловые цветы, темное платье, блестящие туфли с бантами, шорох потревоженного шелка, застывавшего на ее теле. Она уходила...

В этот момент я собрал остатки воли. В голове остывал теплый липкий туман, и я никак не мог ясно услышать мой же вопрос. Она открыла дверь. Я на

мгновение увидел ее профиль и не узнал его. Это была уже не Соолли...

Я вскрикнул от неожиданности.

Протянув руку, я успел притронуться к рукаву ее платья. И тут же упал. Но заметил снявший зеленым светом браслет на ее обнажившемся запястье. Браслет!.. Наваждение кончилось, я знал теперь, кто ко мне пожаловал в гости. Быстрее за ней!

— Стой! — крикнул я.

На палубе вскоре началось движение. Я бежал за ней. Расстояние между нами не сокращалось, но ей скоро некуда было бы отступать: на стометровом пространстве спрятаться почти невозможно!

И тогда я понял ее замысел. Поодаль, на корме, стояло несколько элей. Словно жуки с полированными надкрыльями, они только и дожидались того момента, когда им дадут команду взлететь. Ее бег был стремителен, но никто из нас не был, пожалуй, уверен, что ей удастся овладеть одним из элей.

Наперерез нам выскочил голубой кибер, мой хороший знакомый. Может быть, он мечтал о том мгновении, когда его позовут. Расстояние между бежавшим кибером и Аирой уменьшилось до десяти шагов. Я крикнул:

— Задержи ее, падай под ноги!

И тогда она легко, без напряжения прибавила шаг. В долгом плавном прыжке ей удалось уйти. Кибер продолжал ее преследовать. Впереди малиново поблескивали надкрылья элей. Дверца одного из них распахнулась перед ней, она вскочила на сиденье. Я увидел ее глаза. Эль поднялся. Кибер зацепил его перильце механическими пальцами и, раскачиваясь, взлетел с ним в воздух. Он болтался, как паяц.

— Держись! — крикнул я ему. — Верни эль!

Он раскачивался все сильнее. Эль сделал рывок вверх, потом резкий поворот. Описал крутой полукруг

над кормой «Гондваны» и, точно центрифуга, отбросил кибера. С двухсотметровой высоты, кувыркаясь, падал тот в воду. В мгновение ока эль набрал высоту и скрылся. Голубой кибер плюхнулся в пологую волну за кормой, подняв фонтан брызг.

Я подбежал ко второму элю. Дверцу захлопнул уже в воздухе. Но минуту спустя я убедился, что прозевал ее. В той стороне, где растаяла ее машина, радиогоризонт был чист, а с другой стороны плескались угасавшие помехи. Разобраться было невозможно. Я устал, руки едва слушались. Я вернулсЯ и стал разыскивать кибера.

Он набрал воды в корпус и готов был уже опуститься на дно морское. Я вытащил его. В кабине эля под ним образовалась лужица. Он молот несусветный вздор.

* * *

В памяти остался и пепельно-серый свет сумерек, и яркая зеленая звезда, запутавшаяся в волосах. Быстро остыли следы горячих пальцев. Утеряны, забыты слова. Станный сон, после которого ее след затерялся. Остался запах духов у изголовья, хотя она была далеко. Помню блеклые лиловые цветы на глади шелка, тяжелые колкие концы прядей ее волос. Сон, выдумка? Ну нет!

На плечах ее шуршал снежно-белый накрахмаленный воротник, платье было угольно-черным, мягким и теплым. Она вошла в сумерки. Я не мог задержать ее — она исчезла. Я узнал ее слишком поздно.

Аира знала все наперед. Что гадать, когда она видела меня насквозь, изучала словно бабочку, наколотую на иголку? Зеленая звезда горела над ее перламутрово сиявшим воротником, и темные волны волос то и дело заслоняли ее. Она нагнала странную дрему, так мне потом казалось.

Вдруг прилив тепла, озарение, словно в полутьме за-

жегся искристый мерцающий огонь. Зачем это ей? Я вдруг вспомнил этот вопрос — он мучил меня, пока она была рядом. Он ясно всплыл в памяти, и я по-прежнему не мог на него ответить...

Думаю, она нагнала «Гондвану» на эле: ей ничего не стоило это маленькое развлечение. Но не я же, в самом деле, ей был нужен. Стоп. А может быть, как раз именно я? Ведь я знал о ней. Да, были и другие... Но я знал все или почти все. Кое-что знали Ольховский и другие, но они тоже помалкивали, избегая вопросов, которым несть числа, и стоит только дать волю воображению...

Уже совсем рассвело. Я забрался в каюту и плюхнулся на диван, не раздеваясь. Вопрос продолжал тревожить меня. Я снова будто видел подводный сад, он был теперь почти реальным, настоящим морским садом на самом дне освещенной зеленым светом долины. Наверное, Аира передала мне часть вечных видений, которые навсегда остались в ее сознании. Кто знает, сколько лет или тысячелетий длилось то заколдованное состояние, когда вокруг подводная полутьма и зачарованный сад, и медленные волны на поверхности рождают едва различимые блики — тишина, неподвижность — и так века, века. Теперь я догадывался, откуда видения — от нее; словно так только и могла она облегчить бремя воспоминаний, передав часть из них мне.

Я вдруг прозрел и вскочил с диванчика. Дрему как рукой сняло. Дрожащими руками открыл я стол, выдвинул верхний ящик...

Чем лихорадочнее я шарил рукой в пластиковой коробочке, тем яснее становилась немудреная истина. Кассеты с записью, которую мне передал Янков, там не было! Вот зачем она пожаловала ко мне! Теперь я мог рассказывать всю историю кому угодно. Кто поверил бы? Я мог описать ее внешность, даже некоторые особенности характера, мог рассказать о том, что видел ее

дважды — у фитотрона и здесь, на «Гондване». Мог рассказать, что она оттуда, со звезд. И что на борту космического зонда доставлен совсем не простой подводный цветок...

Странно звучали бы мои слова. Вероятней всего, мою память просто разрядили бы, освободили от навязчивых идей, как иногда поступают в подобных случаях. Кто поумнее — промолчал бы. Но ведь был еще Янков.

Допустим, ей нужна была запись. Для чего — пока неясно... Выходило вот что: она должна была бы попытаться взять кассету у Янкова, он был ближе. А если ей нужно было устранить любую возможность того, чтобы кто-то знал о ней здесь, на Земле, то она просто обязана была унести ту, янковскую, кассету.

«Эх, — подумал я, — ведь в эту самую минуту она, быть может, уже там, в фитотроне, а я даже Янкова не предупредил». Я немедленно нажал кнопку МАГИТ. Я просто обязан был раньше ему все сказать. А теперь поздно.

МАГИТ — межконтинентальный аппарат голографической информации и телекоммуникации — хранил молчание.

Долгая, почти не оставляющая надежд пауза. Сухой треск. Потом видеоканал заработал. Девушка улыбалась, но молчала. Была она красива, и шея стройная, и пальцы тонкие, легкие. Яркие ногти и губы: приятная вишневая краска на губах, казалось, излучала сияние, быть может, даже люминесцировала. Но какой от этого прок, если на трассе какой-то основательный непорядок?

— Ну? — спросил я, глядя прямо в глаза этого ослепительного манекена с лицом языческой богини. — Будет связь?

Она невозмутимо улыбнулась.

Только через полчаса я увидел его. Я уже привык к нему, хотя мы ни разу еще не виделись по-настоящему: только связь. Я сразу перешел к делу. Он задумчиво

смотрел на меня и молчал. Я догадывался почему. «Тут ничего не поделаешь», — словно говорило выражение его спокойного лица.

— Никто не знает, что произошло, вчера фильм был похищен.

— Что же ты молчал?

— Вечером мне сказали, что тебя нет.

— Где же я мог быть... — начал было я и осекся.

— Тебя не нашли, вот и все. Валентина искала...

«Ну что же, теперь самое время пренебречь правилами контактов, — подумал я. — И опубликовать интервью, скажем, с Ольховским. А потом напечатать и опровержение. Шутка, мол».

Я попробовал представить себя на ее месте. Незнакомая планета. Другой мир. Вряд ли можно скоро узнать его законы. В таких условиях любой контакт будет вмешательством, разительным по своим возможным последствиям. Контакты изменяют будущее. Эпизод с инопланетянкой, обретя силу факта, может стать даже поворотным пунктом развития, кто знает, кто предскажет, что будет через десять лет, сто, двести? Хотя, конечно же, давно известно, что предсказывать просто: пужно лишь помнить, что сбываются обычно лишь самые нелепые предсказания. В этой шутке есть доля истины. Наверное, Аира знала не хуже меня, что жизнь — это эксперимент, который нельзя повторить.

Весь следующий день я обреченно острил, мешал другим работать, но молчал. Облазил корабль. Искал следы ее визита. Глуповато все это выглядело. На палубе столкнулся с Валентиной.

— Резвитесь? — на «вы» обратилась она ко мне и с неестественным спокойствием прошествовала мимо.

«Так тебе, — подумал я. — Теперь расскажи ей о женщине, которую она, без сомнения, видела у твоей каюты... или даже более того. О, она сразу поверит, что это была инопланетянка!»

ИНТЕРЛЮДИЯ: ОКЕАН

Восемь тысяч лет назад человечество начало осваивать водные просторы планеты. Пять тысячелетий назад оно познало парадокс колеса, и сухопутный горизонт сразу раздвинулся. Понадобились тысячелетия, чтобы рокошущая механическая птица подняла в воздух первых авиаторов, тысячелетний сон о полете стал явью. Лишь великие мудрецы и провидцы недавнего прошлого обратили взор к небу. Желание унести в звездные дали, в блистающие миры стало неугасимым, точно сияние самих звездных огней. Ракеты, изобретенные в древности, были забыты, потом дважды открыты, но призрачные огни ракетных фейерверков и багровые хвосты зажигательных стрел не будоражили еще мысль мечтателей, и волшебник Жюль Верн отправил своих героев на Луну из пушечного жерла. Всесильные в иных областях маги, кудесники, веселые крикливые фокусники взор свой обратили на сугубо земные дела: никто из прославленных кудесников, софистов и прорицателей не изрек истины. И уста астрологов не открылись, чтобы провозгласить: грядет время ракетных огней, звездных полетов! Таково прошлое. А будущее?..

Удивительно согласованными оказались сроки первых полетов в космос, развития космонавтики и назревания проблем, требующих вмешательства новой техники. В их числе — проблема океана.

Поражало вот что: настоящее изучение обоих океанов — земного и звездного — начиналось почти одновременно. Даже внешне батискафы напоминали первые спутники. Человек одновременно штурмовал подступы к планетам, выси небесные и океанские глубины.

Сразу две стихии. Вода. Жизнь...

Вот почему наш корабль шел над глубочайшими впадинами и подводными хребтами, пересекал течения, изучал климатические зоны, влияние изотопного состава

ва воды на равновесие в гигантской природной лаборатории.

Мы прошли над крупнейшими энергетическими станциями на дне океана. Станции были теми точками океана, в которых особенно чувствовалось вмешательство человека. Но это было новое сердце планеты, возвращавшее ей молодость. А когда-то эволюция рассматривалась как приспособление организмов к повышенному содержанию дейтерия — с очень туманной перспективой. Ведь легкий компонент протий быстрее, чем дейтерий, выносился в космос где-то в верхних слоях атмосферы.

Любой, самый простой организм наделен способностью прогнозировать будущее, он чутко откликается на изменение условий. Любое улучшение условий вызывает рост численности популяции.

Вспышка жизни может быть такой интенсивной, что извечное равновесие окажется безвозвратно нарушенным. Тогда океан начнет стремительно меняться. Но как — этого никто не знал. Ведь океан был и частью планеты, и частью биосферы. И частью космоса.

Человек и стихии... Сначала — противоборство, потом — союз. А дальше, дальше?..

...Я часто оказывался в одиночестве. Размолвка была предрешена; нельзя ничего объяснить Валентине, пока она сама не почувствует правды. Я много читал, просматривал сводки информа, подремывал у себя в каюте, листал журналы с объемными иллюстрациями.

«Ронг сжал плечи Азолы. Ее охватило дотоле некое, пронзительное чувство. Сначала она хотела освободиться, но минутой спустя ее руки даже через легкий скафандр ощущают тепло его рук, и она стоит неподвижно с ним рядом, под молчаливыми сияющими звездами. Она думает о том, сколько в нем человеческого тепла и нежности...»

Я откладывал журнал и брался за следующий, по-

том возвращался к океану. Эфемерна основа всего сущего: без разной мелкоты вымерла бы колыбель жизни!

Любое дробление увеличивает поверхность. Заменяв мысленно один крупный растительный организм множеством мелких, микроскопических, мы как бы существенно изменим условия протекания тех явлений и процессов, которым обязано все живое на нашей планете. Большая поверхность при том же весе — это лучшее использование солнечного света и растворенных в морской воде минеральных веществ. Вполне реальные физические величины в таком мысленном эксперименте оборачиваются неожиданным результатом: микроскопические водоросли размножаются поистине с космической скоростью. Только ограниченные ресурсы минеральной пищи не дают «гигантам-невидимкам» перекрасить всю океанскую поверхность в зеленый цвет.

Не всегда радуют они глаз изумрудной чистотой окраски: снега Гренландии становятся иногда багровыми из-за массы красноватых водорослей, оранжевый и желтый оттенок придают они и водам Красного моря. Более крупные формы завоевывают озера, проливы, моря... И хотя они уступают своим микроскопическим собратьям в скорости роста и размножения, их нашествие носит иногда поистине глобальный характер. Новые условия, нарушения равновесия ведут к взрывоподобной «цепной реакции». Изучение таких ситуаций дало в руки человека ключ к богатствам морских лугов. Каждый управляемый «зеленый взрыв» приносит миллионы тонн белка. Когда-то ботаники обратили внимание на сине-зеленую водоросль — спиролину, сплошь покрывающую иногда водоемы в некоторых районах Африки. Там этот вид водорослей с незапамятных времен употребляется населением в пищу и продается на рынке. Никто не разводит спиролину, ее собирают с поверхности воды холстиной и высушивают на горячем

песке. Для хорошего урожая спирулины нужно присутствие в воде бикарбоната натрия.

Отведав однажды вкусное блюдо из спирулины, профессор Леонард твердо уверовал, что африканские племена питаются как раз тем, чем цивилизованный мир будет питаться гораздо позднее, лет эдак через сто.

* * *

...Тихими вечерами, когда спадала жара, я ложился на выцветший брезент, что укрывал шлюпки, и смотрел в небо. Там постепенно обозначались белые узоры созвездий. «Гондвану» накрывала загадочная безлунная ночь. Нередко за кораблем тянулся огненный след. Светился планктон. На тралах, снастях, ловушках вспыхивал холодный огонь, стекавший на палубу вместе с водой.

Я молча наблюдал, как Энно помогал Соолли и Валентине. Несмотря на то что поиск велся автоматическими устройствами, оставалось и на их долю немало работы. Это была кропотливая работа! Соолли искала не новые виды морских организмов — отдельные клетки их. Найти же следовало клетки с числом делений, большим ста. Одноклеточные существа при каждом из своих бесконечных делений как бы уходили от смерти. Найти редкие аналоги таких «кирпичиков жизни» у сложно устроенных животных труднее, чем обнаружить звучащую песчинку.

Энно хотелось сделать когда-нибудь так, чтобы не только шельф, а весь океан был жизнеобилен. Что же для этого надо? Оказывается, свет. На глубине десятков метров вечный сумрак, еще ниже непроглядная темнота. Та зеленая пирамида — основа жизни, о которой я уже говорил, — вовсе не так уж высока. Вот если бы подать свет в средние и нижние слои воды! Фотосин-

тез разбудил бы новые горизонты. Но лучи поглощаются водой, и очень быстро. Как же быть? И тогда все вместе мы вспоминали о проекте «Берег Солнца». Первые статьи о нем были уже опубликованы. Свет можно подать туда, в недра оксана. По волноводам, по оптическим волокнам...

...Удивительное дело — видеть Соолли, говорить с ней, не обмолвившись ни словом о странном ее двойнике! Нет, не допускала она никаких иных объяснений загадки живого: события могли развиваться только так, как я видел ее глазами на дне рождения. И никак иначе. Не стихией была для нее жизнь, а коллекцией любопытных, наполовину изученных экспонатов (среди которых был и я).

Выходило, что играл я с ней в прятки: ни слова, ни намек на гостью, похожую на нее и все же совсем другую. Я чувствовал неловкость, но не мог рассказать ей правду. И не мог после встречи с Айрой вспомнить ее настоящего лица: как будто навсегда стерлось оно в памяти и не видел я никогда того короткого фильма, который мне подарил Янков. Соолли и она — я почти не мог их теперь разделить, их образы сливались.

...Как-то Соолли спросила обо мне. И я потерялся. Кто я, что я? Право, я и сам задаю себе такие вопросы. Но отвечать на них... Я показал ей тех людей, с которыми мне хотелось бы быть после «Гондваны». Пусть эти люди живут лишь в воображении. Как я их видел, как представлял?.. Вот эти кадры.

Мне виделась опушка елового леса, косогор и ручей. Близился час сумеречного серого света, внизу, на траве, под ногами было уже темно, померкли оттенки зелени. Ровный матовый свет неба был близок, как в пасмурный день.

Тихо. Темные зубцы елей касались неба. Их бесконечный ряд слева пропадал за холмом, справа спускался

ся к ручью, а дальше открывалась вырубка. Перед самой стеной леса — груда бревен.

Я сосредоточился и представил людей, сидящих на бревнах. Мне хотелось, чтобы они спели песню для Соолли. Я еще не знал, какая это будет песня. И вот она увидела их так, как будто они были живыми... Человек восемь сидели на бревнах, один стоял, держась за ствол одинокой березы, чуть в стороне от остальных. Больше я не смог бы удержать в памяти: ведь лица их должны быть настоящими, живыми, а это нелегко — видеть всех сразу. Тот, что стоял у березы, был молод, высок и светловолос, с худым лицом и чуть выдающимися скулами. В первом ряду сидели трое, руки их лежали на коленях, на них были пиджаки, темные косоворотки, сапоги. У одного потухшая папироса в руке. Они смотрели прямо на нас. За ними, выше, на бревнах сидели еще пятеро, черты их лиц едва различались в полусумраке.

Я стал придумывать для них песню. Это должна была быть старая песня, такая, какую не часто услышишь. Может быть, та, что спел когда-то мне дед. «Пусть будет так, — подумал я, — ведь Соолли ее не знает».

И тогда один из сидящих, парень в кепке, с потухшей папиросой в руке, негромко начал: «Славное море, священный Байкал...» Он пел просто, как мог, но я просил его тянуть гласные звуки, чтобы передать необыкновенную протяжность мелодии. Голос его стал звонким и ясным. Соолли видела его глаза, серые, внимательные, пристально смотрящие на нее. Она вздрогнула, я заметил это.

Мне хотелось, чтобы в третьей строке почувствовалось странно-красивое сочетание слов «пошевеливай вал», и еще хотелось, чтобы Соолли услышала обращение к ветру: «Эй, баргузин...» Но как передать это, как донести до нее необыкновенные созвучия слов и

звуков? Они должны спеть это все вместе, решил я, не подчеркивая мысли, спеть негромко, ровно и звонко. И голоса их вдруг зазвучали. Песня получалась удивительно протяжной.

Я выбрал одного из сидящих впереди, чтобы он громко пропел строку, где так много звуков «р», передающих миновавшую тревогу: «В дебрях не тронул прожорливый зверь...» «Пусть поет громче остальных это место», — подумал я. И он спел. У него были чуть раскосые глаза, крепкие скулы, впалые щеки. Он умолял, чтобы слушать, как споют другие.

Они пели по очереди, не сговариваясь, не кивая друг другу, лица их были неподвижны, а взгляд зорок и пронзителен. Третий из сидящих впереди выделил звук «о» в строке: «Хлебом кормили...» И все чувства, как мне казалось, только и можно было передать, подчеркнув это «о». А тот, что стоял у березы, должен был лучше других знать, как звучит долгое «а» и как рождается музыка от незабвенного чередования гласных в словах старой-престарой песни.

И когда песня подошла к концу, я заметил, что лица их изменились. Я прочел на них: «Ну вот, песня спета, и нас теперь не станет — дело простое...» И заметил тонкую усмешку. Мне стало неловко, потому что они как будто все знали, как будто они и впрямь были живыми. И в этом тоже — во всем их облике — был я.

* * *

Пятая стихия... Что по сравнению с ней сам океан! Жизнь напоминала сложный механизм, отлаженный с ювелирной тщательностью. Но действие его все же было не вполне понятно. В тончайших нитях молекул, ответственных за наследственность, объединялись все виды простейших движений — электричество, химические взаимодействия, механический перенос. А на исследова-

тельском горизонте всегда намечалось что-то новое, неизвестное... Очередные элементы живого.

Каким образом случайные встречи атомов, падающих вертикально, но с незаметными отклонениями, и без которых природа ничего бы не произвела, каким образом эти встречи положили основание небу и земле, самой жизни, прорыли бездну океана, установили движение солнца и луны?.. Вот главный вопрос бессмертной поэмы Лукреция. И ответ на него. «Элементы мира расположились в том порядке, в каком мы их видим, совсем не вследствие ума и размышления: они совсем не уславливались между собой относительно движений, которые желали сообщить друг другу; но, бесконечные числом, движимые на тысячу ладов, подчиненные с незапамятных времен совершенно посторонним толчкам, увлекаемые своей собственной тяжестью, они приближались друг к другу, соединялись друг с другом, при этом возникали тысячи их сочетаний, и наконец время, соединения и движения привело их в порядок — они образовали большие массы. Так возник первый абрис земли, морей, неба, одушевленных существ».

В прохладное утро, в один из последних дней плаванья, нам вдруг воочию представилась эта упрощенная модель вселенной, а о первоизданном движении живо напоминали пряди тумана над морем и звучащая ткань белопенных волн.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**БЛИЗ БЕРЕГОВ
ЗЕМЛИ**

СЕВЕР

Фитотрон Янкова расширялся. Почти половина старой площади отводилась для флоры дальневосточной. Как ни странно, никто как будто не помышлял об этом раньше. Считалось: северному фитотрону нужны тропики и саванны со всеми их обитателями. Прежде всего. Затем культурные растения. И уж в третью очередь все остальное.

Но теперь положение менялось: от отдельных реликтовых видов приморской флоры нужно было шагнуть к целым сообществам растений. Это должна была быть управляемая модель целой зоны. Восстановление лесных массивов, возрождение долин — это не поиски вслепую, которые чаще оставляют печальные памятники — запустение, эрозию земель. На воле порой буйствуют сорные травы и кустарники, но пройдет время — сменятся поколения, и на том же самом, безнадежном, казалось бы, месте вырастет лес. Бывает и иначе: поверхностная забота приносит недолговечные успехи, потом — не без помощи человека — леса отступают, реки мелеют, звери и птицы ищут новые места или погибают. Так он мне объяснил...

Янков собирался приехать в наши края. Я торопил его. Нас разделяло три-четыре часа дороги, а он все откладывал поездку. Начинался сентябрь. Мне полагался отпуск. А я ждал его и сидел в городе, предвкушая, как мы облазим с ним побережье и горные перевалы. Где-нибудь в чаще набредем на белый орех и

корень жизни, с шумом будем продираться через заросли заманихи и свободнойгодника. Женьшень, лотос, бразения растут у нас на воле.

Кажется, и у нас есть фитотрон или даже два, но не такие, они непохожи на гигантскую лабораторию Янкова. Он мне говорил. У него все не только растет, но и образует целые ботанико-географические области под крышей. У нас по-другому. «Нет комплексного подхода, — так он выразился, — кроме того, у вас увлекаются тропиками». Что ж, посмотрим, поможет ли его поездка восстановить исчезнувшие пижмовые степи у Ханки или заросли бразении Шребера в озере Заря. Когда-то не представляли, как трудно это сделать, и считали прихотью. Сейчас знают, чего это стоит, и думают на сей счет иначе.

* * *

До меня доходили слухи о необыкновенной женщине. В глухом месте, на быстрой полноводной реке в самый ледоход она спасла двух мальчишек, решивших перебраться на необитаемый остров. На пути к островку оба робинзона стали молча, мужественно тонуть. Не миновать бы беды, события развивались слишком стремительно. Вдруг по тонкому льду, перепрыгивая черные разводья, пробежала она, бросилась в холодную воду, скрылась подо льдом, вытащила обоих и неведомо как, на глазах у немногочисленной команды спасательного эя, вывела, вынесла их на берег.

...В городе, в синем просвете среди лип, вдруг появится на аллее женщина, похожая и непохожая на Аиру: легкие шаги, чуть слышный шорох невесомого, как туман, платья, облако волос, то светлых, то темных, то золотых, теплых. И пленительный взгляд прозрачных глаз. В поле, в лесу, на солнечном косогоре — ее плечи цвета светлой бронзы, букет жарков в заго-

релых руках, едва заметный след, убегающий за ней по спутанной траве, мимолетное сияние из-под полуопущенных ресниц.

Будто бы видели женщину далеко от берега рыбки. Она плыла наперегонки с дельфинами. Над ними прыгали летучие рыбы, которые в последние годы действительно появлялись даже у Сахалина. С судна просигналили, думали, нужна помощь. Святая морская наивность.

Кто знает, так ли было на самом деле. Вздумай она продолжать в том же духе, о ней сложили бы легенды. Но случай особый: легендам о ней никак не превзойти правды.

* * *

...Вдруг выяснилось, что мне нужно ехать на Север. Недалеко от устья Алазеи старый охотник-якут Василий Олонгоев нашел ископаемого кита. Это, без преувеличения, настоящая сенсация.

Несколько тысячелетий назад стотонный исполин подошел к берегу и, как это бывает с китами, буквально сел на мель. Море отступило, и царь млекопитающих оказался погребенным под слоем суглинков. Прошли века, и море придвинулось, захватив у суши старые свои владения. Вода наступала. Бывали годы, когда двухметровая полоса берега оказывалась за чертой прибоя...

Василий Олонгоев оказался не очень разговорчивым, но веселым человеком. В теплой палатке первооткрывателей ископаемого дива нашлось место и для меня. Несколько дней я жил жизнью эскимосов, чукчей и бродячих охотников, какой она была, вероятно, несколько десятилетий назад.

На побережье стояла тишина. Только ночами завывал ветер, и утром ослепительно белый снег сверкал так ярко, что каждый раз приходилось привыкать зано-

во к девственности и чистоте северного пейзажа. Льды, шурша, то отходили в море, то придвигались к берегу.

Однажды ночью меня разбудил Одонгоев:

— Проснись, Глеб, северное сияние проспишь!

Я вскочил и быстро оделся. Мы вышли в ночь, расцвеченную трепетом живых огней: зеленые и алые столбы света нависали над нашими головами и убегали вдаль. На их месте появлялись другие, они раскачивались и путешествовали по всему небосводу. Движение их предугадать было трудно, и потому игра света поражала воображение. Белые и цветные завесы колыхались в небе, как будто далеко-далеко, за горизонтом, снежная королева играла своим алмазным веером. Прошло полчаса. Я не замечал холода. Вдруг в самом зените завертелась электрическая карусель, вспыхнуло белое пламя, языки его, как от ветра, наклонились и начали свиваться в спираль. На мгновение расцвела золотистая яркая заря, и вот уж на месте фейерверка, на месте огненных кружев — мерцающий гаснущий свет. Небо превратилось в тусклую заснеженную пустыню и погасло. Только слабые отблески еще оживляли угольно-черный купол над нами, но и они скоро пропали. Мы вернулись в палатку и долго не могли уснуть.

Работать начинали рано. Через несколько дней я почувствовал, что меня считали уже своим. Это чувство всегда приносит радость. Но я знал, что скоро мне придется проститься со всеми, кто был в этой экспедиции, и вспомнить обещание, данное Янкову.

Дело двигалось не слишком быстро. Электрическая помпа подавала воду к обрыву. Струя была похожа на скальпель, вскрывающий земляной пласт. Постепенно обнажались кости. Часто приходилось останавливаться и работать вручную, чтобы не повредить скелет. Это был ископаемый усатый кит; меня поражали его размеры: двадцать восемь метров! Каждое ребро не меньше трех метров. Позвонок кита и тот не обхватишь.

— Было время, другим был Северный океан, — размышлял вслух Олонгоев, — и льдов не было летом, и киты водились. Такого красавца теперь на всей планете не найти. Самый большой из гренландских китов почти вдвое меньше.

— Как ты разглядел его здесь? Охотился?

— Песцы дорожку показали. Весной все следы шли в одном направлении. Много следов. «Что такое?» — думаю. Пошел по следам. Вот и набрел. Сначала думал, мамонт. Потом смотрю: нет, непохоже.

— Что же, песцы добычу учуяли?

— Очень им китовое мясо по нраву пришлось. Даже меня перестали бояться. В воздух выстрелишь для острстки — разбегутся. Пришлось прожектор поставить с красным стеклом. Ну и забавно они на него лаяли, почти как собаки. Соберутся кругом, злые, шерсть дыбом, а подойти боятся. Так и уцелел кит. Теперь можно узнать, чем он питался здесь пять тысяч лет назад. И как жил. И где успел поплавать за свою долгую жизнь. Теперешние киты живут на севере и на юге, в Антарктике. И в гости друг к другу не плавают. А раньше? Совсем мало знаем...

Недалеко от нас тянулась цепь озер. По их берегам торчали стволы лиственниц. Я знал, что водоемы здесь чаще всего образуются из-за протаивания льда. Лед этот упрятан под почвой. Сверху растут лиственницы, их корни и нижние части стволов как бы по наследству достаются потом рыбьему населению — щукам, чирам, хариусам.

В тонком слое жизни, распластанном по здешним тундрам, вечный сон часто приходит на смену подъему и цветению. Предательски ненадежны ледяные стены: их прорывает вода, и тогда целое озеро вдруг уходит в реку. На обнаженном дне остаются черные пни, ил, торф — и тут же режут лед ручьи, протаивают новые

лабиринты в мерзлых толщах. Не в таких ли вот местах гибли некогда мамонты?

— Если и остались мамонты, то встретить их можно только здесь, — сказал я Василию.

— Ни разу не видел большого зверя, — ответил он серьезно и, подумав, добавил: — Давно-давно ездили на собаках к островам, кость добывали. Сейчас ее совсем мало осталось.

— Далеко ездили?

— Далеко. К Новосибирским островам. Через проливы.

...Лес прячется здесь в долинах горных речек. В широких заболоченных котловинах, где ископаемый лед выступает над урезом воды, лиственницы ростом не больше человеческого. Я срезал одну из этих страдалец: ствол насчитывал больше ста годовичных колец.

Сверху, с эля, хорошо все видно: окрест мерцают бледные лики озер, над ними возвышаются округлые безлесные вершины горных кражей.

Все чаще играли сполохи.

И не однажды светлело небо на севере и над равниной вставал мягкий ровный свет. Зеленовато-голубые огненные лучи разбегались по всему небосводу, словно ища кого-то: шайтана, царь-птицу, крылатого скакуна... Лучи поочередно вспыхивали, расширялись, крутятся, точно веретено, теряли огненное оперение; словно с жар-птицы, слетали с них яркие перья и светлый пух. Начиналась гигантская пляска, хоровод. Вырастали и рушились невесомые замки, небесные мосты. Мгновение — и картина менялась.словно со дна моря вдруг выплывали очертания дальних сопот. Над тундрой занимался пожар. И долго еще металась вокруг причудливые его отсветы.

Вечерами, когда работа была окончена и я чувствовал приятную ломоту в теле, меня тянуло иногда в город, к людям. Олонгоев предоставлял мне полную сво-

боду и молча курил старую юкагирскую трубку (она досталась ему от отца). От поездок он отказывался:

— Поезжай, я здесь, у чувала, посижу, трубку покурю.

Я брал эль и через пятнадцать минут был в Черском или в Алазейске. Полет над сияющей снегами равниной освежал и оставлял в памяти ощущение девственного простора, неподвластного еще человеку.

Там, в Алазейске, я встретил Силлиэмэ, девушку с монгольским лицом, в унтах, русском платке и белой оленьей накидке. Во Дворце книги, где она работала, было, пожалуй, пустовато. Она отвела мне комнату, где я не то писал, не то дремал, не то читал. Так проходило два-три часа, потом я провожал ее домой и возвращался к Олонгосву.

Кабинет Силлиэмэ тоже был уставлен книжными полками, среди них вились незнакомые мне лианы с алыми цветами. Она подолгу слушала о «Гондване», об океане и колдовала с газовой горелкой и прозрачным кофейником, похожим на колбу алхимика. Как-то она спросила:

— Правда ли, что хотят взять у Солнца побольше света и тепла?

— Правда. Есть такой проект.

— Это трудно, даже не верится... Разве мало того, что оно дает сейчас?

— Пока хватает. Только вот у вас здесь холодно.

— Да ничего вроде. От тепла земля оттает, тогда и поплывет все — дома, мосты, дороги. Много тепла — плохо.

— Много и не будет. Нужна энергия. Как человеку кровь, так и планете необходима энергия. Для космических и лунных станций. Для поселков на Марсе. Для межпланетных и межзвездных кораблей.

— Это не скоро будет.

— Что не скоро?

— Солнечный туннель.

— Туннель... а ведь верно, и так можно назвать. Раньше отводили воду из озер по туннелям на турбины. А сейчас вот подумывают о том, чтобы от самого Солнца свет к Земле подвести.

— Только туннель будет прозрачным, как из стекла. Его образуют частицы, атомные ядра. Все это я слышала много раз. И читала. Извини, Глеб, я тебя немного разыграла. Ведь я давно хочу поехать на эту стройку. Жду не дождусь, когда же это начнется. Ведь интересно, да?

— Я едва не оказался в роли старого-престарого чудака, который с ученым видом намеревался изречь истину.

— Не кокетничай, ты молод. Чудак... Может быть. Но разве без этого можно? Чудаки те, кто от других отличается. Ну и что?

— Нет. Никаких чудачеств. Помнишь, у Свифта один презабавный старикан восемь лет разрабатывал проект извлечения солнечного света из огурцов? Быть может, мы чем-то на него похожи.

— Ну нет!

— Почему же?

— Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы два с половиной века назад думать об использовании солнечного тепла. А сегодня об этом каждый школьник знает. Потому и непохожи.

У нее было много старинных книг.

На просторных деревянных полках разместились сотни томов: среди многоцветья прописей на их плотных корешках мелькали слова-солнцецветы. Корона Солнца; солнечные бури; лучи, дарующие жизнь, — все это слова из заголовков, все это обещало рассказы о Солнце. Зачем же ей старые-престарые книги? (А кроме них,

были и другие — легенды и сказы — названия их забылись.)

Позже я спросил ее об этом. Ответ был прост:

— Мои предки называли себя людьми Кюн Эркен.

— Кюн — Солнце! — догадался я и обрадовался догадке.

— Угадал. Теперь угадай, что означает Эркен...

— Эркен... Эркен... — повторял я. — Нет, не знаю. Об этом ты не говорила.

— Ну и что же! — тихо воскликнула Силлиэмэ. — Загадка так проста!

— Яркое! — твердо сказал я и в глазах ее прочел: «Да!»

— Люди лучезарного Солнца. И я тоже, — сказала Силлиэмэ. — Похожа?

— Конечно, — сказал я. — Иначе ни за что не угадал бы смысл второго слова. Ты похожа на таятянку.

— Ты видел таятянок?

— Никогда. Так, на картинах... Гоген, другие...

— Они, по-твоему, красивые? Или... нет?

— Не знаю. Быть может. Те, что похожи на тебя.

— Не надо, — сказала Силлиэмэ, — это у тебя плохо получается. И скучно.

— Расскажи о лучезарном Солнце.

— Ты знаешь о нем больше моего.

— Теперь я не уверен в этом.

— Хорошо, я расскажу, — вдруг согласилась она. — Я расскажу о людях с поводьями за спиной...

И это, по словам Силлиэмэ, было еще одним поэтическим названием племени солнцепоклонников, легендарных кураканов, пришедших с юга. А поводья — это лучи, с помощью которых Солнце управляет ими. Их земли — Алтай, Саяны, Забайкалье, может быть, и другие — к югу от Алтая. Десять столетий назад пришли они на Север. Они принесли с собой свои легенды, предания, умение жить в ладу с природой. Сам их при-

ход стал легендой, наверное, он все же растянулся на века и десятилетия. Кюнгэсэ — символическое изображение солнечного диска, железный кружок, пришитый к старинному шаманскому костюму, который увидишь разве что в музее, — память о прошлом. И маленькие гравированные серебряные пластинки на серебряном же кольце напоминали о солнце, о юге. Пространное и звучное слово «илинкэлин-кэбисэр» (так они назывались) чем-то сродни «бисеру» и русскому «кольцу». Может быть, родина их была далеко на западе, в просторных степях, недаром же Арал хорошо известен их сказителям под именем Араат. А имя одного из богов судьбы — Чынгыс Хаан — разве не говорит о реальной основе их мифов?

...Мне не казалось исключительным ее увлечение, граничащее с идолопоклонством. И я не спрашивал, почему она горячо и наивно одухотворяла Солнце, ни сейчас, ни позже, когда встретил ее далеко отсюда. У самого Тихого океана, где начинался невидимый туннель, ведущий к Солнцу.

...Как ни странно, я не видел настоящей северной весны. Говорят, она такая бурная, что застать ее не так просто. За считанные дни лес одевается светлой свежей хвоей, над тундрой пролетает невиданное множество птиц: гуси, утки, лебеди, кулики, стерхи, чайки.

Рассказы Силлиэмэ и ее книги помогли мне как бы воочию увидеть это быстропреходящее состояние природы на Крайнем Севере. Весна здесь показывала, что было бы, если добавить не так уж много тепла и света. Для меня это было своеобразной моделью будущего. Проект «Берег Солнца» прежде всего нужен был северу — Вершине Планеты. Чтобы навсегда удержать весну, которая, если верить рассказам, полна необычного шума, движения, рокота бегущих потоков, пения и говора перелетных птиц, живительных дуновений южного ветра.

«...Земля, точно в упоении, при несмолкаемых возгласах радости и неги, спешит сбросить с себя снеговые покровы. С поразительной быстротой тают, рвутся, слетают снега, обнажаются черные вспухшие груди бугров, скользкие покатоности обрывов, мысы и острова. Всплывают из-под снега черные леса, напоенные теплой влажностью и ароматом древесной смолы. Там и сям блестят голубые заливы живой воды. Тучи пернатых гостей — белых как снег лебедей, серых уток и гусей, мелких и бесчисленных, точно пчелиные рои, куликов-плавунчиков, полевых петушков — садятся на проталинах, плещутся в воде, гогочут, шныряют в прошлогодних аирах. Голоса их тонут в общем гомоне жизни, как звуки отдельных инструментов в музыке оркестра. Он гремит непрерывно в лучах незаходящего солнца, никто не спит, не отдыхает, все торопятся насладиться теплом, любовью, движением... все точно боятся, глядя на скованное еще льдами озеро, что вот-вот вернется только что исчезнувшая зима. Просыпаются наконец крупные водоемы. В них собралось уже достаточно воды, заколебались и поднялись их водяные щиты. Кругом, вдоль берегов, образовались широкие забереги, в которых волны, вздымаясь, крошат и объедают края оставшихся льдов.

Рыбы весело заплескались в просторных полыньях. Нередко после жаркого дня, когда заря клала на черное спокойствие воды свой алый отблеск, в столбах света можно заметить ряды неподвижных черных точек: это огромные рыбы высунули наружу кончики морд и лениво отдыхали в теплой воде. Их жабры, уставшие дышать в зимних тенистых омутax, жадно втягивали теперь с влагой пахучий свежий воздух. Днем рыбы круги постоянно мутили воду».

Кажется, цитата из Сорошевского. Начало двадцатого века. Лучшее из описаний северной весны...

Но вот среди тайги и тундры словно нахлынет вдруг

море, и зазвучат далекие голоса, среди них голос Аиры. Всего несколько слов, что я услышал от нее, хватило, чтобы хорошо запомнился тембр: она говорила так, как будто сильная медленная волна перекатывала по дну круглые камни. Низкий красивый певучий голос.

Но облик ее был пока неотделим от Соолли. Что мне оставалось делать? Постепенно я прозревал. Аира не хотела стать «объектом изучения». Вот в чем дело. И понять это было не так уж трудно. Сколько мы ни старались с Янковым, дело не продвинулось ни на шаг. Непостижимая, запутанная задача. Ее можно решать и десять и двадцать лет, и вряд ли доберешься до сути дела.

Никто, кроме нас с Янковым, не принимал происшедшее всерьез, в конце концов ему пришлось придумать какую-то фантастическую историю для того, чтобы объяснить пропажу в фитотроне. Ему помог Нельга. Тогда все поверили.

Я ждал его со дня на день. Во-первых, мы условились встретиться после моего возвращения. Во-вторых, у него были дела на побережье: вот уже несколько месяцев он откладывал командировку в район восточных субтропиков.

Через две недели я вернулся с Крайнего Севера.

Порой казалось, что «Гондвана» привиделась в редакционной суете. Кто-нибудь нашептал мне на ухо о подводных мирах, о далеких островах, о днях приключений, когда я, не покидая палубы, мог почувствовать близость чужой жизни. Поздно вечером, подходя к окну, я с удивлением замечал: вот оно, море, в пятистах метрах, рядом, рукой подать, но ведь оно здесь совсем другое! Таким я его видел каждый день, много лет кряду. Но здесь не испытать близости каждодневных перемен. Для меня этот рейс был еще одним напоминанием о проблемах океана. В океане можно усмотреть хаос —

и ничего больше. Но есть и другой подход. Стихия? Пусть. Но обязательно должно быть и что-то вроде кузнечного меха, сердца или часового механизма — неважно, как это назвать. Тайфуны, смерчи, вихри, волны, течения — не только хаос. Когда-нибудь рассчитают все так точно, что на десять, двадцать лет вперед станет ясно, в какой день и час ждать тягун, цунами или извержение подводного вулкана. Слов нет, сдвиги в области прогноза медленные. И все же. Когда-нибудь...

ПИСЬМО

Дома меня ждало письмо. Я бы никогда и ни за что не угадал, от кого оно, если бы согласно старинному обычаю меня спросили об этом прежде, чем вручить. Вот оно, это письмо.

«Дорогой Глеб! Пришло время написать Вам — и я пишу. Совсем не для того, чтобы рассказать о себе — главное Вы уже знаете, об остальном догадываетесь.

Мысль написать Вам возникла тогда, когда я представила Вашу будущую статью о проекте «Берег Солнца». Вы ведь собираетесь ее написать? Как же иначе: что может быть интереснее и важнее? Да, я знаю, что многие думают так же, и знаю еще вот что: Вы будете молчать до тех пор, пока не поймете события по-своему, не продумаете их до мельчайших деталей. А тогда напишете. Непременно напишете.

Но попробуйте на минуту задуматься: почему же это нигде в обозримой окрестности Галактики не работает такая космическая машина? И как это никому из мыслящих существ, о которых на вашей планете создана обширная литература гипотез и фантастических теорий, не пришло в голову заняться всерьез подобными опытами? Любопытно было бы услышать Ваш ответ.

А может быть, такую звездную станцию трудно заметить издалека? И в этом все дело?

Нет, Глеб. Было время, наши астрономы следили за звездами, и от стекол их приборов не укрылось бы плененное разумом светло. Поверьте, Глеб, они знали свое дело. Мы не стремились выйти в космос, мы не спешили: места было предостаточно. Наш путь был другим: волны и лучи давали нам знания, мы читали книгу звезд, мы осязали дыхание туманностей и галактик, и мы многое узнали о жизни (Вы правы: это загадочная стихия).

И тогда случилось то несчастье, о котором Вам рассказали письма на камне. Мы не добрались бы вовремя до другого солнца и другой планеты. У нас осталось слишком мало времени. И тогда мы укрылись в озере, оставшемся на нашей планете. Мы заранее позаботились о новом доме... мы сами его создали и оберегали. Вы знаете: мы готовились к тысячелетнему сну из странной сказки. Что мы могли поделать?..

Ах, как это было бы здорово: направить ваш луч к созвездию Близнецов и отобрать у нашего слишком яркого солнца ровно столько лучей, сколько надо, чтобы вернуть планету к жизни! Всех, кто там остался (их миллионы!), выволить из подводной темницы. Поздними вечерами я иногда думала об этом. И мечта уносила меня вдруг туда, к ним. Потом я вздрагивала — и пробуждалась. Это было тяжелое, болезненное пробуждение. Если бы Вы знали, как хотелось поверить в мечту! Я говорила себе: они сделают это, у них конус, туннель, по которому можно отводить лучи света, словно воду из озера. И потом думала и вспоминала... тех, кто там. Но сон кончался. Вы хотите овладеть энергией звезды, управлять ею? Задумайтесь: солнце светило уже тогда, когда и планет не было. Разве позволено проникать в то давнее время, когда не было ни нас самих, ни даже тверди, которая нас держит? Овладеть

энергией солнца — это значит частично погасить его. Согласитесь, это похоже на изменение звездной структуры Галактики. Для того чтобы отважиться на это, нужно либо знать гораздо больше, чем мы, либо вовсе ничего не знать о вселенной.

Но жизнь, разум быстро изменяют все, к чему прикасаются. Травы и цветы устлали долины, и стволы подняли зеленые головы встреч светилу. Потом на смену девственной синеве джунглей и раздолгий тайги приходят другие оттенки — желтеют нивы, чернеют пашни, изумрудные зелена встречают жаркое лето. Встали города, подняв слепые перископы башен. Сиреневые шоссе прочертили междуречья. Бетон и железо безудержно теснят леса и сам океан. И вот, когда кажется, что планета охвачена стальным кольцом, неумолимо сжимающимся, растущим вглубь и вширь, происходит очередное превращение. Бетонное кольцо отступает. Снова зеленое царство, и песни птиц, и журчанье ручьев. По крайней мере, в растущих заповедниках. Найдены, нащупаны истоки жизни. Сероватая пузырящаяся масса дает все больше того, что раньше называли хлебом. Дает энергию и редкие металлы, нужные для колоний совсем других, крохотных телец. (Здесь я оторвался от письма. В комнате было темно, на столе медленно сходились два сумеречных пятна. Граница слабого света и тени делила страницы пополам. Письмо было написано наспех, электропером, кое-где пропущены буквы. Показалось: зажгу свет — и оно исчезнет, улетучится. Нет уж, не буду... Дочитаю сначала.)

И так до тех пор, пока истоки живого и неживого не сомкнутся — вот тогда-то сложные приборы смогут расти, как грибы. Сами по себе, как будто без всякого вмешательства извне, возникают неведомые конструкции, плотины, летательные аппараты диковинного вида. Сами гены, освобожденные от врожденной обязанности вечно сопутствовать телу, сами эти неуловимые части-

цы разума и жизни (впрочем, тоже синтезированные) дают начало цепочке метаморфоз.

Все ступени этого восхождения были уже видны нам... Покинуть бы нам планету на таком вот корабле! Почти живом, сотканном, сплетенном мириадами незримых помощников. В теле его тысячи струн-нервов, и чуткие космические уши ловят потоки частиц и волн, что без устали посылают звезды.

Мы не смогли этого сделать, мы опоздали. Навсегда. Навечно. Нелепая случайность: в системе двойных звезд планета потеряла свою орбиту, ее захватила другая — горячее солнце... Быть может, виной тому опыты с концентратором гравитации? И мы сами столкнули этот невидимый камень с горы, который катился, катился вниз, да и остановился у подножия вулкана? Никто не знает этого наверняка.

Вы уверены, что вмешательство в жизнь звезд пройдет бесследно для будущего или хотя бы для настоящего?

Будет совершен поступок, который трудно прогнозировать и предвидеть кому бы то ни было. Со стороны это выглядит странно: вдруг звезда теряет заметную долю своего блеска. Пусть на очень короткое время. Лучи ее собираются в конус, слабо светящийся, вытягивающийся к невидимой точке. Что дальше? Вы изменили вселенную, вы дали знать о себе всем, у кого есть приборы и средства наблюдения.

Вы догадываетесь теперь, что не одиноки в космосе. Но я узнала о вас только здесь. Значит... остается простор для гипотез: перед вами бесконечность, где-то в черных пустотах плавают жемчужно-розовые шары, диски, огромные, как ваши древние дирижабли. Что это? Легче всего увидеть в этом символическую связь времени и пространства. Вы еще не можете ответить на этот вопрос, так же как не могли этого сделать мы. Но уже хотите пригласить звезду.

Дело не в той небольшой доле тепла и света, которую вы отберете у солнца (равно принадлежащего всем), а в другом: начав изменять мир, вы не сможете остановиться. Закончив фундамент, вы поставите стены. Построив дом, вы будете строить город. Создав город, будете прокладывать дороги, строить новые города — в космосе. Звезда станет в одном из них уличным фонарем. В другом городе — другая звезда... Я не зря напомнила Вам о том, как быстро изменяет разум все, к чему прикасается. Есть, наверное, пределы влияния на будущее. Вы можете уничтожить лес, реку, залп, даже планету или ее спутник. И от этого зависит только локальное, ваше собственное будущее. Время затягивает почти любые раны, нанесенные планете и ее ближайшей окрестности. Действие, созидание помогают этому. Устанавливается своеобразное равновесие. Динамическое равновесие между природой и человеком: условием его является постоянная деятельность. Прекратите ее — и сады зарастут сорной травой, реки погибнут от вторжения сине-зеленых водорослей, под городами в тундре протает вечная мерзлота и дома обрушатся, микроорганизмы, дающие металлы, рассеются из реактороз по планете и съедят ее. Вы должны постоянно поддерживать это равновесие, заботиться о нем не покладая рук.

То же самое может произойти в космосе, в дальнем космосе. Вы будете вынуждены постоянно изменять его. Раз начав, нельзя успокоиться. Что это будет означать?

Мы остановились когда-то вплотную у этого рубежа. Вы тоже приблизились к нему. Это новая, удивительная граница возможностей. До сих пор все, что вы могли сделать, вы делали. Любые проекты казались вам осуществимыми или неосуществимыми только по одному признаку: хватит ли сил и средств или нет? Я думаю, это первая фаза развития любой цивилизации.

Можно все или почти все. А все, что можно, осуществляется рано или поздно.

Вторая фаза совсем иная... Совершается не все, что можно осилить. Что-то должно остановить вас. Заставить задуматься. Может быть, стоит внимательнее присмотреться к себе, к своим успехам? И попристальнее взглядеться в черные, кажущиеся безжизненными, пустоты? Разум — это тоже стихия. Он сложнее, сильнее и загадочней всех стихий, о которых вы, Глеб, иногда вспоминали на «Гондване».

Старые истины о контактах вам, вероятно, известны. Вообще говоря, контакты невозможны. И все же, как ни странно, они, наверное, не такая уж редкость. И тут есть границы дозволенного, или, как мне нравится говорить, пределы упругости. Я за «пластичные» контакты: тогда вы можете вычеркнуть их из памяти, если нужно. Контакты не оставляют следов, иначе они будут означать вмешательство в чужую жизнь. Последствия предвидеть невозможно. Как невозможно создать компьютер, который бы подменял собой жизнь, общество, людей (включая и тех, кто его создал или наделил программой и желанием обучаться).

И мое письмо к вам было бы неполным, если бы я не добавила того же и относительно освоения энергии звезд. Ведь это освоение с неизбежностью означает и контакт, по крайней мере односторонний. (Я хорошо помню, вас, Глеб. Признаюсь вам: нелегко отказаться от извинений за то, что произошло на «Гондване». Легче считать, что ничего не случилось. Погиб кибер, вот и все. Хорошо, что вы журналист: можно придумать для себя и других любую историю. Мое письмо к вам — пример пластических контактов. Ведь его можно сочинить самому. Или порвать. Или предать забвению. Или рассказать о нем — все равно не поверят.)

Аира».

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ ЛЕТО

Сентябрь стоял теплый; не помню ни одного пасмурного дня после возвращения в город. Здесь, в городе, в его окрестностях, как и во всем Приморье, было еще лето. Резкий контраст с тундрой. И когда приехал Янков, мы сошлись с ним на том, что не все еще потепляно.

Сборы были недолгими: мы погрузили походный скарб в эль и, сделав прощальный круг над бухтой, понеслись в таежные джунгли.

По дороге он рассказывал о Байкале, где провел целых два месяца. Трудно было поверить, что там, у холодного озера, можно увидеть еще такое, о чем я и не слышал. По его словам, например, весной сквозь незаметные трещины во льду на свет божий выползают личинки бабочек-поденок, куколки ручейников и направляются к берегу: их так много, что прибрежный лед черен. Потом с береговых сопок ими приходят лакомиться медведи. Вода становится серебристой от плавающей на необыкновенном пастбище рыбы. Миллиарды личинок буквально заваливают береговую полосу. Их больше, чем в иную зиму снега.

Это загадка. Взрослые насекомые спариваются и гибнут через несколько дней. Зачем природе такое расточительство? Когда птицы летят на север выводить птенцов, то это понятно: летом именно там много света, корма, простора для пернатых. И это экологическое раздолье заполняется как по мановению волшебной палочки. А вот бабочки, умирающие сразу же после рождения, заставили меня поломать голову. И мой друг-биолог ничем не мог мне помочь.

Зато я узнал от него, как называются байкальские ветры, а их там столько же, сколько на настоящем море, если и не больше. Верховик, кулдук, сарма. Всего около тридцати. И среди них, конечно, баргузин, выры-

вающийся из большой Баргузинской долины. Он расшевеливает на озере высокие белые валы. Его называют еще полуночником, потому что нередко он дует по почам. Вот откуда слова песни, которую услышала от меня на «Гондване» Соолли.

Мы сели на хорошо заметную площадку для элей. А вокруг нас джунгли, непроходимые чащобы. Впереди бурлил поток. Вода скатывалась по валунам, покрытым лишайником, пенилась и падала в серо-синюю каменную чашу. Там мелькали тени форелей и под свесившимися кустами какой-то зверь жадно пил воду. Мы испугнули его, и он удалился, уронив в ручей несколько мелких камней.

Выше каменной чаши через поток было перекинуто толстое дерево. По стволу шнырял поползень, увидев нас, он скрылся среди листвы. Дерево над потоком жило. Зеленели его ветви, орошаемые голубоватой водой, и когда-нибудь на этом месте, думал я, поднимется настоящий зеленый мост.

Мы прошли по живому дереву, выбрались на берег и долго брели по чаще папоротников, доходивших до пояса. Впереди мелькнула рыжая спина косули. И снова заросли, зеленые разливы...

Нам приоткрылась долина. Тридцатипятиметровые раскидистые чозении высились над ней почти на равных расстояниях друг от друга. Ближайшее к нам дерево развесило вековую крону так привольно, что заслонило половину долины. В ее листве спряталось и солнце, и светящиеся облака, и близкие лбы сопки. Рядом с чозенией усохшее дерево обычных размеров казалось причудливым кустом. На сухой вершине его я заметил брошенное гнездо скопы. Где-то стучали дятлы.

На исходе первого дня — гроза. В мгновенной вспышке света под исполинской изломанной молнией — гребни леса, серые столбы дождя. Гул раскатов и эхо, грохот воды в распадке. Черная быстрая тень — не то

зверь, не то человек. Я даже испугаться не успел. Прыжок, еще прыжок, удаляющиеся шаги — вот и все.

— Это была она! — выпалил я утром.

— Аира? — Янков настороженно посмотрел на меня.

— Что же тут такого? — сказал я. — Раньше она слышала нас в эфире, а теперь след наш утерян. И вот она...

— По-моему, кто-то из нас нездоров, — оборвал он меня.

А утро! Ясно. Тихо. Забыты тревоги. Начинается разгорається день. День с большой буквы.

На пойменных лугах с высоченными, в рост человека, травами мы с Янковым собирали нашу коллекцию особенно тщательно. Здесь встречались желтушник левкойный, жгун-корень, девясил японский. Нам попадались кусты секуринег и родственница батата — диоскорея лечебная. Мы разбредались среди зарослей и выискивали все новые экспонаты. Одной только жимолости мы нашли несколько видов. Янков действовал так осторожно, что растения, наверное, даже не ощущали прикосновений аппарата. Даже стыдливая мимоза не сложила бы свои листья, настолько осторожен был поиск. Ведь требовалась всего одна живая клетка: потом в лаборатории из нее вырастет целое растение. Вся коллекция умещалась в небольшой коробке. В фитотроне из нее поднимется лес: в маленьких прозрачных каплях смолы, сохранявшей живое, уже были и клетки маньчжурского ореха, и амурский бархат, и рябинолистник, и тяжелые ильмы с корой стального цвета. И «нижний этаж»: амурская сирень, актинидии, багульник, барбарис амурский.

На марях мы находили белозор, водянику, разноцветные мхи. Здесь росли вереск, клюква, голубика. Входя снова в полосу разнотравья, мы удивлялись пламеневшим цветам лилий и оранжевым саранкам, светящимся с приходом сумерек.

Словно драгоценными камнями, любовался Янков прозрачными кусочками смолы. Разумеется, клеток, законсервированных до случая, сквозь смолу не было видно, слишком уж они малы. На каждой бусинке мы писали несмываемой краской номер, чтобы потом можно было разобраться в этом богатстве.

К ночи мы запалили костер под сенью огромного тополя. Внизу о чем-то бормотали струи Кедровой. У нас здесь было почти темно, и красный огонь в ясном прозрачном воздухе напоминал лампу. Багровые языки легко поднимались вверх, свет их был ровным, без искр и дыма. А далеко-далеко, в той стороне, где сопки убегали к морю, еще висели позолоченные облака. Их алые края касались каменных гребней и составляли единое целое с хребтом — необыкновенно привлекательный мир света, волшебных небесных огней, в реальность которого поверить было трудно. Мир сузился и померк. Центром мироздания сразу стал наш ярко пылавший костер, освещавший палатку, ствол гиганта тополя и фигуру моего спутника. Шорохи настораживали. Меня не покидало ощущение, что за нами пристально кто-то наблюдает. На следующий день я заметил следы на песчаной косе, место посадки чужого эля, но промолчал.

Мы вошли в один из лесных заповедников долины Амура, оставив за спиной Хабаровск, живописную Уссури с ее привольными берегами, левые притоки Амура, и повернули к Амгуни.

Старая тропа, проложенная такими же искателями лесных кладов, как и мы, вела на северо-восток. Над нами было ясное холодное небо. Часто встречались бирюзовые озера, по берегам которых толпились светлые березы и золотистые пихты. И неизбежные сопки у горизонта — они волнами убегали от нас. С эля они казались застывшим голубым морем — особенно ранним утром, когда тени придавали распадкам глубину.

...Я уговорил Янкова, и мы часть пути проделали на легкой оморочке, которую я выпросил в поселке. Это была моя мечта — пройти порожистую речку на оморочке. Мне казался фантастическим и способ ее постройки. Надо найти березу, у которой древесина сгнила, осталась одна кора. По длине ствола прорезается щель, через которую удаляют труху. В щель вставляют один или два деревянных обруча. У концов лодки береста складывается и загибается кверху. Последний пеший переход — от поселка к речке, и вот мы уже идем на лодке мимо гористых берегов, там высятся вековые деревья.

Теоретически я мог управлять оморочкой, целый день во время длинного привала меня учил этому старый эвенк, старожил заповедника. Он же отметил на карте опасные места — перекаты и затопленные деревья. Лодку швыряло в водоворотах, и от края борта до воды оставалось всего два-три пальца, но я удерживал оморочку, благополучно входил в быстрое течение, миновал коряги, торчавшие из воды, и большие камни.

Когда красное солнце касалось вершины сопки, лес пылал. Над нами на каменных осыпях, на крутых обрывах, на галечных косах у реки, на каменистых склонах, лицом своим обращенных к пламеневшему краю неба, — всюду проступала багровая краска заката. Лодка наша неслась по черной стремительной воде, и запахи предвещали свежие, ясные, благоуханные ночи — время сов, белых мотыльков, странных шорохов в распадах...

На сравнительно спокойном месте наше берестяное суденышко в один прекрасный день стукнулось обо что-то и начало наполняться водой.

Мы оказались по грудь в воде.

— Смотри-ка! — воскликнул Янков. — Элы!

Впереди, в углублении, выбитом в дне реки, лежал

затонувший эль. По его помятому боку струилась вода. Наша оморочка натолкнулась на его ионообменник.

— Авария произошла недавно, — заключил я.

— Интуиция?

— Да нет. Присмотрись: там еще горят красные сигналы.

Мы выбрались на берег, переоделись, развели костер.

— Эту машину я однажды видел, — сказал я. — Любопытно!

— Не стоит... о том же самом! — ответил Янков.

Лежа на теплых камнях, мы рассуждали о затерянных мирах — в космосе и на нашей планете.

— Помнишь впадину в Бразилии, которая могла бы служить моделью «затерянного мира»? Крутой обрыв, кратер с отвесными стенками и на дне — там, куда и солнце заглядывает лишь на один час в сутки, — неведомый лес и перепончатые крылья невиданных тварей... Жаль, что с тех пор так много воды утекло, и никому из нас не встретить больше ничего подобного — ни в Бразилии, ни даже в Антарктике. Все. Свершилось. Затерянные миры изучены и занесены в каталоги и географические атласы. И этот тоже.

— Зато мы нашли настоящий затерянный мир среди звезд. Точнее, не мы, а наши предки, пославшие корабль... — И я рассказал Янкову о письме Аиры.

— Это близко и далеко. Это почти сказка.

— Мы еще вернемся к ней.

— Может быть. Хотелось бы.

...Над нами поднимались высокие ровные стволы пихт. Их золотые шапки старались задержать мерное шествие солнца. И это как будто удавалось. Лучи пробивались сквозь золото ветвей и согревали нас.

— Как она узнала, что копия записи у тебя? — спросил Янков. — Ну скажи на милость, как ей все

удалось так ловко?.. Я вас не знакомил друг с другом. Это раз. В фитотроне тебя с нами не было. Это два.

— А браслет?

— Что браслет? При чем?..

— Мы же с тобой говорили о ней! Связь, радиоволны... Достаточно любого чувствительного телеприемника, чтобы узнать, даже увидеть нас с тобой во время разговора. И совсем уж нетрудно сй было догнать «Гондвану».

— Значит, браслет?..

— А почему ты решил, что она беспомощна? Она не из каменного века к нам пожаловала. Умеют и знают они больше нашего, пожалуй. Зачем ей браслет?.. Украшение? Нет. Биоприемник. Излучатель. Ее электронный помощник, наконец. Научиться языку надо? Надо. Освоиться со своей ролью надо? Надо.

— Несложно все это. Нажала кнопку любого автомата на улице — и платье и туфли как раз по размеру. Знание языка?.. Ну о чем ей говорить-то?

— Да не говорить! Понимать! Должна она знать, к кому попала в гости? Должна. Ты мне хорошо как-то объяснил, что человек состоит почти исключительно из воды, и потому в аквариуме фитотрона понизился уровень. Но куда делся цветок или то, что от него осталось? Подумай.

— Значит, браслет?..

— Да. Без него ей было бы трудно. Такая уж у нее судьба — жить под чужим именем, затаиться на время. Ее письмо... видишь ли, оно написано так, как я сам бы написал. Ей нужен проект, это ясно. Она хотела помочь, ее письмо — почти готовая статья. Она как будто говорит нам: «Добейтесь успеха. Это нужно, быть может, не только вам. Будьте осторожны и настойчивы». Она разгадала меня, Борис. Мне кажется, она теперь может думать за меня. Разве сама она смогла бы?

— Ну что ж, значит, браслет! Кто ее двойник?

— Соолли? Просто женщина...

...Утром мы не нашли на площадке свой эль. Он пропал.

— Починить оморочку? Скажи-ка, кому это нужно — красть чужие эли, — произнес я с расстановкой. — Машину легко заменить, вызвать другую, сообщив лишь свое имя и точные координаты. Понимаешь?

— Этим мы и займемся, — хладнокровно ответил Янков.

НОЧНЫЕ ОГНИ

В небе горел теплый желтый огонь. Вот уже около часа я следил за ним. Он стоял на месте, потом опускался вниз, касаясь вершины отдаленной сопки. Затем быстро, почти мгновенно набирал высоту.

Вряд ли это был эль. Я позвал Янкова, он выбрался из своей палатки, присмотрелся, но не нашел ничего интересного и скрылся. Мне показалось, что он устал за день и готов оставить за мной право наблюдать за всем, что происходило вокруг нас, в нашем мире, замкнувшемся двумя цепями невысоких хребтов, распадом и пихтовым лесом на перевале.

Я задремал у костра. Потом что-то разбудило меня, какой-то слабый голос подсознания. Я открыл глаза и увидел большой желтый огонь над самой тайгой. Он показался мне похожим на шаровую молнию, какой я представлял ее себе по описаниям. Но лучи, шедшие от светового пятна, слепили, видел я его неотчетливо и не мог решить, что бы это такое могло быть. Я плеснул в ладонь воды, умылся. Дрема с меня соскочила. Я прозрел: над дальней сопкой висел яркий болид. Он не двигался несколько минут. Я еще раз окликнул Янкова. Он с неохотой отозвался и не вышел из палатки.

Думаю, что я без труда узнаю ракету, ионолет или терраплан. Ракетные огни стремительные, хвостатые,

они похожи на кометы, только быстро тают. У любого автобуса (да и у терраплана тоже) целая россыпь цветных огней. Это не прихоть: когда в атмосфере мчится тело механической птицы, приходится, как и десятилетия назад, думать о безопасности, несмотря на автоматику, световые радары и другие атрибуты воздушных трасс.

Не так уж трудно оценить расстояние, даже в горах. После двух-трех попыток мне удалось это. Ответ был поразительным. До светящегося объекта было несколько километров. Значит... я прикинул его диаметр: около трехсот метров. Он приблизился и стал похож на дуну, только сиял ярче. И оттенок свечения был другой. Я понял, что это не отраженный свет и не иллюзия, не мираж.

Не отрываясь наблюдал я за его полетом. Можно было подумать, что внутри шара струится белесый дым — и оттого он светится. Какие-то едва различимые струи переливались внутри него, какие-то шестеренки и колеса вращались там, а он рос на глазах.

Меня ничуть не испугало его приближение. Только когда вокруг стало светло, как на заре, и от деревьев упали на пологий склон, где стояли наши палатки, длинные тени, я подумал, что, возможно, не проснулся еще окончательно.

Я крикнул. Янков вышел из палатки и уставился на меня. Потом повернул голову в ту сторону.

— Что это? — спросил он глухо.

И тут шар снизился так, что, казалось, сейчас коснется самых высоких деревьев (они загорелись в его лучах). Но этого не произошло. Он чуть подпрыгнул вверх и стал разворачиваться. Он менял форму и все больше становился похож на старинную аэрогондолу, наполненную легким газом, — на дирижабль. На бортах этой чрезвычайно легкой на вид сигары вдруг вспыхнули два луча — зеленый и красный. Они быстро

промчались по еловой чаще ниже нас, миновали палатку и разбежались в разные стороны. Красный луч поднялся, упал на группу высоких пихт, и вершины их охватил густой темно-красный огонь. Я думал, что они и в самом деле обуглились, но луч скользнул дальше, по склону побежало темно-красное пятно, а пихты над нами снова засияли в бело-желтом свете, заливавшем окрестность.

— Смотри, смотри! — воскликнул Янков.

К двум лучам прибавился третий, ультрамариновый. Он стремительно обшарил склон, сделал полный оборот и снова вернулся к нам. Но и этот ультрамариновый луч миновал наши палатки. Костер давно подернулся пеплом и казался грудой остывших углей — так ярко сияла сигара.

— Вот чего нам не доставало, — сказал я и осекся, потому что она вдруг стала опускаться, садиться в долину у подножия нашей сопки.

И я вспомнил, как давным-давно видел нечто подобное, как пахла осенняя листва, хвоя, как мелькали зеркала озер и пламенели багряные черемухи у дороги.

Мне хотелось как-то назвать эту светящуюся махину, но я тут же сообразил, что сейчас она была другой, чем много лет назад, на загородной дороге, — у нее сверкали на бортах лучи, была она огромной и остророжной, как рыба в мелкой заводи.

— Ты рассказывал мне... про осенний лес, — сказал Янков.

Нам показалось, у сигары убавилось яркости, а лучи стали гаснуть, но как-то странно; они вдруг оборвались в пространстве, укоротились и не доставали теперь до пихт. Только наш склон с палатками был бы им подвластен.

Сигара снизилась еще — верхушки деревьев прикрыли ее нижнюю часть. Раздался легкий рокошущий звук. Был слышен треск сломанной ветки. Стало тихо. Лучи

пропали, но сияние осталось. Снова изменились его оттенки. Теперь это напоминало холодный люминесцентный экран, на котором не так уж удивительно было бы увидеть изображения объемного кино.

— Включили другой свет, — проговорил Янков, и я заметил, как он быстро потер виски ладонями.

Возникло необычное ощущение, будто вокруг запахло металлом и космосом, будто лес и долина была только декорацией, фоном для происходившего здесь, в ста метрах от нас. «Включили другой свет». Что-то в этом роде.

Неровности почвы, бугры, камни протягивали черные тени.

— Спрячься, — сказал Янков, — встань за дерево!

Я отошел от палатки и притаился. В этом, кажется, был резон.

— Мы похожи на... — я не договорил.

— Тише, ни звука, — резко оборвал Янков.

От светящейся сигары отделился тусклый серый предмет. С минуту он висел над ней, покачиваясь. Между этим предметом и сигарой проскочил едва заметный голубой луч, и тогда он тоже стал светиться. На наших глазах он увеличивался в размерах и, как мне показалось, вращался, одновременно покачиваясь. В эту минуту его можно было сравнить с абажуром или мягким люминесцентным светильником. И вот он поднялся вверх — плавно, бесшумно, быстро. В трехстах метрах над нашими головами он повис, постоял там, как комета среди звезд, и понесся на юго-восток.

— К морю полетел, — сказал я, — догоним?

— Как это ты собираешься догнать? Любопытно...

— Вызовем эль и догоним.

— Поздно. Он уйдет от нас.

— Там никого нет. Ручаюсь, что это автомат.

— Ты ясновидец.

— Останься здесь, — сказал я, — а я посмотрю...

Во мне проснулся босоногий исследователь, лазающий по скалам над бухтой в поисках тайн. Но когда-то, лет тридцать назад, первым был чаще всего Янков.

— Осторожнее! — крикнул он мне вдогонку.

Я замер. Встало зарево, метнулись разноцветные лучи, и из-за деревьев взлетело светлое облако. Оно парило над долиной, чуть ниже того места, где мы находились. Оно переливалось, меняя оттенки: окрест стелился как будто цветной туман. Но вот облако поднялось еще немного над вершинами кедров и пихт и приняло свою первоначальную форму. Это была та же сигара, и так же посылала она свои лучи. Только теперь лучи нащупали нас. Они ослепили. Я не удержался и прикрыл глаза ладонью. Сигара поднялась, зависла в воздухе и бросила сверху брызжащий синими и зелеными искрами сноп. Тревожно заметались тени — она оставила едва приметный след и унеслась на восток. Превратилась в хвостатую звезду и растаяла в глубоком темном небе.

Мне вдруг расхотелось идти вниз, к ручью. Для чего? Я заставил себя преодолеть раздвоенность. Точно перешагнув через невидимую перегородку, я двинулся в распадок, где все явственней шумела вода. Потом пошел вдоль русла, одолел первую сотню метров и различил светящееся на земле пятно там, где сидела сигара.

Каждый шаг давался с трудом, словно ходьба по ночной тайге была невесть каким сложным и неприятным делом.

Я заметил маленькие странности, словно перенесся ненадолго в иные измерения, где время текло так медленно, что хотелось поторопить его. Казалось, что я переставал иногда замечать тайгу, и передо мной несколько раз вырастала та незримая преграда, о которой я упоминал, и я каждый раз заставлял себя двигаться дальше только усилием воли.

Ориентировался я по светящемуся пятну — скоро к

нему добавилось еще одно, а потом, приблизившись к ним почти вплотную, я обнаружил четыре овальные площадки, от которых исходило холодное сияние. Три из них были укрыты кустами. Вдруг я подумал, что слышал как будто бы голоса. Но когда это было — перед подъемом сигары или после?.. Ни малейших проблесков: с моей памятью что-то происходило.

И только потом, вернувшись к Янкову, я смог восстановить последовательность событий.

— Кто они, как ты думаешь? И почему они здесь? — спросил он меня.

— Это слишком серьезно... У меня что-то с рукой. Я ее просто не чувствую, совсем одеревенела... Жаль, что ты не врач, а биолог.

— Дай посмотрю.

— Я не могу поднять локоть выше плеча, сил не хватает.

— Правая рука?

— Я прикоснулся к следу... там, на месте посадки. Такая гладкая площадка, и вокруг трава примята. У дерева сук обломан и раздавлен, как цветок в книге, в детском гербарии. Четыре глубокие вмятины. И они светились. Я боялся пожара.

— Давай-ка ближе к огню. Рукав засучи!

Я не почувствовал его прикосновения, даже когда он сжал мою руку. Она была неестественно белой, безжизненной, и это напугало меня. Не хотел бы я быть обузой.

У него было серьезное лицо, когда он, распластав ладони, сближал их у моего локтя. Я почувствовал теплую легкую волну, которая возникала вслед за его движениями. Прошла минута, другая. Возникла непонятная упругость, казалось, это воздух наэлектризован и струится возле, оказывая легкое давление. Потом я почувствовал локоть: стало тепло, холод ушел... Я мог двигать рукой. А Янков по-прежнему водил ладонями,

сближал и раздвигал их снова, и я все яснее ощущал ток крови у локтя, у плеча, по всей руке.

— Вот и все, — сказал Янков.

— Как это у тебя получается?

— Представления не имею. Биополе.

— Я знал об этом. Читал у Куприна.

— Это литературный факт.

— М-да, старо как мир.

Я подробно рассказал Янкову, что увидел на месте посадки. Прежде всего о четырех следах. Они светились холодным люминесцентным светом, как маленькие озера под луной. Но луны не было, вокруг кромешный мрак, и только из-под земли, как мне показалось, пробивалось в трех местах сияние (первый след открылся сразу). Их загораживали кусты и нижние ветви могучего кедра, которым я любовался минувшим вечером. Я подумал, что там, внизу, еще остались ночные гости, пошел быстрее, споткнулся и чуть не упал. Фонарь едва теплился: я подумал, что сел аккумулятор. Но сейчас, полчаса спустя, лампа горела полным накалом.

Следы были глубиной около полуметра, один из них заметно глубже, примерно метр — метр с четвертью. Края их были ровные, точно обожженные, по ним пробегали светлые змейки. На моих глазах их становилось меньше, они угасали и вот совсем исчезли, точно в землю зарылись. Я подошел, наклонился над самым большим углублением и протянул руку, но светящегося дна не достал. В стороне я увидел расплюснутый древесный сук. Отошел в сторону, нашел поваленную молодую березу, подтащил ее к яме и сбросил вниз. Осторожно спустился по стволу, как по трапу, и дотронулся до светящейся земли. Моя рука вдруг вспыхнула, ее охватило холодное пламя, и я перестал ее ощущать. Оглядев еще раз место посадки (в холодном свете серебрились ближние деревья и подлесок), я подошел к наше-

му лагерю. За моей спиной еще горело оловянное пламя. Минут через десять оно угасло, а может быть, его закрыл кустарник.

* * *

У нас остался свободный день. До нашего города было что-то около восьмисот километров, и мы побывали там. С моря дул ветер, было холодно, и высоченные белые дома летели над бухтой, словно сказочные корабли. У берега, у причалов мы не увидели ни одной шлюпки, даже ни одной яхты. Ветер, соленые брызги, серая холодная вода, ясный горизонт. Это был другой город; нам так и не удалось в этот раз побеседовать с ним, с его улицами и проспектами о прошлом.

ГОРОДСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Вечером того же дня мы были дома. Темные глазницы окон — только на верхнем этаже еще горит свет... Может быть, там кто-то готовится к экзаменам, или пишет повесть, или читает книгу. Шелестят листья. Люблю едва слышный говор тополей. Сейчас этот шелест возвращает меня в мир привычный, обыденный, обжитой. Мы с минуту стоим у моего дома, на каменном крыльце, где светятся ночные фиалки в больших глиняных вазах, а сквозь каменную вязь над перилами видна звездная пыль.

— Говорят, звезды мерцают к сполуху, — вспоминаю я северную примету.

Но что это? Я вижу свои окна на втором этаже. Одно из них распахнуто настежь. Само собой разумеется, я закрывал их.

Мы поднимаемся по лестнице, открываем дверь. Темно. Я зажигаю свет. В одной из комнат кто-то есть. Я осторожно заглядываю туда, чтобы ненароком не испугать гостя.

Что это сегодня у меня дома?.. У зеркала, на журнальном столике, аккуратно сложенное женское платье, и рядом на полу светлые туфли. И чьи-то загорелые руки разметались во сне на постели. Я тихо подошел: Валентина. Ее волосы совсем закрыли подушку. Я в первый раз увидел, как она спит. Янков стоял у двери. Я чувствовал его взгляд. Мы ушли с ним в другую комнату и долго сидели за чаем. Я рассказывал ему о «Гондване», об океане, о Полинезии, которую, как оказалось, он не видел и не представлял ее себе, эту заповедную землю, затерянную в синих просторах на радость путешественникам и морским бродягам. Он был удивительным домоседом, почти кабинетным ученым, чуть ли не отшельником. Но можно на это взглянуть иначе: ему хватило на первую половину жизни той удивительной энергии, которую рождали в его голове давние дни. Он даже уверил меня, что иногда нужно новый день прожить только старыми воспоминаниями: это-де не дает стариться.

И вот наконец о главном: что делать со всей этой космической проблемой? Если мы об этом не подумаем, то кто же?.. Я достаю письмо, эту странную реликвию, очевидное для меня свидетельство контакта с иной цивилизацией. Интересно, поверит ли кто-нибудь, что эти строки написаны инопланетянкой, да еще попавшей на Землю таким необычным путем?

— Конечно, нет! — восклицает Янков. — Даже я иногда думаю, что нас кто-то разыгрывает. Быть этого не может, говорю я себе иногда. И голову незачем ломать. Да и что бы мы с тобой могли придумать в этой ситуации? Я подозревал, что она... они могут управлять собой. Видишь ли, удивительные создания, которым ничего не стоит принять любой облик, до сих пор были известны нам только по сказкам предков. Как говорится, слишком мало точек соприкосновения.

— А между тем он состоялся... контакт. Однако с

тобой согласен: мы ничего нового, пожалуй, не узнали бы. Нам открылись бы кое-какие детали. Всегда найдутся люди, которых интересуют такие крохи. А ей-то зачем?

— Да. Из нее не получится делегата конференции по контактам. Так, кажется, это называют. Огромный зал... объемные экраны, полная связь со всеми континентами, с марсианскими и лунными станциями и филиалами. Тысячи специалистов. Сотни томов отчетов. Расчеты и прогнозы — наука! И вдруг контакт! Случайный. Краткий, как мгновение. Наука? Но наука чаще всего имеет дело с повторяющимися явлениями.

...Меня разбудило не по-осеннему горячее солнце. Весь оконный проем затопил поток рыжих лучей. За стеклом они, точно монеты, перебирали желтеющие листья аллей. Их колючие зрачки то прятались в кронах, то ослепительно сверкали. На сосновом полу, точно живая, дрожала тень тополиной ветки у самого окна. Я встал, умылся и долго смотрел, как ходили по небу белые облака. Где-то скрипнула половица. Прохладные ладони закрыли мне глаза. Она была за спиной и держала мою голову так, что я не сразу мог повернуться к ней.

— Не отпускай меня! — сказал я. — Я должен сам освободиться.

Она послушно прикрывала глаза ладонями и прижимала мою шею к себе.

— Теперь отпусти, — сказал я, — уж очень стало тепло!

И так же послушно она выпустила меня, я повернулся и увидел ее серые глаза и светлые волосы, они были немного растрепаны. Я никак не мог понять выражение ее лица. Не отрываясь я смотрел на нее. Мои плечи грело солнце. И я пытался, насколько это возможно, растянуть время. «Хорошо, чтобы оно совсем остановилось, хотя бы часа на два», — подумал я. Но вот я уви-

дел: зрачки Валентины стали сужаться. Наверное, от света. Вместо глаз два странных серых цветка.

Я находил в ее лице перемены. Но мне трудно было пока подыскать слова, чтобы рассказать ей о них. Потом когда-нибудь, решил я. А теперь снова соединилось прошлое и настоящее, и я старался не думать о том, что разделяло нас. И возможно, будет еще разделять.

— У меня глаза устали, — сказала Валентина, — солнце как в июле.

Я вспомнил о Янкове. Где он?

— Он уехал, — сообщила она спокойно, — собрался и уехал. Рано утром. Я уже не спала.

— Как? — удивился я. — Неужели?

— Что ж тут удивительного? Ему пора. Он тебе, кажется, записку оставил. А я у тебя могу немного задержаться. До завтра.

— До завтра? — машинально переспросил я. — Ты что, тоже уезжаешь?

— Завтра «Гондвана» уходит. Я жила у тебя три дня, а ты все не приходил и не приходил. Где вы бродили?

— Да уж побродили... всю тайгу облазили. Потом расскажу.

— Когда это потом? Рассказывай уж, будь добр. А то мне в редакции ответили кратко: в экспедиции.

— Сказали, когда я буду?

— Сказали. Только немного ошиблись. И я тебя все ждала...

— Да, я несколько дней от отпуска прихватил... Собственно, самое время угостить тебя завтраком. С твоей стороны невежливо не напомнить мне об этом.

— Прошу тебя, сядь. И рассказывай. Можешь транслятор включить. Вот так. Я пойду на кухню.

Через минуту она вернулась с подносом. За время моего отсутствия она, вероятно, привыкла к кухонному автомату. У меня, честно говоря, чаще всего не лади-

лось это нехитрое дело, хотя станция уверяла, что автомат исправен. На подносе были два блюда с пирожными и две чашечки кофе. Я потребовал себе двойную порцию, и она опять вышла. Потом вернулась и сказала, что автомат перестал работать и не дает пирожных.

— Пустяки, — сказал я, — их несложно испечь обычным способом.

Она смутилась.

— Неужели Энно до сих пор не научил тебя? — спросил я.

Она покраснела. Мне стало неловко: разве я допустил бестактность?

И вдруг вспомнил: боже мой, ведь ей только двадцать два!

— А мне сорок три, — сказал я вслух. — Исполнилось.

— Я знаю, — сказала она, — хороший возраст. Для мужчины.

— Лет сто назад тактичные мужчины благодарили женщин за комплименты. Но обычай давно канул в Лету. Теперь наш брат стал не таким отзывчивым.

— Я пойду.

— Куда?

— Достану еще кофе.

— Нет уж. Я сам это сделаю, если будет нужно. Послушай лучше, что происходит в тайге...

Я почему-то запомнил больше всего именно это солнечное утро. А день пробежал так быстро, что сумерки вызвали у меня самое настоящее чувство страха: где там рыжее солнце за окном? Почему Валентине пора уходить? Что за нелепость, разве нельзя отложить до завтра? Я обещал догнать «Гондвану» на эле, но она только упрямо качала головой:

— Сегодня. Сегодня вечером!

— Нет. Я уговорю Ольховского.

— Не надо. Ты совсем одичал в тайге. Сегодня.

Мне стало не по себе, как будто меня уличили в мальчишестве. Я замолчал, собираясь с мыслями. «Боже мой, куда мы спешим? — подумал я. — Просто несемся, да еще с возрастающей скоростью, а планета по-прежнему неторопливо и размеренно подставляет светилу свои крутые бока, и все часы в мире подчиняются этому неотвратимо неизменному ритму». Я пробурчал это вслух. Валентина живо возразила:

— В твоих рассуждениях нет логики.

— Да уж куда там, — устало отозвался я, и в этот момент меня осенила мысль: нужно ответить Аире. Через журнал. Такое письмо до нее дойдет.

Хорошо помню, как обрадовало меня это необыкновенно простое решение. Разумеется, по форме это будет не ответ, а статья, но она будет адресована и читателям и Аире. Она поймет!

Я видел, как Валентина застегивает пуговицы на платье, надевает туфли.

— Подожди, я помогу, — сказал я, подошел и поднял ее на руки.

Она молчала, и я заметил легкий испуг в ее глазах. Тень испуга. У нее сейчас были серые большие усталые губы. Как тогда, на острове... Вот сейчас, только сейчас я узнал ее — и не смог отпустить сразу.

* * *

Мы вышли на вечернюю улицу. Меня не покидало чувство новизны, столь обычное после месячного отсутствия. Куда-то спешили бесконечные эли, под их прозрачными куполами я видел и угадывал улыбки, смех, грусть, волнение, тревогу. Перед нами открылся многоликий мир, наполненный сияющими огнями, движением, шумом и электрическими шорохами, серебристыми лентами движущихся во все стороны тротуаров, руко-

творными рощами, просторными, как реки. Стояла дивная погода, несколько жарких солнечных дней заставили забыть всех об осени: женщины были в легких платьях, на улицах было много цветов — дальневосточных и тропических, на улицах города пахло теплым морем, и мне казалось, что вот-вот я увижу в воздухе странных морских бабочек, о которых когда-то писал поэт.

— Не помню такой теплой осени, — сказал я, — в тайге намного прохладней. За Амуром скоро выпадет снег, а здесь!.. Праздник цветов. Как будто решением Совета отменили зиму!

— Жаль было бы. Я люблю снег и легкий мороз. И лыжи. И зимние костры.

Я подумал вдруг, что ее, наверное, так увлекает работа, что просто некогда оглянуться вокруг. А надо, чтобы оставались вехи на пути... Все-таки мы не на дистанции, которую нужно пробежать побыстрее и рвануть финишную ленточку.

— Брось однажды дела, дружище, — сказал я ей, — и давай-ка сюда!

Чувствуя одновременно усталость и бодрость от теплой воздушной волны, укрывшей город, море и сопки, принесшей запахи соленых брызг, ароматы водорослей и прибрежных трав, я стал расписывать ей наше с ней путешествие в будущее.

Наш эль поднялся. Мы летели над городом.

— А дельфины по-прежнему плавают себе на просторе и в ус не дуют, — вдруг сказала она не без иронии. — А с нами поддерживают поверхностное знакомство и делают вид, что не понимают человеческой речи.

— Ну что ж, самая верная тактика для того, чтобы попасть в «Красную книгу», — улыбнулся я. — Известно, выжили бы они вообще, заговори они, скажем, в семнадцатом веке. Или в девятнадцатом.

— Или в двадцатом, — добавила она, подумав. — А все же пойдем ли мы их?

— Когда-нибудь — да! Но задача труднее, чем можно было предположить. Как будто бы человек удаляется все дальше от природы — и тем труднее ему поддерживать с ней связь на всех уровнях ее проявлений.

— Ну, положим... ты сам знаешь, что это не так.

— Как будто бы нет. К счастью для нас. Но многого уже не вернуть... И вот мы вышли в большой космос. Первые десятилетия... что дальше? Как будет там? Что за сверкающие шары уже летают там, над нами?

— Они тоже молчат.

Я рассказал ей о первой и второй встрече с женщиной в зеленом пальто. Когда это было?.. Я подумал и назвал год, даже месяц. Она рассеянно слушала.

— Что это было?

— Контакт, — ответил я. — Я часто вижу этот багряный лес. Как будто наяву. Там были черемухи и клены с такими красными листьями, что глазам больно. Мы были с товарищем. С тех пор я его не видел — разъехались. Иногда я спрашиваю себя: уж не сон ли это, не приснился ли мне лес у обочины? Если бы ты видела, какой это удивительный лес. Я и сейчас могу вспомнить каждое дерево...

Я поднял эль повыше, и машина оказалась в самом верхнем ряду, среди террапланов и лайнеров. Их было не так уж много в этот вечерний час, и за ними тянулись светлые шлейфы — заряженные частицы рекомбинировались, давая это мягкое неяркое свечение, которое было особенно заметно над окружавшими город сопками.

Вечерние улицы внизу походили на потоки. Они сливались, совсем как реки, уносились к мерцавшим огнями озерам-площадям, тянулись к приморскому бульвару. Чтобы передать эстафету синих, желтых и красных огней маякам и судам.

Я повел эль к югу. Внизу угадывались главные магистральи. Мне пришло на ум, что еще Леонардо да

Винчи предложил проект многоярусного города. В его эскизных тетрадах возникали наброски странных дворцов — плод воображения великого художника и трезвого расчета галантливого архитектора. По крышам дворцов пролегли широкие дороги, другие дороги вели под арочные пролеты (уже на уровне земли). Они пересекались и расходились на все четыре стороны, обещая и путникам и экипажам немалую выгоду во времени. Ведь томительное ожидание на перекрестках не редкость во время оно. Я рассказывал:

— И все же многочисленные проекты градостроителей тех лет, да и более позднего времени удивительно плоски — в буквальном смысле слова, конечно. Кто-то придумал страну Плосковию — гладкий лист без третьего измерения, без высоты. Жилища плосковитов, ее обитателей, — квадраты с откидывающейся стороной — дверью. В такой дом можно попасть, минуя дверь, перешагнув ее, если, конечно, предварительно овладеть нехитрым секретом третьего измерения. Современному инженеру и архитектору совсем необременительно оперировать тремя измерениями. Воображение наших предков, как говорится, заметно хромало, стоило ему покинуть привычную плоскую твердь земную. Слов нет, кругосветные путешествия и точные наблюдения беспристрастно свидетельствовали в пользу ее трехмерности и шарообразности, но города еще изрядное число лет напоминали жилища плосковитов (отдельные чудеса зодчества, разумеется, не в счет). Постепенно положение изменилось. Вслед за идеей многоэтажности зародилось то направление в градостроительстве, которое если и можно было в чем-то упрекнуть, так это в стремлении к безудержной «эксплуатации» именно третьего измерения. И все вдруг потянулось вверх, ввысь — не только дома, но и опоры мостов, и радиомаяки, и телевизионные вышки, и даже транспортные стоянки. Кажется, в этом неудержимом стремлении к

солнцу не отставали и сами жители городов, о чем свидетельствуют антропометрические измерения и журналы мод тех лет. Прошло время — люди стали еще выше, а города стали расти медленнее. Весь город должен вписываться в серебряную оправу рек и озер, в зеленые раздолья, в заснеженные леса. Чтобы ветер приносил тем, кто в нем живет, напоминание о весенних разливах, о таежных заветных тропах и речных перекатах, о шири земной.

— О шири земной... — как эхо откликнулась Валентина.

МОЙ ДВОЙНИК

Иногда можно подумать, что в редакции руководят морским сражением. Появляются бородатые, точно викинги, ребята, демонстрируют морские реликвии вроде якорей испанских галеонов, бронзовых пушек с челнов Стеньки Разина (?), бортовых журналов первых подводных лодок заодно с перископами, древними компасами и гироскопами, брандспойтами, кусками обшивки и пеньковыми концами. Их сменяют франтоватые мореходы в кожаных куртках и сапогах. Некоторые приходят поговорить, другие требуют организации экспедиций.

За несколько лет работы мне пришлось детально разбираться в двадцати проектах полного преобразования океана. Среди них были довольно смелые (помнится, кто-то настаивал на полном осушении океана и конденсации всей влаги на околоземной орбите — так ее якобы удобнее распределять по всем материкам).

Народ у нас бывалый, привычный. Нас не удивить морской экзотикой. Даже письмо инопланетянки можно преподнести как событие вполне будничное, требующее делового обсуждения. Для начала я выбрал Андрюшу Никитина, мужественнейшего из коллег, но настоящего «непротивленца», не способного настоять решительно ни на одной правке чужой статьи (когда его друзья делают

это за него, он только широко разводит руками). Но в тот день он был, видимо, не в духе, а может быть, именно с этого момента вдруг решил сменить характер. У меня почти ничего не получилось. Он забраковал идею ответного письма Аире, сказал, что ничего из этой затеи не выйдет.

— Что с тобой сегодня? — спросил я недоуменно.

— Уволь. В заговор с тобой не вступлю. Не могу. Вчера...

И он поведал мне печальную историю о своих редакторских злоключениях. Я успокоил его как мог и стал обдумывать положение.

Кого увлечь идеей переписки? Может быть, сразу к шефу? А если не повезет: угадывать настроение я не умею, а шеф — фигура сложная, даже противоречивая. Журналист без труда поймет меня: статья должна пройти так, как я ее напишу, творчество по очереди все испортит. Получится просто статья, а не ответ Аире.

Я попытался представить, как это произойдет: вот она берет журнал, вот садится в кресло, находит нужный микрофильм... Наверное, она улыбнется, когда увидит свой портрет — вряд ли рисунок может оказаться удачным. А может быть, художник угадает? И сходство покажется ей странным? Тогда она задумается, припомнит подробности первой встречи.

Я волновался, меня мучили бесконечные вопросы, кажется, я даже не спал одну ночь, обдумывая ситуацию, готовясь к разговору. Потом пошел к шефу и выложил идею.

— Это будет рассказ, — заключил я, — рассказ с вымышленными героями. Проще говоря, фантастический рассказ.

Но нет! Он строго взглянул на меня, поправил очки и тут же дал понять, что не собирается делать исключений. И дело вовсе не в самом замысле. Ответить можно (меня поразило его спокойствие). Дело было в жанре.

Не рассказ нужен и не очерк, а статья... о проекте «Берег Солнца»! Ни звука об Аире.

— Проект имеет самое непосредственное отношение к океану, — изрек он хорошо поставленным голосом, и я понял, что сопротивляться бессмысленно.

— Пусть будет статья, — согласился я, — но...

— Статья, — вдруг нежно подхватил он, — хорошая статья, а не письмо мифической героине рассказа.

Вот оно что! Он не поверил ни единому моему слову. Как же иначе — истину знали только трое, да и то один из этих троих — журналист... Какое-то наваждение: Аира как будто предвидела такой поворот событий и безобидную шутку шефа — тоже, она писала мне о статье. Шеф только повторил то, что сообщила два месяца назад она в своем письме.

Та же знакомая мысль мелькнула в моей голове, когда я выходил из просторного кабинета шефа с аппаратами полной межконтинентальной связи. «Это предупреждение, — подумал я. — Аира предупреждает меня, нас — предупреждает о возможной судьбе проекта «Берег Солнца». Она хочет, чтобы мы были осторожны, чтобы у нас хватило сил завершить проект! Зачем это ей? Да очень просто: когда у нас будет вся энергия солнца, мы сможем послать сколько угодно кораблей к Близнецам. И разве найдется другой способ вызволить тех, кто ей дорог?» Я догадывался, правда смутно, как нужно делать статью, в каком ключе.

Недели через две Никитин неожиданно спросил:

— Как дела с перепиской?

Я даже не сразу понял. У него были удивленные глаза. Подумал — и рассказал ему. Многое рассказал...

Он был похож на меня. Настоящий мой двойник. Таким вот, наверное, я был лет двадцать назад. Пусть послушает.

— Вот чем придется заняться, — сказал я, — каждый из нас в какой-то степени открывает новые истины

или стремится к этому, но ведь я-то был физиком, ты знаешь. Тогда все казалось проще, особенно сначала. Вечно волнующаяся астата заполняла беспредельный мир, а законы физики напоминали чем-то волшебную палочку, с помощью которой раз и навсегда можно навести в нем порядок. Мне казалось, что мой наставник Лайманис посматривает на меня с уважением и надеждой. Он приезжал к нам в редакцию как-то. Симпатичный старикан... настоящий ученый.

— Что же случилось потом?

— Потом... ничего не случилось. Это и обидно. Я увлекся, несколько дней ходил сам не свой, как будто невеста что открыл. Так оно, может быть, и случилось бы, если бы у меня было больше таланта или трудолюбия. Я нашел удивительно простую запись отражения волн от движущихся слоев. И понял, что закон верен и для ионосферы, и для морской поверхности. Каждый электромагнитный импульс, отражаясь, приносил информацию о непрерывном движении. А раньше картину отраженных волн считали хаотичной, беспорядочной, на нее, можно сказать, махнули рукой. Казалось невыносимым рассчитать эхо. Я нашел эту формулу. Несколько импульсных вспышек могли дать точный портрет звездного вихря, метеорного роя или зарядов в ионосфере. Прошло полгода, и Лайманис показал мне статью Ольмина. Сначала я не понял ее. А когда понял, то увидел, какая пропасть между его и моими результатами. Из его работы моя закономерность вытекала как частный случай, как пример. Он опубликовал ее за два года до того, как я приступил к работе над темой. Иногда я думаю о нем. Об Ольмине. Кто он? Даже пытаюсь представить, как он выглядит. Видишь ли, его работа не просто талантлива, нет. Ее не с чем сравнивать. Она даже как-то небрежна, но это, бесспорно, небрежность гения: оставить после себя немного и для других — пусть поломают голову.

— И только поэтому... ты отошел... отрекся?

— Да. Отрекся. Я не хотел быть в числе тех, кто ищет крохи. И выбрал нашу профессию.

Я не знал, что толкнуло меня к исповеди. Разговорился вдруг. И без всякой причины.

— Проектом «Берег Солнца» руководит какой-то Ольмин, — сказал вдруг Никитин, — может быть, тот самый. Я слышал: шеф говорил. А это значит, ты с ним встретишься. Потом расскажешь. Неужели у Солнца когда-нибудь отберут все тепло и свет? Это же невысказано!

— Вовсе нет. Возьмут сколько надо. Да и то в порядке эксперимента. Ты в каком веке живешь, мой милый журналист? Почти за двести лет до тебя люди мечтали о полном использовании солнечного света и тепла.

* * *

...Да, о полном освоении энергии светила. Наверное, авторов проекта могло бы задеть за живое недоуменное замечание Никитина: речь шла об отношении к эксперименту. Я успел побывать в Солнцеграде, я успел почувствовать ритм новой стройки, успел понять людей, причастных к ней. Это не было похоже на академический опыт или на простую проверку принципа. Я видел Ольмина. Слышал, как он разговаривал с критиками и оппонентами. Побывал в институтах. В только что созданном институте Солнца, к примеру.

Может быть, архитекторы старались воплотить немного абстрактную идею щедрости светила, неиссякаемости его энергии: размах поражал воображение.

Помню какие-то круглые огромные кабинеты и лаборатории со сводчатыми потолками, с бесконечными панно, ритмически повторяющими один и тот же сюжет: солнечные лучи — ярко-желтые, жгучие, зеленые (в морской таинственной глубине), багрянец и золото не-

бесного света, горячие просторные горизонты. А на верхнем этаже зал, открытый, без стекол, с высокими колоннами под серебряными капителями, с дикими виноградными лианами, обвивающими мрамор и дальневосточный гранит, с защитными полями, отводящими непогоду, ветер, дождь, полный желто-зеленого света, как аквариум. Широкие проемы между колоннами пропускали так много света с улицы, что казалось, вот-вот подует ветер, если там, снаружи, качаются деревья... Но здесь было неуютно, и неизвестные мне люди — не то просители, не то посетители, не то прожекторы, точно сошедшие со старых полотен, — с трудом, казалось, привыкали к этой современной, но неподдельной роскоши.

Ольмин оказался шатеном среднего роста, с обаятельным лицом — он меньше всего был похож на того физика, о котором я вспоминал и которого, казалось, так живо мог бы себе представить. Нет, тот был бы другим... И все споры здесь были об отношении к эксперименту. Сопrotивляясь чьей-то воле, Ольмин старался превратить его в начало самого дела. Он вовсе не был похож на одержимого, и только манера говорить иногда выдавала его. Ему не нужна была ни электронная память, ни записи, ни особый настрой. Я слышал, как он убеждал, не повышая голоса, с какой-то даже интонацией утомления сообщая цифры, формулы, легко превозмогая собеседника, делая его союзником. Я не мог понять, в чем источник этой гипнотической силы. Искал его — и не находил. Оппоненты ссылались на авторитет науки. Легко ли возражать, когда цитируется одна из глав книги Константина Циолковского? Или известного физика прошлого Дайсона?

Встает, положим, академик Долин и произносит целую речь:

— Рост населения обуславливает космическое расширение общества. Причины такого расширения надо искать также и в объективной логике борьбы с природ-

ными стихиями, в неизбежных законах развития. Константин Циолковский еще в 1895 году высказал свое знаменитое положение: человек должен использовать весь солнечный свет и все солнечное тепло. Начало тому должно положить освоение пояса астероидов. Масса этих небольших небесных тел, по выражению Циолковского, «разбирается до дна». Из этого материала «лепятся» искусственные космические тела с наиболее выгодной формой поверхности. Но масса астероидов не так уж велика, как мы знаем. Вот почему когда-нибудь настанет черед Земли и других планет. Прошло несколько десятилетий, и американский физик Дайсон вновь рассмотрел вопрос о перестройке солнечной системы. Позволю себе напомнить его расчеты. «Сфера Дайсона» — это сравнительно тонкая скорлупа, опоясывающая наше светило. На внутренней ее поверхности располагаются машины, приборы, люди — все, что составляет нашу цивилизацию. И ни один луч света не минует гигантской оболочки. Получается как бы огромная комната с одним-единственным светильником — Солнцем. Двойные звезды позволят украсить исполинское жилище светильником иной формы. Для создания сферы Дайсон предложил распылить Юпитер. Для этого нужна энергия в 10^{44} эрг. Ее может дать Солнце за 800 лет. Площадь сферы примерно в миллиард раз больше площади земного шара. Прошу присутствующих обратить внимание на эту цифру: в миллиард раз.

Дайсон подметил любопытную закономерность, которая связывает между собой независимые, казалось бы, величины: массы больших планет, толщину искусственной биосферы, энергию солнечного излучения, время «технологического» развития общества и время, нужное для «распыления» больших планет. Эти величины, оказывается, согласованы. (Пауза. Глоток воды.) Прислушаемся к ученому. «Поэтому, — заключал Дайсон, — если пренебречь возможностью случайной ката-

строфы, вполне закономерно ожидать, что разумные существа в конце концов будут вынуждены прибегнуть к подобной форме эксплуатации доступных им ресурсов. Следует ожидать, что в пределах нескольких тысяч лет после вступления в стадию технического развития любой мыслящий вид займет искусственную биосферу, полностью окружающую его материнскую звезду». Сфера Дайсона, как мы ясно себе представляем, должна излучать в мировое пространство инфракрасные лучи: в этом месте Галактики вспыхнет сильный источник теплового излучения, мощность его равна мощности материнской звезды. И нетрудно видеть, что именно такая оболочка, или сфера, вокруг звезды дает сразу и площадь и энергию ее обитателям. Позволительно ли считать, что проект «Берег Солнца» так же успешно решает обе эти проблемы? Вряд ли. Вопрос об увеличении площади, пригодной для обитания, остается открытым... Это лишь частный эксперимент, и не надо закладывать в его программу больше того, что он может дать (и т. д.).

...И вот слышны голоса, поддерживающие Долина:

— С мнением видного ученого трудно не согласиться! Нашим потомкам нужна будет сфера Циолковского — Дайсона. И может, раньше, чем предполагается.

И невозмутимый ответ Ольмина:

— Если мы не овладеем энергией Солнца, то создавать такую сферу нужно восемьсот лет. О чем же спорить? Значит, именно тот проект, который сегодня обсуждается, даст путевку в жизнь давнишней, но интересной идее Дайсона и Циолковского. Три-четыре года вместо восьмисот лет!

Теперь другие голоса:

— Неужели вы верите в идеи и проекты, относящиеся исключительно к области фантастики?

— Мы собрались здесь, судя по всему, как раз для того, чтобы говорить исключительно о фантастических проектах, — таков был ответ.

ПРОВОДЫ СОЛНЦА

— Завтра Солнце пересечет экватор! — воскликнула Калина Зданевич. — Жаль, что это только иллюзия, а на самом деле еще немного повернется наша Земля.

— Говорят, на этот раз все будет иначе, — сказал Ридз Кеттл, и я был готов подхватить его шутку; он не так уж хорошо говорил по-русски.

Мы видимся раз в год, и эти встречи всегда памятные. Ридз похож на провинциала откуда-нибудь из Калуги или Костромы позапрошлого века. У него пшеничные усы, квадратный подбородок, добрые глаза. Осенью или весной, на праздниках Солнца, он частый гость редакции. Мы сделали с ним репортаж о «Гондване» — для другого континента. Подружились.

— Все равно нам не избежать праздника, — продолжала Калина с серьезным выражением лица.

— Вы совершенно правы, — сказал я. — У нас на берегу почти как в море: только там праздник носит имя Нептуна. Правда, нет корабля, пересекающего экватор. Но разве планета не корабль? А Солнце?

— И все же... — сказал Ридз, — завтра не осеннее равноденствие будет причиной праздника, а день Солнца вызовет необходимое для празднества положение светила!

— И тебе, Ридз, я не могу отказать в правоте.

— Хитрите, — рассмеялась Калина, — говорите так, что вас нельзя поймать на противоречиях.

— Это невежливо с его стороны. — Ридз кивнул в мою сторону. — Но я уверен, что он исправится.

— Обещаю. Завтра все будет в порядке. Облетим город или сразу в отель?

— Не знаю, — сказала, подумав, Калина.

— Как знаешь, — сказал Ридз.

— Мне нравится летать на эле. Только повыше, поближе к небу.

Я поднял машину. Свод неба был золотистым, теплым. На его фоне четко вырисовывалась прихотливая линия крыш в старой части города. Там был совсем другой мир, до которого мне как-то недосуг было добираться. Но сегодня я провел эль на взгорье, мы пронеслись над шпилями и куполами, промчались мимо потемневших от времени кирпичных башен и стеклянных небоскребов. Открылись страницы истории. Меня всегда поражало вот что: в какую бы глубь веков мы ни заглядывали, всегда обнаруживалось дыхание красоты, ее ритмы, необъяснимое наваждение искусства.

Наверное, мы думали об одном и том же, потому что Ридз, и я, и Калина вспомнили об этом вечере на празднике...

Очаровательный беззаботный день праздника: две-три такие встречи давали право называть человека с любого континента другом. Ридз рассказал, как он впервые, еще мальчиком, увидел Приморье. После приключенческих романов о Севере и Дальнем Востоке его удивляла почти тропическая природа южных долин, осенние зеленые раздолья, контрасты горных ландшафтов. А начало дальневосточной зимы произвело на него такое впечатление, что он хотел еще раз побывать здесь именно в это время, в декабре.

— И за двадцать лет мне так и не удалось покататься у вас на лыжах! — закончил он рассказ о первом своем не столь уж далеком путешествии. — А город, — вдруг сказал он, — бережно сохранил все старое. Не знаю, как это ему удалось с вашей помощью, но уверен: так и должно быть. У города, как и у человека, должна быть память. Память о прошлом.

— Это не память, — сказала Калина.

— Что же?

— Искусство.

— Искусство памяти, — улыбнувшись, сказал Ридз.

— Вот и нет, — упрямо возразила Калина, — вы играете в слова: то, что вы называете памятью, несвойственно киберам и электронным машинам. Но вы ведь не будете утверждать, что у них нет свойства запоминать?

— Вечная тема: искусство... Как совместить это с поразительной гармонией мира знаний и поисков? Разве любой кибер со средним объемом памяти не изобразит первобытного зверя быстрее и точнее, чем охотник неолита?

— Может быть. Только искусство совсем не для того, чтобы выполнять точные эскизы и чертежи. Хотя бы и с натуры. Искусство несет совсем другую информацию, чем трактат или теорема.

— По-моему, любую информацию можно выразить в единицах ее измерения — в битах.

— Никогда вы это не сможете сделать! Танец, песня, рисунок — это целый мир переживаний. Они вызывают больше чувств и мыслей, чем в них заключено. Они только сигнал, который заставляет вспыхивать ассоциации. Точно так же, как панорама старого города или башни маяков. Вы напоминаете мне инквизитора, Ридз. Для вас не существует ничего, что не укладывалось бы в схемы или формулы.

— У меня много союзников, милая Калина. Иные из них уверены, что искусство — это иррациональное начало — понемногу уступит место науке. И отомрет со временем.

— Кажется, я догадываюсь. Знакомая формула: не искусство и наука, а искусство науки. Нет, Ридз. Искусство — это не надгробие человечества. Оно наш современник.

— Для меня оно означает красоту познаний и поиска.

— Оно прежде всего утверждает человека и все человеческое в мире, измененном силой знания. Унич-

тожьте наши следы во времени, наши традиции, музыку, картины, стихи — и вы уничтожите человека.

«...Кажется, она права, — подумал я. — Вон там, у камина, старинные перекрещенные шпаги — символ мужества, и древний стальной якорь — знак морской доблести. А гравюры, подсвеченные красными языками пламени, переносят нас на столетия, отодвигают непроницаемый горизонт времени. И это пока единственный способ путешествовать в прошлое. Но что мы там забыли? Знаем все, что знали предки. И много больше того. Не в искусстве ли, которое проявляется так ярко и сильно, причина этого движения к первоистокам бытия?..»

...В начале двадцатого века в Финляндии, в деревне Лутахенде, поселился молодой человек с мягкой бородкой, со спокойными и простодушными глазами, с румянцем во всю щеку. Жил он на болоте, которое все — и дачники, и местные жители — именовали Козым, в крохотной хибарке, упрятанной в лесу. Стены и углы своей комнаты он украшал кустами можжевельника, сосновыми и еловыми ветками, букетами папоротников, ярко-красными ягодами, шишками. А над дверью хибарки он приколотил дощечку с изображением лиловой кошки. И вскоре все стали называть лачугу «Кошкин дом». (Мне где-то уже приходилось писать об Алексее Толстом.)

«Посередине комнаты в «Кошкином доме» стоял белый сосновый, чисто вымытый стол, украшенный пахучими хвойными ветками», — вспоминал современник. Молодой человек, поселившийся в лесу, в этом деревянном домишке с закоптелыми стенами, был тогда начинающим писателем, и никому еще не стали известны его книги: «Хождение по мукам», «Петр Первый» и другие — просто потому, что они еще не были написаны.

А задолго до этого, где-то у большого озера, на гранитной скале первобытный художник начертил контуры

огромного, почти сказочного великана из мира животных. Но зачем это ему? Ведь он, вероятно, многожды встречался с мамонтом в то зеленое утро нашей планеты, когда природа была и щедра и загадочна... В чем же дело? Почему на скале возник странный живописный образ обычного, казалось бы, зверя?

И что же такое язык искусства?

...Куда занесло меня! Еще немного — и меня стали бы расспрашивать, наверное, что случилось. И какое это имеет отношение к нашему разговору? Мне стало неловко. Я все еще искал ответ на вопрос, заданный женщиной, сидевшей рядом со мной за столом. И знал: ответ будет таким, что я не смогу сообщить его ни Риду, ни ей, ни другим...

Да, в искусстве порой все сложно и все просто. Пройдут века. Сорок тысяч лет, быть может, семьдесят... В теплый летний день к деревянной лачуге на Козьем болоте, что у околицы Лутахенды, совсем недалеко от Куоккалы, подойдет юноша с букетом лесных папоротников и прибьет над дверью дощечку с изображением кошки.

...А вот трезубец Нептуна. О чем расскажет потускневшая зеленая медь и прихотливые пятна полустершейся чеканки? Что за тайный умысел у создателя языческого знака власти над морем? И почему мы собрались в роскошном зале под этим знаком? Что скажут уму и сердцу тысячелетние легенды и мифы?

В пряже дней время выткало нить — это поэзия. Почему же не обрывается легчайшая нитка, ведущая в прошлое? Как будто бы она из сверхпрочного металла и от времени становится крепче. Калина говорит об ассоциациях. Может быть, проще? В искусстве, в человеке можно узнать целый мир... так, например.

Когда я впервые это понял? Понял и не смог выразить словами? Да, Валентина... Я увидел ее такой, что не мог потом забыть. И не знал, почему это произошло.

Далеко-далеко отсюда. На острове. Где когда-то плавала «Гондвана».

Кажется, начинался спор, долгий, горячий и бесполезный, как всегда. Страстно возражал Ридзу Саша Костенко, в первый раз присутствовавший на традиционной встрече журналистов, к нему присоединился Джон Ло; звучали стихи, и сочинялись гимны науке, искусству, человеку. Стало шумно. Я видел, как бородастый и респектабельный Гарин встал из-за стола, подошел к Костенко, пытался его в чем-то убедить, но нить спора была вскоре утеряна. Только я помнил, с чего все началось: память, потом Валентина...

Джон Ло, исколесивший Сахару и Ближний Восток, рассказывал о своих наблюдениях. Великолепные краски на скалах и стенах храмов сохранились в течение тысячелетий. Бесчисленные рельефы и скульптуры. Тонкие контуры, изящество художественной техники — все это бросается в глаза. Даже простому журналисту. Но живопись эта плоская, без теней и переходов. Ни намека на перспективу: пруд с водяными птицами рисовали так, как будто зеркало воды вертикально. А люди... Ноги видны сбоку, лица в профиль, а грудь всегда изображалась во всю ширину. Голову быка художник видел в профиль, а рога оставались в плоскости рисунка. Замечание Джона Ло привлекло мое внимание: египтяне как бы пользовались приемом собирателей гербариев. Так дети засушивают цветы между страниц, невольно изменяя их форму.

Стенная живопись Геркуланума и Помпеи, городов, засыпанных некогда вулканическим пеплом, гораздо больше напоминает современное искусство. Открытие перспективы уже состоялось, на панно появились тени.

— Искусство может все, — сказал Гарин. — Современное искусство. Но оно отдаленно напоминает памятник, вечно строящийся и остающийся незаконченным. Что-то всегда перестраивается, доделывается, в его пье-

дестал добавляются камни, мрамор, затем устанавливаются новые и новые фигуры.

— Хватит об этом! — воскликнул Костенко и стал рассказывать о горной цепи в Атлантике, опустившейся на дно океана. Он только-только вернулся из экспедиции.

— Катастрофа произошла 40 миллионов лет назад, — сказал он, — совсем недавно. Единственное место, где можно найти сказочную Атлантиду.

— Тогда еще не было человека, — сказала Калина. — Одни динозавры.

— Откуда вам это известно? — возразил Костенко. — Мы вообще с некоторых пор лучше ориентируемся в космосе, чем у себя дома, на нашей планете. При мне изучали керн, извлеченный с глубины трех километров... Там был целый архипелаг. С тех пор как острова затонули, их покрыл слой морских осадков.

— Атлантика — настоящий клад для журналистов, — заметил Джон Ло. — До сих пор никто не знает, что же за следы на дне открыли Жорж Гуо и Пьер Вильм в районе Дакара. Мы действительно плохо ориентируемся.

— Это история с бородой, — сказал Ридз. — Но никто ничего действительно не знает.

— А я даже не слышала, — сказала Калина Здаевич.

— О, это настоящая загадка, — сказал Джон Ло. — Они увидели на дне, в иле, следы гигантов. Так им показалось.

— Что же это было?

— Углубления, похожие на отпечатки гигантских ступней. Два-три метра в длину. Расположены они по какому-то периодическому закону. В 1960 году такие же следы засняты на дне Индийского океана советской глубоководной камерой.

Меня забыли, и я думал о своем. Я нашел ключ к

своим переживаниям. Вот четыре стихии древних: земля, огонь, вода, воздух. Пятую придумал Ольховский: жизнь. И еще две стихии — любовь, разум.

Да, я знал теперь семь стихий. Как же иначе! Недавно я плавал на «Гондване»: можно было ведь ограничиться полной связью или даже телеканалом. Говорят, что любовь — тайна. Но любая из стихий тоже тайна. Нам не доведется увидеть ни близкое сияние новых миров — звездных огней будущего, ни многие и многие отдаленные небесные земли-планеты с их диковинами. И никто не предскажет тайфун или смерч, несмотря на кажущуюся простоту задачи.

В проеме окон, над головами людей, открывались дали, охваченные слабым вечерним сиянием. Внизу был город. Здесь, в излюбленном нами зале, чувствовалась высота: двести метров от подножия сопки и тридцать этажей. Я встал и подошел к окну. Море казалось белым в лунном свете. Его бороздили голубые, красные и желтые огни. Над ним оставляли фосфоресцирующий свет террапланы и эли. Розовые и голубые огни в окнах разбегались правильными рядами по вертикалям и горизонталям — улицы казались висящими в воздухе елочными гирляндами. Отсюда, с высоты, были плохо видны детали, а знакомые ориентиры сместились так, что я долго искал северные радиомаяки и станции полной связи. В той стороне на высокие вершины спускались туманы и облака окутывали каменные глыбы и заполняли ложбины.

Я осторожно открыл окно. Ворвался свежий холодный воздух, запахи гор и леса. Ветер донес до меня звуки «Эстрелиты» Понсе. И потом — чарующие танцы Глазунова...

Где-то сейчас «Гондвана»? Хотелось махнуть рукой на все и улететь. За час я смог бы вызвать «Гондвану», узнать координаты и еще часа через четыре быть там. На борту. И почему это я, в самом деле, так редко на-

вещал «Гондвану»? Вечные дела и хлопоты, а выкроить несколько часов на дорогу не удавалось. Сегодня наступил перелом, я знал. Теперь все будет иначе, повторял я. Будет по-другому. Это сентябрь был таким хлопотным.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ

Как это случилось? На борту «Гондваны» приняли сигналы тревоги. Чувствительные гидрофоны непонятным для непосвященных языком рассказали о беде; весть звучала, как музыкальная гамма — высота звуков нарастала, потом убывала. Но они были короткими, как вскрик. Будь они немного послабее, приборы не смогли бы их уловить.

«Дельфины!» — подумала Валентина. Ей не нужно было ничего разъяснять. Сигналы пропали, значит, дельфины были далеко, но зря они не стали бы тревожить своих сородичей, да и двуногих друзей тоже.

Стояла ясная тихая ночь накануне полнолуния. Валентина быстро собралась, доложила о курсе, которого, как ей показалось, нужно было придерживаться, и вышла в океан на спасательном аппарате. Через час стало ясно, что ультразвуковые импульсы дельфинов могли дойти по волноводу: игра случая порой так перемещает воды различных слоев, что образуется как бы тоннель под водой — по нему звук бежит, отражаясь от более плотных горизонтов. Такой волновод может ввести в заблуждение, если он хотя бы немного изгибается. Пеленг окажется мнимым.

Валентина запросила «Гондвану». Автомат гидрофонов ответил ей, что новых сигналов не поступало. Чуть позже за пультом управления оказался Энно, он потребовал возвращения Валентины, но Ольховский разрешил ей продолжить поиск. Это ведь была ее прямая

обязанность: помогать обитателям океана, значит, всему океану.

Старик всполошился. Ему еще иногда чудился «Летучий голландец» по ночам, а в своей каюте он держал забытые всеми книги, в которых, разумеется, было больше вымысла, чем правды, о разных бедствиях, кораблекрушениях и таинственных исчезновениях целых экипажей. Но потом он вспомнил «Бегущую по волнам», и это немного успокоило его: да, женщины выходили в океан. В одиночку. Воспоминание было смутным: он даже не знал, было ли то легендой, поверьем или писательской фантазией.

Он так и не смог помочь Валентине. Ни одного сигнала от дельфинов не поступило на «Гондвану», и Энно решил, что акустический канал разрушился или судно оставило его за кормой. Других объяснений не было.

А Валентина продолжала слушать океан. Она решила отклониться от курса и вдруг напала на след. Новая серия импульсов. Еще несколько минут хода — и связь с дельфинами стала устойчивой. Она ответила им: аппарат послал сигналы помощи, тоже, конечно, ультразвуковые. В этот момент ее отделяло от «Гондван» около двухсот километров.

У горизонта показалась темная громада острова. Ни одного огня — только радиомаяк посылал предупреждения: осторожно — мель! осторожно — заповедник!

Валентина включила инфракрасный прожектор и увидела на трехмерном индикаторе тот же остров, но уже хорошо освещенный, как в ясную солнечную погоду. Теперь была видна береговая линия с белыми бурунчиками волн. В бухте она сумела разглядеть один-два так хорошо знакомых ей округлых плавника. Это были крупные афалины — дельфины, любящие теплую воду тропиков. Она подумала, что на зов бедствующих сородичей откликнулись другие дельфины и приплыли сю-

да и это именно их она увидела сейчас. Что произошло?

Она подвела аппарат поближе, послав ультразвуковые предупреждения. В ответ посыпались импульсы, и компьютер быстро перевел их на язык слов настолько точно, насколько это было возможно при общении с существами, не умеющими говорить, не знавшими языка, но понимавшими, казалось, попытки человека установить контакт. Она узнала: несколько десятков дельфинов здесь, в этой бухте, могли бы погибнуть. Она погрузила аппарат в воду и наблюдала, как афалины выталкивали наверх дельфинов, готовых погрузиться на дно. Потому что под водой дыхательный аппарат дельфина словно на замке — сигналы, обычно поступающие в легкие, заторможены. Человек продолжает дышать, даже потеряв сознание. У дельфинов все иначе: чтобы снять тормозящие дыхание сигналы, он должен обязательно всплыть на поверхность. Если он сам не может этого сделать, его выносят на поверхность другие.

Афалины помогали своим. Наверное, они подросли ненамного раньше Валентины: судя по тревожным импульсам живых сонаров (щелканье и звуки, напоминающие скрип двери), они искали врагов. Тщетны были эти попытки. Враги были невидимы: едва заметный беловатый налет покрывал спинные плавники и тело дельфинов — новая разновидность вирусной болезни, как удалось установить Валентине. Больные дельфины скоро не смогут двигаться. Тогда смерть. Пока самых слабых из них выносили наверх несколько здоровых афалин. Нетрудно было догадаться, что произойдет через два-три часа.

Валентина приблизилась к одному из дельфинов, подняла его механической рукой на поверхность. Он глотнул воздух. У Валентины было теперь в распоряжении несколько минут. Она взяла образцы пораженных тканей, лимфы и крови. Через минуту-другую молекуляр-

ный анализатор дал ответ: из множества лейкоцитов выделена устойчивая форма. Организм вырабатывает своеобразные антитела — они атакуют вирус... Всего несколько клеток оказались пригодными для работы. Валентина включила синтезатор, и зеленый огонек на панели тревожно замигал: собранный материал был различным по структуре. Это равносильно недоуменному вопросу: что же синтезировать?

Валентина разделила клетки, и прибор дал первую серию вакцины. Вскоре было выделено действующее начало — антиген.

Волосы закрывали ей глаза, руки и лоб были горячими. «Наверное, простуда», — решила Валентина.

Она сделала несколько инъекций. Реакция должна была наступить позже. А пока нужно было получить антиген другого типа, снова сделать несколько инъекций и сравнить результаты. Но дожидаться конца эксперимента — значило безнадежно упустить время, сложить оружие... Уже сами эти опыты должны были дать результаты, иначе смерть неминуема. Потом — в случае частичной удачи — повторные инъекции...

Она устала, и перед глазами плясали расплывчатые фиолетовые круги от яркого света. Дважды она выслушала Ольховского. Он советовал проводить дельфинов из этой бухты в другое место — конечно, позже, когда они в состоянии будут передвигаться.

Энно передал ей, что к острову направилась еще одна группа афалин, принявшая сигналы бедствия. Их помощь, правда, была не нужна: подводный аппарат успевал теперь выталкивать дельфинов к поверхности, где они делали вдох. А те афалины, которые подоспели сюда, теперь только патрулировали: на мелководье пытались прорваться несколько акул. Валентина видела, как один из дельфинов буквально протаранил большую белобрюхую рыбину. Он был похож на торпеду: челюсти плотно сомкнуты, хвост, точно стальной винт, отбрасы-

вал поток воды. Когда до хищника осталось полметра, дельфин сделал рывок. Удар! Раненая акула повернула и поплыла прочь, в открытое море, но там ее подстерегали другие хищницы, такие же, как она, холодные грациозные твари, реликты прошлого.

Через час теплая струя подогретой воды образовала маленькое подводное течение: монитор смывал с больных страшную плесень, прилипшую к коже. Валентина видела, как дельфины грелись в струе, как их спины обтекала морская вода, насыщенная целебными ионами, как они тянулись за ней, если аппарат приходил в движение.

Она вывела их из бухты — около двухсот дельфинов, начинавших оправляться от болезни. Они плыли за аппаратом, а впереди шли здоровые афалины, показывая дорогу. И среди них — Элвар и Лиззи, которые первыми приплыли на помощь. Так она назвала своих лучших помощников. Они направлялись к тому месту, где сливались теплый и холодный потоки. Именно в таких местах, где встречаются разные по температуре течения, много планктона и рыбы. Кристально чистые океанские просторы часто безжизненны. Нужно искать контакт глубинных и поверхностных вод — давным-давно дельфины научили этому простому правилу рыбаков, и те платили им признательностью, положив, если угодно, начало взаимопониманию, даже дружбе.

Простуда давала себя знать все сильнее. Но ей не хотелось работать с синтезатором. Она устала. стакан горячего молока с содой, решила она... самый старый рецепт и самый приятный. Через час она задремала и сквозь сон услышала тревогу. Снова дельфиньи голоса. Они выглядели совершенно здоровыми. Но Элвар сделал круг, словно приглашая следовать за собой. «Зачем?» — подумала Валентина. Она видела, как пустел экран: дельфины уходили к северу.

«Осталась одна, — подумала Валентина, — пора на

«Гондвану». Она повернула аппарат к югу. Еще с минуты до нее доносились тревожные сигналы, потом они заглохли. И в этот момент электрограф качнул красной стрелкой, и три резких свистка сирены оглушили ее. Но было уже поздно.

Слишком поздно... Внизу, на дне, вспыхнул багровый глаз подводного вулкана.

Толчок. Резкий удар. И еще...

Она направила аппарат вверх. Стоило ему, как дельфину, глотнуть воздуха, остаться на плаву, и удар волны сжатия был бы не так уж страшен. Она не успела.

Невидимый таран настиг ее. Энно видел: оставалось метров тридцать до поверхности, когда Валентины не стало.

* * *

Навигатор исследовательского судна «Гондвана» Энно Рюон — руководству Международного геофизического центра:

«23 ноября с. г. в 8.09 в точке, расположенной в тридцати километрах к северо-востоку от атолла Эаурипик, обнаружено изменение окраски водной поверхности. Накануне в этом районе отмечены тектонические сдвиги, зарегистрировано извержение подводного вулкана.

Пятно с окраской желто-зеленого цвета достигло на следующий день диаметра двенадцать километров и было хорошо различимо на фоне ярко-синей океанской поверхности в соседних районах. Предположение об образовании нового острова вскоре подтвердилось. Ввиду того, что над океаном опустился легкий туман, отдельные этапы рождения острова проследить не удалось. Общий ход явлений напоминал поднятие океанского дна вблизи острова Нисинодзима в 1973 году.

Направленный к месту событий геофизический терраплан подтвердил вывод о рождении нового острова и произвел съемку в инфракрасных лучах. Собраны образ-

цы изверженных пород, уточнен новый профиль дна, выяснено, что видимость в окрестности внезапно ухудшилась в связи с тем, что вскоре после извержения над водной поверхностью поднялась пелена пара. Над тремя кратерами вулкана просматриваются воронки водоворотов. Отчетливо видны черные частицы вулканического пепла и обширные белые полосы — легкие изверженные породы, близкие по составу и свойствам к пемзе.

Съемки завершены. Координаты острова уточнены.

Особое мнение: предлагаю назвать новый остров именем Валентины Ануровой, выполнявшей задание по охране дельфинов согласно программе «Афалина» и погибшей во время извержения».

* * *

О чем мы говорили с ней в день знакомства?..

Я вдруг вспомнил: она говорила о потопе, о наводнении из-за таяния льдов. Когда-то девчонкой пыталась она вычислять содержание углекислого газа в воздухе — тогда об этом писали еще чаще, чем сейчас. Она призналась: ей было страшно, что океан будет наступать. Две-три неосторожные статьи — и в ней поселилась тревога. Странная прихоть — думать о вопросах, волнующих взрослых. Она рассказывала мне:

— Мне представилось, что я смогу в этом разобраться. То, что писали и говорили, мне постепенно стало казаться несерьезным. Сжав кулаки, я готова была спорить с кем угодно. Я помнила: за полтора столетия углекислоты в атмосфере стала больше на одну четверть. Из-за этого планета могла превратиться в гигантскую теплицу: молекулы углекислоты задерживали инфракрасное излучение от поверхности Земли. Словно кто-то накинул на земной шар теплое покрывало. Действовал и другой фактор: пылевое облако над континентами. Дым

из фабричных труб и частицы почвы с распаханых полей, выхлопные газы двигателей...

Как все это влияло на климат? Пылевое облако не пропускало солнечный свет к Земле, способствовало остыванию планеты. Углекислота и пыль оказывали прямо противоположное действие. Общая же картина почти не поддавалась расчету. К тому же все вокруг постоянно изменялось: появлялись ионолеты, гелиостаты, магнитные поезда, новые и новые двигатели и виды транспорта. Если бы растаяли льды Северного Ледовитого океана, беды еще не было бы: когда-то океан освобождался ото льда летом, а зимой опять покрывался не столь уж толстым слоем льда. Воды, конечно, прибавилось бы: ее общий уровень поднялся бы на 20—30 сантиметров. Это не страшно. Но вот если бы начали таять двухкилометровые льды Гренландии и Антарктиды, последствия могли бы быть катастрофическими. Вода поднялась бы на 50—70 метров. Дном моря стали бы Нидерланды, часть Северной Европы, Канады...

И как ни парадоксально, защиту от вод океана человек мог найти у океана же. Его просторы очищали воздушные массы от углекислого газа (и от пыли тоже). Океан — легкие планеты.

Но углекислый газ, содержащийся в воде, приведет в конце концов при некоторой критической концентрации к растворению твердых форм карбоната кальция, например арагонита. Это означало, что начнут растворяться раковины моллюсков.

...Все перекрестки ее рассуждений вели к тайнам океана.

* * *

Я еще раз вспомнил этот разговор с Валентиной, но уже гораздо позже, через несколько лет. Случайная встреча с Ольховским (он не без труда узнал меня), и

я понял, как важно было, что она говорила когда-то. Углекислота скапливается на дне морей, объяснял Ольховский, в грунте, в придонных слоях. Всюду, где происходит окисление органического вещества.

— Мы уже оставили память о себе, — Ольховский был настроен пессимистически, его колючие глаза потемнели, он постарел или очень устал. — На дне оседают скелеты животных, их останки. Еще немного, и мы стерли бы эти бесценные для нас следы жизни. Вы помните, конечно, «Гондвану»? Так вот, сейчас десятки таких исследовательских кораблей убедили нас в том, что мы стояли у самой грани: углекислота действительно растворяла раковины. Представляете, как могли бы мы разочаровать наших потомков, не оставив им не только живых моллюсков, но даже их ископаемых останков? В том-то и дело, что, когда мы приблизились к грани дозволенного, предпринимать что-либо уже поздно. За моллюсками неизбежно вымерли бы другие виды: океан стал бы похож на огромную пустую лужу. Сначала мы находили то, что ожидали: в северных морях от раковин астарт, йольдий и портландий — так именуются эти моллюски — оставалась лишь темная наружная пленка, которую так легко соскоблить с раковины ножом. Называется она периостраком. Этот мягкий роговой слой — все, что напоминает о жизни обитателей дна.

Но в этом повинен не только человек: углекислота, образно говоря, прилипала ко дну, и бактерии, разлагавшие органику, пополняли ее запасы.

Потом уж им стал помогать человек. Пятнадцать лет назад мы нашли роговые слои тропических моллюсков — известковая часть их раковин полностью успела раствориться. Это было уже страшно — это была уже память о человеке. Потому что без его преобразовательской деятельности (Ольховский саркастически усмехнулся) природа успевала справляться с вредными влия-

ниями. Да, мы изменили энергетический баланс, но мелочи остались: кое-где дымили трубы, испытывали двигатели, кто-то экспериментировал с сухой перегонкой, где-то чадили химики. Мелочи... но только по сравнению с техникой сегодняшнего дня. А по меркам, дозволенным природой, этого допускать мы не вправе. Не вправе. Знаете, — усмехнулся он, — я не сторонник охраны каждого мотылька на том основании, что потерянное крылышко насекомого изменит будущее. Нет! Вы можете растопить айсберг, засыпать озеро, если так надо, отвести течение реки в новое русло, прорубить арктическую полынью. На будущее это не повлияет. Время затянет эти раны, которые мы нанесли планете. Важно не перейти опасную грань. Где эта грань? Раньше до нее было далеко. Потом мы приблизились к ней. Природа не успевала оправляться от наших ударов.

Он внимательно наблюдал за мной, словно пытаясь угадать, понял ли я его так, как он хотел, или нет... А мне вдруг стало неловко. Он был похож в эти минуты на проповедника. Он был тысячу раз прав. Но это его проповеди могли быть повинны в том, что нет Валентины. Разве не выполняла она его волю? С неожиданной симпатией я подумал о смелых, отчаянных людях, не думавших когда-то о будущем, подчинявших природу своим желаниям. Странная, мгновенная мысль. Человек все больше терял право распоряжаться планетой. И в этом повинно было его могущество.

— Как жалко, — сказал я, — еще немного, и мы не знали бы, что такое жемчуг. А может быть, наши потомки уже никогда не увидят настоящей жемчужины? Ведь сокровища полуденного моря — это не что иное, как известь, кальций...

Он пристально посмотрел на меня, и я невольно сжался под этим тяжелым взглядом.

— На Филиппинах некогда нашли жемчужину ровно в четверть метра длиной и около четырнадцати санти-

метров в поперечнике. Такой ни мне, ни даже вам не увидеть в обозримом будущем. У испанского короля Филиппа Второго была белая жемчужина грушевидной формы размером больше трех сантиметров. И таких пока нет.

— Их можно, наверное, увидеть в музеях?

— Увы, жемчужины живут не больше полутора веков. Потом разрушаются. Потому что это не кальций и не известь, как вы изволили выразиться. Кроме извести, любая жемчужина содержит роговое вещество — конхиолин. Оно-то и высыхает, разлагается со временем. Сокровище превращается в прах. Ну а об искусственном жемчуге мы с вами наслышаны.

«СКОЛЬЗНУЛА ПТИЦА ЧЕРНОЙ ТЕНЬЮ...»

Прошла зима, пробежала весна.

Стояли холодные дни. Дули северные морские ветры. Ночью шли часто быстрые шумные дожди, потом до полудня бежали над городом низкие облака, и лишь к вечеру прибавлялось света — проглядывало маленькое желтое солнце, подавая надежду на хорошую погоду. Ночью, однако, все повторялось, и я уж подумал, что все лето будет таким. Меня давно не тянуло к морю: что там, за туманными далями, бог весть, — но не напомним ли оно мне то, что уже готово затеряться в памяти? Как хорошо было бы все забыть, но по ночам, когда я вслушивался в шум дождя, как наяву, всплывало знакомое лицо. Тогда ночь пробегала стороной, точно юркая серая мышь, и поднималось за окном безрадостное утро.

Навещали друзья. За кофе рассказывали о проекте, приносили лесные ягоды, какие-то необыкновенные сувениры из древесной коры, из амурского бархата, один раз подарили живую белку — я открыл окно, хотел вы-

пустить ее на свободу, но она осталась и прижилась. Я кормил ее по утрам орехами, конфетами, сушеными грибами, она привыкла ко мне и ворчала, когда кто-то приходил. Я махнул рукой на портьеры, занавески и отдал их в полное распоряжение зверьку. Так мы и жили вдвоем.

Как-то появилась Соолли, обаятельная, заботливая, с важными слухами и новостями о проекте, об экспериментах на побережье, которые покажут всем, что бояться Солнца не надо... Глядя на нее, я думал, что только такие вот красивые женщины и могут узнавать самые важные новости задолго до того, как они будут опубликованы, и, узнавая, убеждать в их значимости всех. Я был ей несказанно благодарен: она ни слова не сказала о Валентине.

Помню день зноя и гроз. В воздухе вдруг запахло тропиками, морем, над землей разом поднялись теплые испарения, дурмящие ароматы диких цветов и лесной зелени. И ночью шаги под окном и чьи-то приглушенные голоса. Слышалась знакомая песня. Душная, пряная, южная ночь. И за ней еще одна, когда небо раскрылось звездным шатром и, стоя у окна, я жадно вдыхал этот пряный воздух — предвестник перемен.

И вот неожиданно крылатый, зеленый день со свежим морским воздухом, и солнце над вымытыми крышами и белыми стенами домов, и легкое сердце. Внизу, на склоне холма, убегавшем к морю, — сиреневый чистый асфальт старых аллей, и ветер в кронах оживших от тепла деревьев, и стройные ноги купающих.

Чаще всего я откладывал работу до вечера. Я нашел себе место недалеко от северной пристани: две-три минуты для проворного эля. Там был заросший редкой травой сухой склон, камни и песок, редкие сосны, зеленая лощина с родником под валунами, узкая безлюдная тропа. Я бывал там до заката солнца. Место называлось по-старинному: Приморский парк. Все здесь оди-

чало; забылись вмешательство машин для стрижки травы, ножницы, коверкающие кусты и деревья, искусственные газоны и зеленые ковры с запрограммированным набором цветов. И это нравилось. Дышалось легко, и только однажды... Вдруг какой-то приступ, беспамятство и сердечная боль. А над морем широкие белоснежные паруса, парение гидропланов, далекий синий корабль у горизонта.

Я на время забыл дорогу к парку. Прошло дней пять, пока я выздоравливал.

И снова знакомые сосны и белые цветы — пять дней назад их не было, они распустились без меня. Здесь все изменилось. А в зеленой ложине — говор и смех, веселье, нарядный эль, невеста в белом, вечерние тени...

* * *

Прошла неделя, и установилась жаркая погода, море стало теплым, как парное молоко, все вокруг казалось желтым, оранжевым, золотым, в ярких точках света, как на картинах импрессионистов. На небе царствовало солнце. Душно, тесно как-то на бульварах и улицах.

Рано утром в воскресенье полетели к Уссури: Андрей Никитин, Даниил Рóзов, я, еще двое или трое наших, какие-то незнакомые девушки в ослепительных платьях. Выбрали песчаную косу, зачем-то развели костер, забросили удочки. Никитин с видом старшего учил меня премудростям рыбной ловли. Потом ему это надоело, и он оставил меня. Я побрел по песку, дошел до изумрудных зарослей, которые заметил сверху. Здесь, у самого берега, у корней, в камышах, среди подводных трав алели огни рыбьих плавников и поднимали со дна муть ключевые струи. Рыбу здесь можно было ловить руками. Удивительный залив с прохладной водой и легкой дымкой тумана над ней. Следы от моих ног на старом сером песке быстро заполнялись водой. Тонко жужжали осы.

Среди светлых стволов с ободранной корой, вынесенных половодьем, — кусты жимолости с длинными сизыми ягодами.

Краем глаза увидел я человека, не из наших, постукивали камешки, раздвигались кусты, мелькали темные волосы... женщина. Я остановился и наблюдал. Она быстро шла поодаль от берега, быстро скрылась из виду, потом на миг показалось — солнце выхватило ее платье в чаще, за поваленным деревом. Там просека, ведет через такую глухомань, что страшно... но она шла не по просеке. Нет... Шла стороной.

К вечеру за чащей взлетел эль, повисел-повисел и исчез. У меня возникла странная догадка. Стал соображать. Да нет, отмахнулся я, не может быть! А мысли приходили такие: «Я знаю ее, видел... на «Гондване». И раньше. На кадрах, отснятых в фитотроне. Ее движения, хотя лица не видно. Откуда она здесь? А как же, вспомни про письмо, не зря же она писала о проекте. Ее это интересует не меньше нашего. Значит, она осталась где-то здесь, на побережье. Где-то здесь...»

Я вошел в воду и машинально побрел вдоль берега. Слева от меня, в маленькой луже, соединявшейся с заливом, ходили легкие волны. Рыба, догадался я. Я нагнулся и осторожно приблизился. Тень от меня падала так, что рыба не испугалась и продолжала ходить в заводи. Я опустил руки в воду и стал понемногу сгребать камни и песок. Получалась маленькая плотина. Я делал это машинально. И очень удивился, когда рыба оказалась запертой в луже. По-моему, это была стая хариусов. Я перегородил заводь сухими стволами, вода стала мутной, и мне удалось поймать руками несколько рыбин. Остальных я выпустил на волю. Прошел час. Я услышал крики. Меня искали. Я поднялся и пошел к ним. Из голубой долины дул лесной ветер с ароматами голубики и грибов.

— Да ты настоящий рыболов! — не без зависти вос-

кликнул Никитин, когда увидел меня с тонким прутиком, на котором одна к одной красовались одиннадцать рыбин, моя добыча.

— А ты? Поймал что-нибудь? — деловито осведомился я.

— Ни одной. Не везет.

Подошли остальные, стали поздравлять и заискивающе улыбаться. Как будто я совершил подвиг. Кто-то предложил меня качать.

— Не надо, — сказал я, — это моя доля. Женщины варят уху, остальные собирают ягоды и грибы. — И указал рукой на пологую сопку, где им надлежало поработать.

Они перестали улыбаться, и выражение их лиц стало озабоченным: они явно предпочитали заниматься ухой. Каждый взял рыбу и стал потрошить ее и чистить. А я разлегся на песке как ни в чем не бывало. Но мне стало страшно смотреть в синее-пресинее небо, как будто я мог там увидеть то, что произошло тогда с мезоскафом. Сжалось сердце, я повернулся и закрыл лицо ладонями. Резкий запах травы... А рядом веселые, звонкие голоса, и смех, и шутки, и девичьи босые ноги, мягко ступающие по песку.

Кто-то говорил о проекте «Берег Солнца», а я, точно оглушенный, не мог понять смысла слов, не улавливал их связи, и после нескольких минут мучительных раздумий день стал серым, будничным, тревожным. Подошел Никитин, присел рядом, спросил:

— Что с тобой? Болен?

— Да нет, ничего...

— А я думал... Пойдем к костру, погреешься.

— Спасибо. С чего ты взял, что мне холодно?

— Мне показалось. Ты не жалеешь, что поехал с нами?

— Нет. Ничего. Все хорошо. Что бы я один делал? Горячий чай есть?

— Ну вот видишь, я же говорю, ты замерз, и на ощупь совсем холодный, кто угодно подтвердит!

Они стали по очереди подходить ко мне и подчеркнуто-обеспокоенно тянуть:

— У-у-у, совсем закован!

Отнесли к костру и дали огромную кружку с горячим, жгучим чаем.

— Лимонник! — угадал я. — И жимолость.

Стало легко, меня даже испугала эта резкая перемена; что такое, в самом деле, со мной, совсем расклеился. Но самое трудное было позади. Позади! И я увидел, как садилось на зеленые вершины деревьев теплое красное солнце, и заметил, как широка и нарядна река, что струится по камням, по вековому руслу, пробитому среди марей и каменных осыпей, и не устает.

С жаром вдруг стал рассказывать им о проекте, о встрече с Ольминым...

— Это тот самый Ольмин? — спросил Никитин и почему-то широко улыбнулся.

— Нет, — сказал я, — наверное, другой. Впрочем, не уверен.

Их лица были смуглыми, веселыми — в этой синей долине с теплым солнцем было хорошо. Я обрел интерес к окружающему и опять рассказывал, рассказывал, точно обрел дар речи. О «Гондване». И не побоялся. Она как будто была рядом. Это были не воспоминания. Просто слова. Что там случится через пять-десять лет? Что станет с океаном? Удастся ли его насытить солнечным светом, сделать многоэтажным, сияющим — другим? Нет, океан не станет ласковей. Он станет богаче. Простая случайность — вода так быстро поглощает лучи, что над темными безднами лишь пленка, тонкий слой жизни.

— Так будет всюду, — закончил я, — до глубин в полкилометра. Гигантский резервуар жизни и света.

— Ты уверен, что это необходимо уже сегодня? —

спросил Розов, и я вдруг заметил, что не все разделяют мой энтузиазм.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот что: после этого сделать океан прежним уже нельзя. Изменения необратимы.

— Это и не понадобится!

— Как знать. Не слишком ли многое мы изменили уже на нашей планете? Я не знаю, что произойдет, когда целые моря превратятся в фермы. Может быть, будет слишком много тепла...

— Тепло можно отвести. В космос. На Марс. На Юпитер.

— А что изменится там — на Марсе, на Юпитере?

— Это уже отдаленное будущее. Слишком отдаленное.

— Возможно, — спокойно ответил Розов.

— Предки были неглупые люди, — многозначительно сказал Никитин.

— И они оставили нам океан таким, каким мы его знаем! — воскликнула девушка в соломенно-желтом платье.

— Ну не совсем, — вдруг возразил Розов. — С того незапамятного момента, когда возник человек, он только и делает, что изменяет все вокруг себя. Начав это делать, просто невозможно остановиться. Это как бы овеществленное время. Первые эксперименты покажут, что можно ждать от проекта.

— Ты что же, не веришь расчетам? — спросил Никитин.

— Да разве дело в расчетах? Все основано на допущениях, на смелых гипотезах. Если фотоны будут отражаться... если пучок частиц достигнет Солнца... если магнитная буря не собьет их с пути... если... Да что говорить! Было время, когда никто не взялся бы за это. Когда-то действовали почти наверняка. А это роскошь — зондировать Солнце пучками высоких энергий. Мы мо-

жем себе это позволить, потому что знаем: что-то получится, что-то прояснится. Не одно, так другое. Какие-то результаты будут. Поговорите еще раз с Ольминым. Только откровенно. Неужели он уверен на все сто, что можно наверняка изменять направление солнечных лучей, стягивать их к Земле? Да не может этого быть! Он же ученый. Думаю, у него уже готовы не один и не два варианта эксперимента. Это пока опытная установка. Реактор. Построят — запустят, тогда станет ясно, как с ней работать.

— Да уж запустят, — протянул Никитин и, обратившись ко мне, вдруг спросил: — А что же с тем делом, с той историей, о которой мы говорили?

Я понял: он вспомнил об Аире.

— А как об этом рассказать! — ответил я. — Попробуй, может быть, у тебя получится.

Он озадаченно посмотрел на меня, помолчал, потом добродушно улыбнулся.

— Жаль! — кокетливо воскликнула девушка в соломенно-желтом платье. — Мне непонятно то, о чем вы говорите.

— Какой-то скользкий невразумительный разговор, — добавила другая и поежилась от вечерней прохлады.

— Скользкий? — переспросил Никитин.

— Скользкий, — сказала девушка.

— А вам бы хотелось знать до конца... то, что знать пока не дано. Изучить под микроскопом. Пинцетиком потрогать. — Никитин широко улыбнулся. — И меня тоже. Как инфузорию или моллюска.

— Ты усматриваешь в этом желании что-то противоестественное?

— Не усматриваю. Пытаюсь понять мотивы.

— Мотивы? Вот они: скучно — это раз. Домой пора — это два.

— Домой! — громко сказал Розов.

А мой двойник стал читать стихи:

Зашумела синева на склонах,
Золотыми лучами светится,
Вдаль — молодое, зеленое, —
Несись, мое сердце, мой ветер!

Мы пошли к элю. Его алые от солнца бока были приятно теплыми, чуть шершавыми от дождей, градин, ветра, невзгод, почти незнаемых нами, людьми. Он раздвинул свои легкие, невесомые дверцы, подал нам трап, как будто был живым существом. И движения эти были такими мягкими, ритмичными, такими почти музыкальными, что я подумал: может быть, где-то там, среди тонких электронных слоев памяти, под никелем и пластиком конструкторы умудрились спрятать маленькое сердце.

Мы взлетели к алым небесам. Нас провожало солнце. Сосны на песчаных косах, где между длинных теней светились цветы.

Снова я услышал стихи; они казались знакомыми...

Скользнула птица черной тенью
В квадрате солнечном окна.
И что же? Вновь простор весенний
И небо, где не видишь дна!
А всходы! Зелень! По равнинам
Потоп травы, листвы разлил.
Родная, далеко идти нам
В напев берез и шепот ив.

Я знал эти строки. Губы шептали знакомые слова — на них щемяще отзывалось сердце:

А путь все длится, жизнь все длится.
Полжизни пронеслось, как день,
Как миг... Промчалась с граем птица,
И по окну скользнула тень.

ГАРМОНИСТ. НЕЗНАКОМКА ИЗ ДЕТСТВА

В моих руках книга, удивительная книга: можно читать слова и строки, можно видеть и слышать все, что хотел передать автор; привычка к чудесам все же мешает мне осознать всю необыкновенность происходящего; воображаемый мир становится реальностью, стоит только нажать маленькую клавишу, спрятанную в переплете... Шумели тополя под окном. К дождю, гадал я, или к погоде? Руки и плечи были приятно теплыми от загара. А на улице необыкновенно свежо.

Сейчас в комнате возникнет объемное изображение — это словно вторая жизнь, которой можно тешиться до старости. Но я чаще всего забываю о клавише. Люблю читать, как читали встарь. А если уж забавляться... я вспоминаю иногда простой способ: выключить программу сопровождения, подрегулировать генератор, поменять контакты — немного терпения, и объемная книга превращается в любопытную игрушку. Ее содержание можно менять, ее можно дописывать за автора или, наоборот, сокращать. И герои, почти живые, во всяком случае, очень похожие на таковых, тут же, на глазах, изменяли свои привычки и характер, а стало быть, и собственную судьбу. Как выигрывал какой-нибудь неважнецкий роман от такого неожиданного соавторства. Любые изменения, казалось, только украшали его. Каждое новое слово было уместным и нужным. С другой стороны, и сокращения тоже шли на пользу: прояснялись события, а образы как будто становились выпуклее, осязаемее. Но зато уж к хорошей книге притрнуться трудно. Красота и мысль, соединенные навечно в скупых и лаконичных строчках, сопротивлялись любому постороннему натиску. По-разному, по-своему хороши такие книги, каждая на свой лад. И всегда меня смущала тайна: ни одна голографическая инсценировка не могла бы заменить мне слов и музыки фраз. Быть

может, когда-нибудь человек овладеет этим тончайшим видом искусства: переложением книг на язык объемного кино. Но ведь искусство слова тоже на месте не стоит. По-прежнему со словом связано всякое движение души, его исчем замснить. Нити фраз связывают нас с тканью мира. И только они — слова и фразы — донесут до нас настоящий смысл событий, их подлинность. Без слов мы слепы. И это не парадокс. Цветной калейдоскоп — вот что такое планета, пока не будут названы вещи, люди, поступки.

Два или три раза за чтением меня посетил странный образ: в ткань повествования вдруг входил человек, вовсе непричастный к сюжету. У него крепкие скулы, чуть покатый лоб с продольными морщинами, зеленые глаза, каштановые волосы с небрежным пробором. Так я его себе представлял. И стоило мне притронуться к этой удивительной электронной машине-книге с клавишами, как чаще всего именно он появлялся вместо другого, книжного героя. Я называл его гармонистом. Звонко и чисто звучала старинная гармонь в его загорелых руках. Таким я его видел в мыслях — таким он и появлялся.

Забавно все вдруг мешалось в книге, и я уже не читал, а фантазировал. Но когда-то гармонист успел увлечь меня заливистыми переборами — и стоило ему появиться, как я старался удержать его. И долго-долго не смолкала гармонь. Все просто: биотоки... Но гармонист казался таким живым и веселым, что сомнения таяли: наверное, я видел его когда-нибудь. Или, может быть, когда-то возникший образ так поразил меня, что в памяти остался нестираемый след?

Не знаю, что более верно. Он появлялся, стоило вспомнить о песне, мелодии, даже об одной-единственной музыкальной фразе... и играл. И его продолговатые, чуть прищуренные глаза смотрели вдаль, мимо меня. Раз показалось: глаза как будто печальны, это только

игра света делает их такими лучистыми, чуть смеющимися. Меня озадачило: как это не вязалось с его игрой! Есть такая высшая ступень мастерства, когда любая тема звучит как откровение. И тогда рождается свет, от него — сила, волшебство, долгие мгновения озарений!

Так уж он умел играть.

Его большие ладони прикасались к серебряным планкам, и звуки наполняли комнату. Он почти не говорил. Только играл. И не столько для меня, сколько для себя. Словно раздумывал о прошлом, о времени, о разных людях и, конечно, о любви. О чем поведали его музыкальные размышления?

Занграст — и я вижу старые улицы над рекой и чей-то белый платок, яркие девичьи губы, весенний зернистый снег и огонь холодного заката... Музыка — искристая роса и желтоголовые калужницы над омутом, зеленые холмы за речной излучкой и гребни волн на озерном просторе. И купол дерева на берегу с теплым воздухом под ним — влажным, с шорохом листьев и веток. Как будто тростниковый перезвон... Мелодия рассказывает: синь, ветры, высокие сосны, желтое свечение ивняка, березы, черные волны. Отголубело лето!

О чем расскажет сердцу гармонь? О долгом безлунном времени. О том, что быстро чертят небо темные птицы. А небо, как кровля, нависло над землей. Обветшали зеленые ограды рек — дремучие кусты. И роща прощально шумит листьями перед зимним сном.

Живые звуки: вышла за околицу девица с гладким пробором. Смеркается. Моросит. Стелется туман. Все затихает.

И снова звуки. Точно хрусталь. Мороз. Снег. В распахнутом небе — синие таинственные огни. О временах года, как повелось, рассказывает музыка. Поет гармонь, звучит стародавняя песня. Глаза гармониста веселы, не-

проницаемы. Пальцы бьются как крылья: звени, звени, гармонь! Играй, гармонист.

* * *

Я заснул с мыслью о гармонисте.

В мой сон вошли едва уловимые запахи и шорохи. Наверное, я не закрыл окна, и к утру в комнате стало прохладно.

Но еще раньше я просыпался. Я говорил. С кем же?..

...Женщина с коротко подстриженными волосами и тонкой ниткой коралловых бус на стройной шее. Бусины были красными, как густая кровь или как темная ржавчина, причудливой формы, но гладкие — с отсветами мерцающих точек. Я долго не узнавал ее. Пока мы не заговорили. Она сидела на стуле у самого окна.

— На улице свежо, — сказала она, — может быть, прикрыть окно?

— Нет, не надо, впрочем, если вам холодно...

— Мне? — удивленно спросила она. — Холодно? Ну нет...

Ее реплика озадачила меня. Я сидел за столом, гораздо дальше от окна, и то ощущал легкий озноб. Впрочем, он скоро прошел. Меня не удивило, что на улице ночь и что визит ее, следовательно, можно назвать поздним. Я пытался об этом думать, но никак не мог сообразить, была ли какая-то причина ее прихода или нет. Мой сон как будто начинался с середины.

— Вам нравятся мои бусы? — спросила она с наивной интонацией, но вполне искренне.

— Очень красивые бусы, — отозвался я, и у меня вдруг возникло такое чувство, что одновременно я ответил и на другой ее вопрос. И как будто этот другой вопрос, не относящийся к бусам, был важнее для нее. Но потаенный смысл разговора все еще не доходил до моего сознания.

Она улыбнулась. Спросила:

— Вы помните меня? Или забыли?

И я вспомнил. Но не сказал вслух. Промолчал. Просто кивнул.

— Хорошо, что вспомнили, — сказала она и опять улыбнулась.

Улыбка у нее была едва заметная. Только глаза улыбались, но не губы. Меня вдруг осенило. Я понял, почему она спросила о бусах. Хотела сказать, что я не смогу ее больше увидеть. Вот что она хотела сказать! Она кивнула, словно подтверждая мою догадку.

— Я давно не видел вас, — сказал я и тут же заметил, что лицо ее стало серьезным, даже озабоченным. Как тогда... почти сорок лет назад, зимой, когда она наклонилась над заснеженной ямой, чтобы подать мне руку. Но с тех пор она не изменилась, вот в чем штука, и я почему-то не был нисколько этим удивлен.

— Что же случилось? — спрашивал я. — Куда вы исчезли?

Она наконец рассмеялась. До того необыкновенен был мой вопрос.

— Я понимаю, — поправился я. — Очень даже хорошо понимаю, как сложно...

Смех застыл в ее глазах. И я будто бы спросил ее, почему эта встреча — только сон.

— Но во сне время бежит иначе! — воскликнула она. — За одну минуту можно поговорить о многом.

И я опять понял скрытый смысл ее ответа: «Пусть это останется сном!» И понял, что смог раньше увидеть ее только потому, что случилось нечто непредвиденное, из ряда вон выходящее. Что же? Я вспомнил далекую зиму в северном поселке... Что случилось тогда?

— Нет, не могу понять... — сказал я откровенно, и она, конечно же, догадалась, о чем я, и сказала:

— Это было так давно.

Вот оно что, подумал я, и опять возник другой, на-

стоящий ответ: незадолго до того, в один прекрасный день и час космический зонд поднял со дна впадины подводный цветок. Там, на планете, в созвездии Близнецов. Наш земной зонд. Посланный предками, он успел приблизиться к горячей планете, облететь ее, сестру, успел поднять со дна добычу. Вот оно в чем дело! Совпадение казалось случайным — и закономерным. Мысль работала быстро, я пробовал разобраться в вихре событий. Но как передать словами эту удивившую меня взаимосвязь явлений и фактов, разделенных годами и парсеками?

Мне придется начать издалека.

Кто похож на нас во вселенной? Где миры, на которых есть жизнь? Поколения исследователей и мечтателей задавали себе эти вопросы и пытались на них ответить. Придумали даже гипотетический язык для межпланетных и межзвездных контактов — линкос. Будто бы и в самом деле полезно обмениваться фразами, основанными на математических аксиомах и константах. Наконец стало ясно: контакт возможен при близких уровнях развития цивилизаций. В иной ситуации диалог носил бы даже забавный характер, а его последствия трудно было бы предвидеть. Кто рискнет на свой страх и риск вмешаться в естественный ход событий? Сделав это однажды, нельзя потом освободиться от необходимости делать это постоянно. Начав, нельзя остановиться. Можно говорить лишь о локализации такого влияния, но и это стоит огромного напряжения: ведь на арену действующих сил выступает пространство-время. И еще один фактор, который мы склонны недооценивать. Это энергия-точность... именно так. Чтобы электронная машина вычисляла тридцать знаков после запятой, нужна энергия: расчет длителен, утомителен. Многие часы и дни работы — затрата энергии. Только тогда результат точен. А если говорить о больших величинах, об очень высокой точности? Если, к примеру, нужно по-

лучить пятьдесят, сто знаков? Может показаться, что это абстрактная задача, никому не нужная. Безусловно, если речь идет о масштабах планеты или даже солнечной системы.

Но, положим, требуется рассчитать положение космического зонда, отправленного за тридевять земель, к другой планетной «карусели», для того, чтобы управлять им? Чтобы движения его механических рук были точны, чтобы электронные зрачки его работали бы наподобие птичьего глаза? Речь идет о метрах, сантиметрах, прибор должен ощущать их сквозь пустоту космических бездн. Рассмотреть один-единственный атом под увеличительным стеклом. Попасть пулей в невидимую мишень. Различить на дне океана песчинку. Вот на что это похоже. Только еще труднее.

Сто цифр... В недавнем прошлом это стоило бы энергии всей планеты. Сто двадцать цифр — энергия всей солнечной системы. Вот что означает точность и достоверность. Управлять на близком расстоянии, на самой планете? Тогда нужно передать сюда энергию. И тоже издалека. И тоже точно. Но ведь управлять нужно не только зондами. И не только киберами...

Вот почему отношения между цивилизациями разного уровня — задача, чаще всего непосильная ни для одной из них.

Но контакт с равными себе — совсем другое дело. Он ускоряет развитие почти всегда. Он почти невероятен, это правда. Случайную возможность легко упустить. У таких цивилизаций нет карты Галактики с пометками против обитаемых миров...

И вдруг опускается зонд. Посланец с далекой звезды (ее почти не видно на здешнем небосводе, не говоря уже о планетах, ее спутниках, — уж их-то не рассмотреть даже в самый сильный телескоп).

Контакт может состояться. Стоит только механической руке зачерпнуть грунт в нужном месте. Малень-

кое отклонение, промах — и возможность сообщения утеряна на тысячелетия, если не навсегда. Нить межпланетной связи окажется разорванной: в бескрайней вселенной найдется немало других объектов для исследования. Что по сравнению с утраченной навсегда возможностью пауза в столетие? Пусть даже через двести лет проснется заколдованный стихиями мир подводных цветов — и тогда это будет праздник для всех. Но он никогда не проснется, если наш земной зонд не поднимет грунт с цветком, если механическая рука промахнется, если вниманис электронного глаза привлечет глыба гранита, песчаника или просто горка глины. Только равные, только представители близкой цивилизации могут снять вековые чары: другим, даже более могущественным, туда дорога заказана.

Правда, они могут кое-что: нетрудно чуть-чуть поправить движение механической руки, не так ли? Ведь это все равно могло произойти само собой. Случайно. Вмешательство? Отнюдь...

— Ну вот, — сказала женщина с коралловыми бусами, — так, быть может, это и произошло тогда.

И она снова улыбнулась, на этот раз чуть лукаво.

А я стал думать о продолжении истории.

Стало ясно, как развивались события.

Как раз тогда она была нашей гостьей, если только так позволительно выразиться, — незаметной, неприметной, но так и должно было быть. С ней был кто-то еще, все вместе они наблюдали и за нашим зондом, посланным к Близнецам (мы о нем давно и думать перестали). Это же поворотный пункт! С него могли начаться наши отношения с соседями по Галактике. И вот они решились: небольшая коррекция — и манипулятор нашел камень, испещренный письменами, и цветок на дне бассейна... Свершилось. То же самое могло произойти и само по себе. И все же это был удивительный по нашим понятиям и масштабам эксперимент. Они измеряли

параметры зонда отсюда, с Земли, и тут же вводили новые данные, на расстоянии в десятки световых лет... Трудно даже вообразить такое. Вот почему она лукаво улыбнулась, когда сказала:

— Это нетрудно: чуть-чуть поправить движение меканической руки, не так ли?

Одно это рассказало мне больше об их уровне и возможностях, чем я смог бы усвоить из многотомного трактата. Я представлял, что это значило, у меня захватило дух, и я попытался вдруг совсем не к месту выразить восторг. Она сухо остановила меня. Тогда в нетерпении я воскликнул:

— Это удивительно, вы раскрыли мне глаза на саму проблему! Но я могу упрекнуть вас в противоречии: наша с вами встреча была контактом! А ведь его не должно быть! Уровни несопоставимы.

— Не должно... — задумчиво сказала она. — Вы говорите о той, первой встрече? Когда я увидела, как мальчик провалился в яму?.. Что ж, вы правы.

— Но ведь вы спасли меня тогда! Как же, позвольте, согласуется это с проблемой контактов столь разных сообществ? Как вы могли это сделать, не нарушая ваших же принципов? Уж это-то вам объяснить не удастся!

— А как бы поступили вы?

— Я? Почему я?

— А вот почему. Представьте, что вы потратили много, очень много сил на то, чтобы выручить — я не нахожу более подходящего слова — другого, другую... там, за тридевять земель, где-то в космосе, Аиру, например. Выручить, спасти — и это стоило таких трудов, что вы и ваши друзья смертельно устали и кто-то произнес слово «подвиг». Но рядом, заметьте: рядом! — погибает человек. Даже не в двух шагах, нет, а совсем близко. Так близко, что вы ощущаете почти физически тепло его протянутой руки. Что вы сделаете? Вспомните о тео-

ретических предпосылках? Об информативности контактов? Ну?

— Я думаю, что... нет. Да, я понимаю.

— Ну вот и все. Я упрощаю вопрос, на самом деле все было несколько сложнее. Но в общем так. Понятно?

— Но потом, позже, через много лет, я снова увидел вас! Это было на опушке леса. На вас было зеленое пальто. Я помню встречу: красные и желтые листья, теплая осень, наш эль... Это было?

— Возможно. Но мы говорили только о контактах. Вы знаете, сколько надо энергии, чтобы сделать эль невидимым? Не ваш, а НАШ эль?.. Он не должен мешать: сквозь него должны быть видны деревья, кусты, багровый лес на заднем плане и все остальное. А для этого нужно излучать фотоны так, чтобы получалось новое изображение, чтобы весь эль превратился в объемный экран. Вписался в местность, в пейзаж. Превратился в огромное декоративное панно. И когда мимо нас проносится терраплан, или гелиостат, или любой другой экипаж, мы должны управлять свечением этого гигантского панно, так чтобы с разных точек оно было принято за нечто другое — за группу деревьев, например. А если нас наблюдают с двух разных точек? Тяжелая задача. Это утомляет.

— И потому я видел ваши корабли ночью в тайге?

— Может быть.

— Они летели в направлении Берега Солнца. Там осуществляется... проект, вы знаете...

— Знаю. Станный проект. Он мне напоминает вашу легенду о Прометее. Вы хотите овладеть звездным огнем. Но что вы знаете о самих звездах? Об их недрах? Почти ничего.

— Мы знаем, что звезды — источник энергии. Мы действительно ближе к той цивилизации, что постигла тайны генов, к биоцивилизации. Мы лишь чуть уклонились в сторону: теперь мы поклоняемся звездам, Солн-

цу, естественному реактору. Мы хотим сохранить пространства планеты свободными от термоядерных станций — пусть цветут сады. Мы сделаем океан легкими и сердцем планеты.

— Ну что ж, может быть, это ваш путь... Но кто знает, что ждет нас и вас в будущем? Звезды... если бы вы могли представить, сколько тайн еще скрыто от вас и даже от нас. Наш поиск приносит поразительные находки... Но теперь мне пора. Я вернулась к вам, чтобы исправить ошибку... ту, давнюю ошибку, в которой я не могу все же никого винить. Я не могу отнять у вас воспоминаний, но пусть происшедшее будет казаться вам сном. Поверьте, у нас нет иного выхода. Прощайте!

Я попытался удержать ее. Но она спокойно поднялась со стула и ушла. Я остался один и несколько минут раздумывал о происшествии, и голова у меня почему-то кружилась. С необыкновенной ясностью возникали вдруг обрывки фраз, я словно еще продолжал спорить и убеждать ее. Все было напрасно: какая-то невидимая работа происходила в моем мозгу. Но я уже спал.

Рано утром серые ветки тополей качались на ветру как тени. И было свежо от открытого настежь окна. Я поднялся с постели. Легкое головокружение живо напомнило мне ночь: я умылся, оделся, вышел на улицу, прошел около километра по пустынной улице, направился к шумевшему морю. У двух скал кружили ветры. Под рассветными полотнищами облаков бежал по морю корабль. Я сел на камень, морщинистый валун, и бездумно следил за кораблем... Уж не созданный ли моим воображением гармонист навеял странные грезы о космосе?

Я решительно встал и быстро пошел домой. Я не в силах был пока разобраться: требовалось время. Взяв по лесенке, я вошел в комнату, где была она. Приблизился к окну, притронулся к спинке стула, на котором она сидела будто бы ночью... Справа на подокон-

нике я заметил красную горошину. Я осторожно сжал ее пальцами. Она была твердой, прохладной, блестящей. Бусина. Все, что она мне оставила на память.

МОРСКИЕ КЛАВИРЫ

На набережной среди пестро одетых людей меня догнал Энно. Я почувствовал, как рука его сжала мое плечо, и в ту же секунду услышал густой приятный голос:

— Вот мы где прячемся!

— Рад видеть, Энно. Тысячу лет...

Он тут же поволок меня куда-то, я не сопротивлялся, но и не помогал ему, просто переставлял ноги, удивляясь очевидному, неопровержимому факту: он был еще молод. Почти ровесник. «Да нет, — подумалось мне, — теперь я старше его».

Он втиснул меня в свой эль («самая быстроходная машина в мире»), и мы взлетели, я и глазом моргнуть не успел.

— Прощайся с берегом, — добродушно прогудел Энно.

— Ты с ума сошел — работа!

— Какая работа, если впереди три выходных! Чудак.

Он не понимал, не знал, не догадывался. Каково мне будет на «Гондване» теперь? У них это очередное плавание, шестнадцатая или семнадцатая экспедиция. Это их дом. И что бы там ни случилось, они оставались там. И тоже кое-что, наверное, помнили. И не распускали нюни.

— Ладно, — сказал я. — Покатай.

— Я тебе покажу настоящее каноэ, — по-детски улыбнувшись, таинственно, вполголоса сказал Энно.

Я узнал: Соолли теперь на Байкале, временно, на каком-то сверхсовременном глубоководном аппарате,

потом собирается опять на побережье, будет работать по проекту «Берег Солнца»; Ольховский по-прежнему командует экспедицией, они идут в тропики — в Индийский, потом в Атлантику. Он сумел промолчать о главном.

Энно остался верен себе, и меня совсем не удивляли его чудачества. По его словам, он работал целый год, и ему помогали все киберы «Гондваны»: наконец-то он нашел им подходящее дело — вместе они построили «летающее каноэ». Это не игра слов: каноэ полинезийцев скользят по океанским просторам легко и быстро, и такой способ передвижения, по словам Энно, напоминает поездки на эле; но никогда раньше не спускалось на воду парусное судно с такими удивительными характеристиками.

Полинезийцы постепенно утратили часть своих секретов.

Еще до того, как викинги достигли берегов Северной Америки, жители тихоокеанских островов ходили под косым треугольным парусом и легко маневрировали в лабиринте архипелагов и течений. Уметь возвращаться на крохотные острова, затерявшиеся в морских просторах, непросто, особенно если не пользоваться никакими приборами, кроме незатейливых подобию карт, сплетенных из прутьев, к которым привязаны ракушки и камешки. Все лодки собирались из одинаковых деталей, на первый взгляд могло бы показаться, что на каждом из островов хранилась копия единого чертежа. На самом деле ни чертежа, ни копий не существовало. Строили по памяти.

— Корпус каноэ слегка выпуклый; свободно закрепленный аутригер уравнивает платформу, это для устойчивости, — пытался объяснить мне Энно преимущества допотопного экспоната, пополнившего его собрание.

На воде лодочка произвела впечатление: под ветром

она плавно кренилась, только при сильных порывах набирала немного воды через планширы, которые приподняты всего на треть метра над поверхностью. На встречной волне она шла под парусом, как танцовщица с платочком.

— Теперь у нас есть самый точный чертеж каноэ! — торжественно провозгласил Энно. — Первый документ эпохи великих тихоокеанских путешествий.

— Пригодились все-таки киберы, — заметил я.

— Да, одному мне пришлось бы туго, — сознался он, — эскизы, копии, расчеты — это все же для них, для бездарных механических бестий.

Он собирался когда-то показать мне руины города-храма Нан-Мадол на острове Понапе. Его крепости и каналы, пробитые в коралловых рифах, родились на тысячу лет раньше, чем возникла Венеция. Энно рассказывал, как строили Нан-Мадолу, как подвозили шестигранные базальтовые глыбы из каменоломни, расположенной за сорок километров, как поднимали их по насыпным откосам из раздробленных кораллов. Как многожды восстанавливали здесь творения рук человеческих, пострадавшие от смертоносных тайфунов и цунами.

Но это было слишком далеко, чтобы мы могли добраться на каноэ. Несмотря на энтузиазм Энно, мы не достигли бы Понапе и за месяц плавания: «Гондвана» вот-вот должна выйти в Индийский океан! Слишком далеко. А у меня были считанные дни. Мы пошли другим путем. Пришлось перенести срок фантастического путешествия. Не забыл ли ты о нем, Энно?

* * *

В заповедной деревне, где крыши домов покрыты пальмовыми листьями, а стены сплетены из прутьев и лиан, мы слушали песни у костра. Нам отвели хижину

с очагом, матами, табуретками. Энно развел огонь, чтобы ночью было тепло. Утром мы должны были тронуться в обратный путь.

Языки пламени казались юркими, красными в прозрачном воздухе — от них поднимался легкий теплый столб, в котором расплывались контуры луков, ружей, дубинок, тыквенных сосудов, мотыг, веретен, украшавших обмазанные глиной стены. В теплой золе, завернув в листья кусочки рыбы, пойманной на удочку, Энно приготовил ужин, позвал с улицы старика, который первым встретил нас на берегу, и о чем-то попросил его.

Старик ушел и через четверть часа вернулся с кувшином холодной ключевой воды. Пока варился чай, он рассказывал легенду о заселении острова. Самая наивная история, какую мне когда-либо приходилось слышать!

Давным-давно земля была необитаема: дикие равнины в объятиях гор, буйные, кристально чистые водопады, синие лагуны. Люди жили на небе. Однажды, когда мужчины ушли на охоту, самая красивая девушка племени искала ракушки на берегу и случайно проткнула палкой небесную сферу, ставшую совсем тонкой от вечного прибоя. Заглянув в дыру, она увидела далеко внизу землю, так похожую на знакомые ей места вокруг деревни. Три дня ходила девушка к берегу моря, чтобы любоваться необыкновенным зрелищем; на четвертый ее тайна стала достоянием старейшин, ибо все тайное рано или поздно становится явным. Созвав жителей деревни, старейшины уговорили их сплести длинную веревку из лиан. Потом все спустились по ней на землю. От них и пошли земляне. Но на небе до сих пор осталось то круглое окно-лаз, которое открыла девушка. Говорят, его можно увидеть, если только угадать местонахождение и хорошенько присмотреться. Правда, еще никому не удавалось обнаружить его.

— Мифы помогают изучать будущее, — заметил Энно, когда старик кончил рассказ. — В них есть стремление к познанию. А легенды — вымысел, и только.

— Разве это не близкие понятия? По совести говоря, я не различаю их. Мифы и легенды для меня почти одно и то же.

— Ну нет! В мифе может быть выражено прошлое, настоящее и будущее. Аллегория и гипербола только слегка маскируют идею, зато делают ее общедоступной. Эволюция мышления во многом обязана мифам. Появился старик и сообщил нам о небесной проруби — она была вчера, ее можно пайти завтра. Вот в чем смысл мифа. А вот из эддических песен:

Как море зовут,
Стремнину, несущую струги,
В разных мирах?
Люди Морем зовут.
Водами — боги,
Волнами — ваны,
Влагою — альвы,
Домом Угря — великаны,
А карлики — Глубью.

...Утром мы отошли от гостеприимного берега. Вскоре показался второй остров архипелага. Его вулканический конус упирался в облака.

— Высадимся, — предложил я.

Каное направилось в бухту. Мы вышли на берег. Было так тихо, что мы слышали, как у подножия вулкана шелестела трава под ласковым дыханием муссона.

— Хорошо бы подняться к самому кратеру, — сказал я.

Энно испытующе посмотрел на меня.

— Это далеко.

— Ничего, каких-нибудь три часа ходу.

Мы начали подъем, постепенно углубляясь в настоящий тропический лес. И как только нашлось ему место на склоне, который казался таким зеленым и приветливым издали! Уже через час Энно пустил в ход большой нож, который он захватил с собой. Приходилось прокладывать путь через густые заросли. Слева и справа от нас доисторические джунгли. Нас встречали реликты прошлого: древовидные папоротники, огромные хвощи, гиганты-плауны. Все здесь напоминало о миллионах лет, о жаркой влажной колыбели удивительных растительных форм, лишь кое-где переживших свою эпоху.

Так мы добрались до вершины холма, потом спустились в долину с высохшим руслом ручья. На другой стороне русла я увидел застывшую лаву. До кратера было еще далеко. Только теперь я заметил, что гора над нами курилась. Энно вопросительно посмотрел на меня и кивнул головой, указывая на ее вершину.

— Пойдем, — сказал я.

Подъем стал круче. Лес кончился, попадались места, где даже трава не росла. Мы оба начали уставать, но я обязательно хотел добраться до кратера. Через полчаса нас окружил туман. Моросило.

Мы иногда останавливались для отдыха. Мне показалось, что под ногами стало тепло. Жар земных недр давал о себе знать.

Туман становился реже, прозрачнее. Последняя сотня метров — и перед нами обрыв, крутая стена кратера, уходящая вниз. Сквозь клубы дыма и пара мы увидели кипящую магму и услышали ее неровное дыхание. Земля здесь была мертвой, выжженной, лишь метрах в тридцати от нас ютились меж камней кустики вереска. Я как зачарованный смотрел вниз.

— Пора, — сказал Энно.

— Подождем, куда спешить.

— С такими горами шутки плохи.

— Успеем.

— Мы вряд ли дождемся извержения. — Энню пристально смотрел на меня. — Они бывают здесь не чаще чем раз в несколько лет.

Вот он как заговорил! «А тогда, — подумал я, — когда Валентина... все они тоже были рассудительны и так же вот осторожны?»

— Энно... — сказал я и почувствовал, что не смогу продолжать: наверное, сказывалась высота и усталость. Сладковатый дым поднимался со дна кратера. Глубокая мрачная пропасть казалась миражем.

Он молчал.

Прошла минута-другая. На мое плечо легла его рука. Мы начали спускаться, обходя дымящиеся трещины, каменные глыбы, спотыкаясь в тумане, который встретил нас ниже.

К вечеру прояснилось, выглянуло солнце, открылся вид на море и бухту, где нас ждало каноэ. В закатном свете мы различали полосы морских течений, бегущих вдоль берега. Мы добрались до сухого русла, вошли в лес. Стемнело. При свете фонарика продолжали идти к берегу. Каменные глыбы, поросшие мхами и лишайниками, преграждали дорогу, я упал и больно ушиб колено. Мы остановились. Над головами — бирюзовые звезды, а за спиной у нас высилась гора, затмившая полнеба.

Наконец мы добрались до каноэ. Я невольно вспомнил легенду, записанную на песчинке, которую когда-то нашла Валентина. Тот остров был совсем другим — светлым и просторным.

* * *

Стоило мне увидеть красавицу «Гондвану» на рейде — и я опять вспомнил прогулки на «Дельфине». И Валентину.

Она не утратила для меня ореола неизведанности и волшебства. Меня не покидало ощущение калейдоскопичности событий и встреч. Но у нее был необъяснимый дар: она оставалась сама собой. И в моей памяти тоже. Я думал о ней, а она казалась все тем же, чем была когда-то, Валентиной. С наивно-пленительными губами, неотбеленным льном волос, серыми глазами, которые могли так широко раскрываться, что за ними угадывался неповторимый, девственный, просторный мир. А если она смеялась, то глаза темнели, странно сужались и светились голубоватым огнем. Я замечал его, даже когда она опускала ресницы.

Представлялось мне, что волосы ее спутаны, как осенняя листва на сильном ветру, такие же прохладные и влажные и похожие на нее цветом. В ней было так много от упругости земли, от весенних холмов и первых проталин с подснежниками, что я подумал: не подыскать другого, лучшего сравнения. Олицетворение одной из стихий: сила и слабость в светлых глазах-озерах... и руки как березы.

Подол цвета травы с морщинами и складками — это как будто зелснели лощины; тугие волны ветра с налету измяли легкие живые покровы. Пролетел шквал — приклонил две сосны с бронзово-желтой шершавой корой. Ветви касались песка; иглы так внятно шуршали, что в ушах стоял немолчный шум. Или это волны шумели, набегаая на берег?

Следы на песке. Брошены белые туфли с бантами — они запутались в волосах Валентины... Коричневые соцветия бровей с оттенками спелого тмина, ржи, сухого хмеля; две влажные полоски ресниц и тонкая, как стрела, морщина на лбу с каплей морской воды, с рассыпанными, как мука, кристалликами соли у переносицы... Землистые серые губы с облетевшей кожей — еще одно жаркое напоминание о наготe весенней земли.

АИРА

В долгом сне к ней приходили радостные минуты: она снова была Аирой. Губы ее готовы были приоткрыться, чтобы произнести заветные слова: мраку — уйти, электрическим призракам — сгнуться, сердцу — оттаять. Она читала стихи и пела. То были мимолетные проявления жизни, странная мечта, на миллионную долю градуса она повышала температуру тела — ведь мечта уходит от нас последней.

Но ни слова не было сказано и ни одной песни не спето. И земной корабль, повинаясь изначальной воле, скользил в пустоте.

У пылающего зеленым пламенем солнца он попал в огненный вихрь, и великан-протуберанец едва не втянул его в пучину раскаленного океана. Звезда готова была слизнуть его с собственного небосвода своим жарким языком. Но, расправив крылья-паруса, точно исполинский космический жук, корабль оттолкнулся от сверкающего шара. И снова просторы. И звездная пыль.

Странная метаморфоза — далекая пылинка превращалась в очередную планету — спутник зеленого солнца, где звездоплавание прерывалось: из трюмов выбегала ватага механических зверей, искавших тепло в недрах, кристаллы в пещерах, воду среди каменистых пустынь. Свою добычу они поспешно несли в механических лапах, как будто их кто-то ждал на борту, подгоняя неслышным свистком. В расселинах они вынюхивали жизнь... Но открылся ли им новый мир как целое, мог ли задержать их внимание яркий оком, ветры, запахи, свечение неба? Вряд ли. Вот и получалось — Аира не знала, в какие края занесло корабль, и не могла стать здесь гостьей, хотя ей-то эти недалекие земли были, наверное, памятливы и рассказали бы о многом.

И вот — последняя планета зеленой звезды. Начало полета к Земле. Долгая, очень долгая ночь.

Потом пришел конец путешествию. Она открыла глаза, дивясь случаю: почему именно ей на долю выпало это?

Было сумрачно. Тихо. Вмиг поняла она смысл происшедшего — ведь к этому она готовилась когда-то. Готовилась без всякой надежды. Но этот, один-единственный путь в будущее — через легенду, через сказочное превращение — стал былью.

Она пришла в мир вольного ветра и чистых просторных рек.

Прежде всего надо было понять, так ли уж она отличалась от тех, кто был здесь, на этой планете... Нет, никому, ни ей, ни им, не надо было бессмертия, бессмысленного счастья даром, ненужного, недостижимого дара прорицания. Она всматривалась в то, что ее окружало, что входило в ее жизнь. Но чем дальше, тем полней становились ее ощущения — и вот открылось само ее сердце. В первый раз случилось такое: летним вечером на всхолмленном поле ржи ее вдруг застало одиночество и вернулась память. Зазвучали забытые голоса, она увидела лица... услышала жгучий ветер, узнала прошлое. Стало страшно, и кровь застыла в жилах, и она остановилась, не в силах сделать больше ни шага. Лица... Голоса... как настоящие.

Она пришла в себя около полуночи. Поле серебрилось под луной. Перед ней лежали пологие холмы. На горизонте светились огни. Высокое темное небо было усеяно звездами. Пахло сеном, цветами. Она едва добралась до эля. С этих пор она узнала, что такое страх.

Бежали дни. Она старалась привыкнуть к реальности, изучить ее.

Одна за другой открывались перед ней дали. С высокого озерного берега она увидела раз сверкающие

гребни волн на закате, акварельно-зеленые острова, тревожное движение желтых облаков, косые лучи садившегося солнца. Дул чистый, сильный, ровный ветер. Она стояла, держась за черную ольху, смотрела, как уходило солнце в воду, и не могла надышаться вволю. Каждый день она просыпалась так, как будто заново рождалась, как будто у нее вырастали крылья. Одно крыло — любовь. Другое — свобода. Подолгу бродила она у лесных ручьев, где росли калужницы, стрелолист и незнакомые белые цветы, и думала о будущем. Теперь все это должно стать ее домом. Воспоминания невыносимы. Об ушедшем могут поведать стоны, боль, слезы. Слова не в силах передать отчаяние. И потому — забыть, забыть... стать как все. Она рассказала людям, что могла, что помнила. У них ее письмо или память о нем. Помощь ее теперь никому не нужна. Но жить с мыслью о прошлом нельзя, это выше ее сил.

И если травы не скошены, если ногам не колко, еще и еще раз пробежать по лугу босиком, потом прилечь на поваленной сосне над оврагом, и смотреть на солнце, и гладить руками теплую тонкую кору... И разыскивать родники, грибы, узнавать травы, собирать ягоды в ладонь. А к вечеру склоняться над омутом в заповедной роще, чтобы увидеть себя в водяном зеркале. Руки смуглы от солнца, губы от ягод красны. Ты ли это, Аира? Чьи это волосы тяжелы, как волны, — клонят стройную шею к воде?

Не твои ли пальцы до боли сжали виски?.. Там все еще твое лицо, и в глазах твоя боль, и на левой руке твой браслет. Пусть подует ветер, закроет зеркало!

Она будет другой, ее жизнь. Что же было раньше на САМОМ ДЕЛЕ? Вместо иссохшей земли — мохнатые берега синих озер. Розовые и ясные вечера. Весной деревья по пояс в воде — половодье. Ивы, осины, вербы... Она придумывала, день за днем сочиняла историю своей жизни. Старушка, что повстречалась ей однажды у

околицы, помогла ей. Рассказала о таких давних временах, что она как будто воочию увидела и широкие береговые луга, и серебристо-серые избы, и темные вечерние реки. Девушки, похожие на нее, волосы мыли дождевой водой, косы заплетали. Одна подняла голову; лицо круглое, лоб чистый, высокий, губы малиновые.

— ...Нет, што вы! Плясать-то и иной раз можно. А нам с вами поговорить любопытно.

Голос негромкий, прозрачный, как у нее самой. «Пусть будет мне сестрой», — подумала Аира. И поверила. И опять голоса:

— Разливалась мати вешняя вода!

И этому поверила Аира. Узнала про бело-розовую повилику. От призору, от глазу дурного. Про тайну плакун-травы. Увидела красивую темно-зеленую ветку — и поверила. И была еще вязель-трава, та самая, что привораживает. Сестра остановила:

— Зачем тебе вязель-трава, не бери ее, и так хороша — лучше быть нельзя!

И она снова поверила. Утром роса у речной излуки, холодно босым ногам. Шла по воду, смотрела на светлое далекое поле, грустила. Будто бы повстречала кого-то. В белой рубаше, волосы льняные, глаза чистые — по берегу шел с той же пространной песней о вешней воде. Взглянул — и глаза отвел. И прошел мимо. Вспоминала о нем. Сколько дней минуло! Осенним вечером над крыльцом остался красноглазый огонь холодного заката — она ушла с ним.

Значит, было это. Потом был сон. Будто бы долгий-долгий. Заболела она, что ли? Что за вопрос — если бы не болезнь, все было бы по-другому. Иначе. Может быть, ей вся жизнь ее приснилась? Может быть, она все придумала? И сестры не было — никого?

Нелегко с памятью совладать. Нужно вернуться, решила Аира, снова пройти по тем местам, где уже

побывала. Тогда все и вспомнится. И она улетела в тайгу.

Она постигала секреты одной из стихий — земли. Но первые впечатления ее относились к озерам, рекам, морю, к ним безудержно тянуло, и любовь к воде была ей непонятна. Так, попало однажды озерцо в хвойном глухом лесу. С черной, но прозрачной водой. Дно темное, покрытое слоем коричневых игл. Она долго всматривалась в воду. Заметила свое отражение, нагнулась совсем низко. Белое лицо, большие глаза да темные брови. Волосы упали в воду, а она смотрела и смотрела.

Она разделась, сложила платье, поставила рядом туфли и вошла в воду. Как замороженная. Было холодно, но приятно.

Она поплыла, медленно, без брызг. Легла на спину и закрыла глаза. Что-то почудилось вдруг. Представилось, что под ней бездонная пропасть, и она падает, падает... и вода уже подхватила ее и несет вниз, где темнота и вечный плен. Она вскрикнула:

— Нет! Нет!

Боясь открыть глаза, поплыла к берегу. Поняла, что ошиблась: все было на своих местах. Открыла глаза: вокруг светло. Высокое небо. Вздогнула от страха. Успокоилась. Тело покрылось мурашками, она вышла на траву. Прутики, иглы кололи подошвы ног. Кожа ее рук пахла старым деревом, смолой, хвоей.

Она приложила ладони к щекам и расплакалась. Потом заставила себя снова войти в воду. Страх пропал.

Вышла однажды к реке. На галечной косе костер. Невдалеке эль. У костра о чем-то беседуют люди. Пятеро... нет, шестеро. Подошла так тихо, что не треснула сухая ветка. Спряталась за кустом, смотрела-смотрела, и самой захотелось погреться у костра. Да вдруг увидела: человек как будто знакомый. Как будто знала его.

Почему-то стало опять страшно. Ушла и снова вернулась. Скоро они улетели.

Читала, говорила с другими, поняла: вода — стихия родственная. Некогда, века и века назад, на сваях, вбитых в дно, ставились хижины, шалаши, позднее — настоящие дома. Двести свайных построек раскопали на берегу одного из швейцарских озер. В египетском храме сохранились настенные изображения: царица Хатшепсут в стране Пунт, на цветном барельефе — свайные дома. Путь многих цивилизаций проходит через морское побережье. Легендарный капитан Немо говорил: «Ветер над морем чист и животворен. В бесконечном одиночестве на морс человек все же чувствует вокруг трепетание миллионов жизней. Море хранит в своем лоне изумительные, неистощимые богатства, все оно — движение и любовь». До странного знакомые слова, подумалось ей, как будто кто-то шептал ей это во сне. «Море хранит в своем лоне...»

Несколько бедуинсв из Африки гостили в Европе. Как-то раз их повезли к водопаду. Хрустальный столб, мельчайшая пыль брызг, радуга. Здесь можно было вволю напиться и снова смотреть на чудо, неведомое жителям знойной пустыни. Сколько переходов нужно сделать на лошадях или верблюдах, чтобы добраться до колодца! А бывало, и глубокие колодцы пересыхали. И тогда надо рыть песок и растрескавшуюся глину, чтобы дсбраться до жидкой грязи. Каждая капля воды на вес золота. Чтобы посмотреть, как растет трава, бедуины готовы проехать сотни километров. И вдруг...

Точно продырявился бурдюк, где хранится запас воды для всего мира. Водопад! Бедуинов позвали дальше. Они не трогались с места. «Побудем еще немно-го», — просили они и снова погружались в созерцание. Вода, питьевая вода!

— Пойдемте дальше, здесь не на что больше глядеть.

— Подождем еще.

— Чего же ждать?

— Подождем, пока кончится вода.

...Что-то мешало ей вспомнить все до конца, как жила она раньше и о чем говорила с сестрой, как встречала в детстве зиму и радовалась весне. И где затерялся этот северный край? Как теперь найти дорогу к дому? Узнают ли ее? И горестно отозвалось: нет! Не узнают. Порой она догадывалась, что места эти придуманы ею и люди тоже.

Исходила много троп: привыкала к раздолью, размышляла о себе и пока старалась не попадаться часто на глаза. Слушала говор воды на перекатах, всплески, звоны брызг, ловила взглядом мелькания лучей на пестрых камнях. Старалась понять, почему брошено гнездо скопы на сухой лиственнице и откуда этот несказанный предвечерний свет от оранжевых цветов, разбросанных на лугах. В пойменных лесах, где много усыхающих деревьев, чутко прислушивалась к стуку белоспинных дятлов, искавших личинки усачей, златок, короедов. Там разбила эль. Нашла другой...

Чувствовала себя иногда просто, свободно с людьми: но что-то мешало сделать последний шаг. Вдруг поняла: браслет. В нем причина.

Ранним утром улетела к реке, где камни и тальники, пади и висячий мост. Ступила на мост. Дошла до середины, сжала голову руками, сказала громко: «Хочу быть как все! Не надо мне больше ничего! Устала, измучилась, пора!» И сняла браслет. Облокотилась на перила и наклонила голову: под мостом шумел белопенный поток. Протянула руку вниз: браслет выпал из пальцев и утонул. «Вот и все», — подумала она. И с этого дня началась новая жизнь. Удивителен и неповторим ее талант — вживаться в новый образ. Можно вспомнить о грации, пластике души и тела, но происходившее поразило бы кого угодно.

Совсем вычеркнула она из памяти то давнее, что

так пугало ее. Мысли были ясными, и неведом с этих пор стал ей разлад с собственным сердцем. Ибо не было другого пути спрятать от себя самой: нескончаемые раздумья, сомнения, тревогу, прошлое, лики друзей, былую любовь.

Светел ее ум: она познала многое и сумела бы теперь жить в этом мире, как ей хотелось. Только так ведь и можно вступить в эту жизнь. Только так ведь, и не иначе, постигается гармония, пропорции, сам смысл инопланетного бытия. Но если бы вдруг ей показалось, что пришло время вспомнить — и помочь, рассказать, убедить и добиться своего, она бы снова стала Айрой. Такая уж она. Увы, барьер в десятки световых лет преодолим лишь для сотни-другой астронавтов. Это не утешение. И так будет еще долго.

Пусть же здесь, на Земле, задумаются о другом пути. Она поможет. Если настанет день и час.

* * *

Я видел ее на мосту. Крутые склоны, поросшие редким кустарником, спускались к воде. У берега громоздились глыбы гранитов, пенные струи лизали их шершавые красноватые бока, поднимались по камню вверх и отступали, срывались в свое ложе, вымощенное валунами.

Я видел ее. Солнце слепило глаза, но я успел заметить, как склонилась она над потоком и как рука ее свесилась вниз. Она что-то сжала в ладони — и это был, несомненно, браслет, хотя я тогда и не подозревал об этом. Нас разделяло несколько десятков метров. Стоял дивный день. Под ее ногами покачивалось полотно туристского моста в две доски и бушевала вода со светлой каймой едва наметившейся радуги. Место было очень живописное, глухое, дикое — центр заповедника.

Она стояла на мосту, который так хорошо мне знаком. Старые стальные канаты, на которых он держится, давно успели покрыться налетом ржавчины, доски его посерели от дождей. Я направлялся прямо туда, где была она... И ничего не заметил. Она повернулась и пошла, не быстро и не тихо, и только позже, много позже волна ее темных волос напомнила мне встречу на «Гондване». Даже малиновый эль, взлетевший вскоре неподалеку от нашего лагеря, не подсказал ничего такого, о чем я догадался, узнал несколько месяцев спустя.

Она утопила браслет.

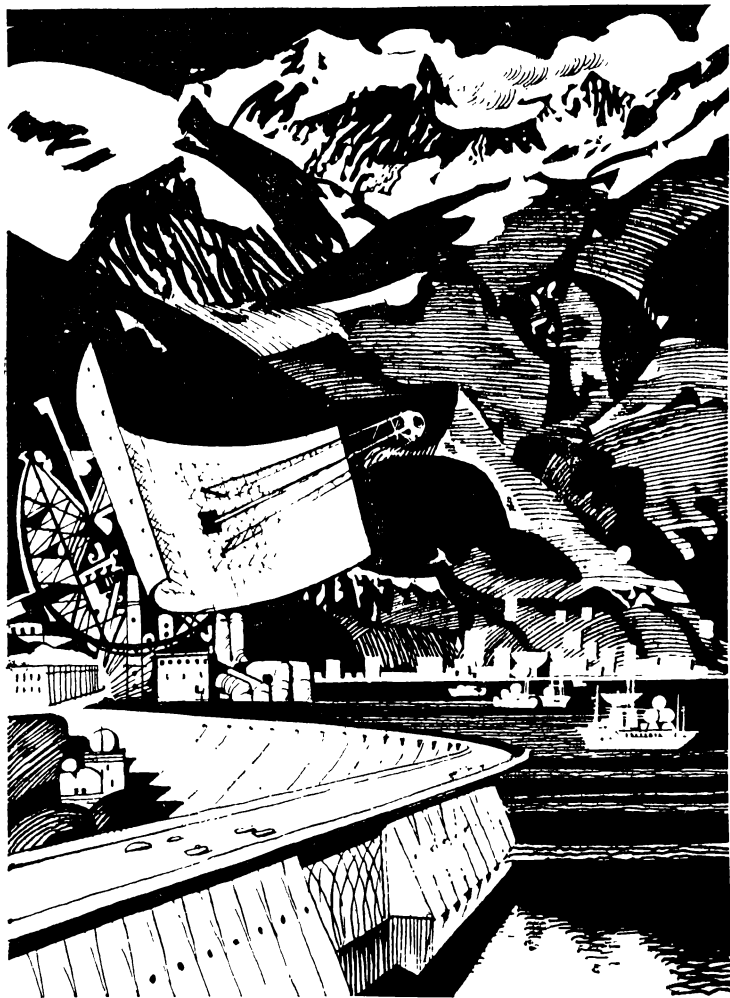
Я отчетливо помню тот день и ее шаги. И как чутко вздрагивал и покачивался мост под ее ногами!

На пороге была весна, когда я узнал, с кем довелось мне увидеться тогда, в тот день, который не повторится. Той весной и начала открываться мне вся эта история...

Ты из шепота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шлеест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

**НЕБЕСНЫЙ
ОГОНЬ**

БЕРЕГ СОЛНЦА

Дорога от причала бежала в сопки. Там алели крутые их бока, охваченные закатным огнем. И все там казалось позолоченным, ярким, как рубиновые стекла: радиомаяки, ангары, купола обсерватории, мост, шагнувший через падь. Небо пылало. Над дорогой проносились грузовые террапланы, порхали эли, по асфальту ползли мобили.

У самой обочины шел человек. Он не спешил. Он испытывал чувство сродни тому, какое возникает при возвращении домой. Разве дома спешат?

Он думал пройти по шоссе до поворота на перевал, потом подняться на мыс, увидеть, как откроется весь залив. Он готов был устать. На этот раз не от работы, не от споров и объяснений — просто от ходьбы.

За его спиной, в бухте, стояли морские транспорты, в их трюмах были грузы для Берега Солнца. На борту одного из них и прибыл физик-исследователь Александр Ольмин. Целый год он провел на заводах, где собирали блоки реакторов, и считал дни, когда вернется сюда.

— Я не полечу, — решительно сказал он девушке, встретившей его у эля. — Спасибо, я пойду пешком.

— Этот эль — настоящий лифт, — уговаривала девушка. — Две минуты, и мы дома, — тут она почему-то смутилась, но Ольмин не заметил этого или не подал виду.

Девушка была из настойчивых. Он позволил усадить себя в кресло. Но в тот самый момент, когда девушка

нажала кнопку автопуска и машина должна была взмыть вверх и совершить прыжок через сопку, Ольмин неожиданно легко, быстро соскочил на площадку. А эль столь же быстро набрал высоту.

Чего же ему хотелось?.. Поплескаться в ручье. Сверху, с сопки, хорошенько рассмотреть, как выглядит теперь Берег Сѡлнца. Сбежать вниз. Это все. Он успел добраться до ручья, пока эль, словно в раздумье, кружил над долиной и потом куда-то исчез. Ручей говорил о сухом лете, его обмелевшие струи были пусты, лишь однажды на перекате высветилась серебристая нитка, словно под водой кто-то натянул и отпустил струну, — рыба. У серых теплых камней цвели синие ирисы.

Со склона сопки постепенно открывалось пространство над морем, и все там казалось далеким и неподвижным. Над бухтой висела стрекоза. Ольмину хотелось поторопить ее, увидеть, как опустится на причал ее нелегкая, наверное, ноша. Но стрекоза равнодушно поблескивала крыльями. А двигаться ее заставляла, казалось, лишь сила воображения наблюдателя, а не мотор, спрятанный в ее пластмассовом теле.

Стрекоза приблизилась к причалу и превратилась в обычный летающий кран. На прежнем ее месте висела уже другая стрекоза, их было много, они по-своему спешили — перенести часть груза на берег, чтобы корабли смогли подойти к сравнительно мелководному причалу, где их ждали многорукие гиганты — порталные краны.

...На крутом склоне камешки-плитки выскальзывали из-под ног, прыгали коричневыми лягушками, разбегаясь в стороны и вниз. Ольмин остановился — звук не пропал. В сотне метров от него камешки так и скакали. Он пошел медленнее, потом свернул, спрятался за куст кедрового стланика. Подождал немного. Ну, конечно! Та самая девушка, Ира.

— Ира! — Ольмин вышел ей навстречу. Ему вдруг

стало неловко, что он заставил ее подниматься сюда, разыскивать его, волноваться, быть может.

— Александр Валентинович! Я же отвечаю... Ведь сюда из заповедника тигры приходят.

У нес было растерянное лицо, в руках не то плагод, не то косынка, волосы перехвачены широкой лентой, на ногах какие-то спортивные тапочки, в общем, с ней можно было перевалить через сопку если не за час, то часа за полтора-два.

— Ладно. — сказал Ольмин. — Я не сержусь. А вы?.. Тогда идем вместе. Это вам. — Он протянул ей букет присов. При упоминании о тиграх ему захотелось вдруг рассмеяться, но он держался серьезно, потому что такой уж он был человек.

...Берег Солнца. На воде, точно поздние бабочки, ганцевали яхты, раскрыв паруса. Зарево первых огней... Берег мелководного широкого залива был светел. Он точно вырос из морской пены, застывшей тысячами звезд-огней. Сюда сходились дороги побережья.

— У нас даже в школьных сочинениях слово «Солнце» пишут с большой буквы. Видите, сколько успели сделать?..

Она говорила о том, что произошло здесь без него, она спешила сделать это сама — все рассказать. К берегу протянулись ленты морских поглотителей, но половина из них еще не закончена. Отражатель готов. Она показала рукой: там светилось алое пятно — отблеск зари на круглом зеркале отражателя. И опять она смутилась, как два часа назад, когда она встречала его у эля: ведь ему это было ясно и так, без ее пояснений. Он был одним из тех, кто доказал, что солнечный свет можно собрать и направить к Земле. Планета получает ничтожную долю тепла, и никакие наземные гелиоустановки не помогут: почти все излучение уходит в пространство, разбегается по бесконечным радиусам. Пусть же лучи «схлопнутся» в световой жгут, как схлопывают-

ся лучи лазеров. Для этого нужно осветить Солнце пучком элементарных частиц, который станет коническим зеркалом, экраном, собирающим тепло, не дающим ему рассеиваться. Все, что попадет в конус, придет к планете, частицы, словно маленькие линзы, направят фотоны только в одну сторону — к Земле. Жгут солнечных лучей — лучший подарок планете с ее безграничными недрами.

Похоже это на то, как если бы к туче поднесли гигантскую воронку и дождь, попавший в воронку, по трубе отвели на иссохшие поля, в обмелевшие реки и озера, в те места, где влаги не хватает.

Как просто, думала она, но только на первый взгляд... Фотоны отталкивают частицы, «рассыпают» конус, волновод разрушается.

Свет снова как будто рассеивается в пространстве.

Ольмин доказал: нет, не рассеивается. Притяжение Солнца управляет частицами, притягивает их, возвращает на круги своя. Нужно лишь разогнать их еще на Земле и вовремя изменять направление «бомбардировки». Правда, световод будет лишь отдаленно напоминать конус, но фотоны окажутся в западне. Энергии будет даже слишком много, ведь десятимиллиардная часть солнечного диска способна дать тепла больше, чем получает Земля сейчас. Значит, надо правильно выбрать мощность и форму пучка элементарных частиц, который управляет энергией, а избыток лучей поймать зеркалом и отправить в атмосферу, в космос или рассеять в морских просторах. Были Земля Королевы Мод, Берег Принца Олафа, Берег Принцессы Марты, Земля Гранта. Теперь был Берег Солнца.

«Удивительно повезло, — думала Ирина Стеклова, — сегодня познакомилась с Ольминым, которого знала только по фотографиям; что-то собиралась у него спросить, ах да... вот...»

— У нас уже есть дейтериевое солнце. В океанах

еще много тяжелой воды, ее хватит надолго. Значит, проект «Берег Солнца» на будущее?

— Нельзя обеднять океан, — ответил Ольмин.

— Обеднять?

— Дейтерий необходим всему живому. Так же, как и микроэлементы.

— Я этого не знала, — смутилась Стеклова.

— Об этом вовремя предупредили биологи. Есть такой корабль, «Гондвана», вот уж несколько лет бороздит все моря планеты... Его каждый дельфин знает и, кажется, любая рыбешка.

— «Гондвана»... — как будто вспомнила Стеклова, — «Гондвана»... Нет. Исследовательских кораблей так много, что не упомнишь.

— У «Гондван» свой почерк: самые общие проблемы, предсказание будущего. Мы с ней еще встретимся. У нас, на Берегу Солнца.

...Где-то рядом шум воды. Стеклова вдруг поняла, что заблудилась и не сможет найти эль. Он остался здесь, на склоне, но она так спешила, что не заметила ни одного ориентира. И этого родника не было. Они подошли к нему: в воронке плясали песчинки, струя выходила из нее и падала на плоский камень. В этом месте образовалось углубление.

— Ну вот, забыла, где эль, — сказала она, — а ведь он здесь... недалеко.

Ольмин наклонился над родником. Его каштановые волосы упали на лоб, одна прядь попала в воду, он пил и словно бы любовался водой. Его глаза казались усталыми, он был прост и понятен. Совсем не такой, как на фото.

Он оторвался от воды, сказал:

— Без эля лучше. Дойдем. Три километра — пустяки.

Опять наклонился над ручьем, расстегнул ворот, умылся. Она успела заметить, как точны, скупы его дви-

жения, ни капли воды не попало на рубашку. Струйки и даже брызги прилипали к его рукам — иначе не скажешь. И было приятно смотреть, как умывался этот уставший человек.

Он встал. Она присела над углублением и коснулась воды концами пальцев.

— Студеная! — сказал Ольмин весело.

— Так люблю воду!.. — медленно проговорила Стеклова.

— Давно здесь?

— Недавно. Года нет.

— Вы что же, думали, что я заблужусь?

— Нет, — спокойно сказала Стеклова. — Просто захотела вас встретить.

Ей показалось, что он смутился. Это не вязалось с его обликом, с тем, что она знала из рассказов о нем.

...Падь встретила их колючими зарослями аралии. Ирина пожалела, что они пошли напрямик: слева была дорога, и по ней можно бы добраться, отшагав каких-нибудь два лишних километра. Ее напугали птицы, выпорхнувшие из-под ног. У них были темно-красные перья на крыльях, и они так шумно взлетели, что она не расслышала Ольмина.

— Фазаны! — повторил он. — Испугали?

Она кивнула.

Заросли неожиданно кончились. Впереди была тропа, за ней различалась широкая дорога для туристов. Ольмин остановился. Прозрачная синь вечера вызвала мимолетное настроение, тайну которого он еще не постиг. Эта минута казалась хорошо знакомой, и очень близким стало вдруг небо и огни в долине, а как дышалось! Шесть вдохов растворили его «я» в этом изменившемся пространстве. И когда минутное просветление прошло, о нем осталась память навсегда. «Удивительно это», — подумал он.

Было похоже, что спутница его ничего не заметила. «Что это такое? — подумал Ольмин. — В чем здесь секрет?.. Может, во мне самом? Зачем она меня все-таки встречала?..» Он был уверен, что один доберется до Солнцеграда. Обязательно пешком. Ему нравилось бродить по сопкам, по лесам, по тайге, и не потому, что привык. Только так приходили такие вот редчайшие минуты прозрачности, необыкновенной ясности.

Когда было в прошлый раз? — вспоминал он. А, вот когда — года три назад, когда он неделю жил у друга, за городом... Далеко отсюда. У Оки. Там были холмы, и запах сена, и темное небо. Зарницы в конце июля... Впервые в жизни своей видел зарницы. А ночью, поздно, когда спать не хотелось, он вышел на крыльцо, увидел высокое, какое-то особенно просторное небо, уловил несказанный аромат трав и свежего сена — и минута пришла.

* * *

В Солнцеграде было светло как днем. Центральный тротуар сбегал по главной улице к морю. А пляж освещен красноватыми лучами искусственного солнца: там еще загорали, смеялись, у скал жгли костры, вдали виднелись яхты, серферы, лодки. Катера и морские эли пересекали лунную дорожку, казавшуюся продолжением главной улицы. Ольмин и Стеклова стали на тротуар и незаметно для себя оказались на пляже — лента вынесла их прямо на берег. Здесь кто-то узнал Ольмина. Потом к ним подошли еще пятеро. Ольмин увидел знакомые лица. Его усадили у костра, а Ирина, никем не замеченная, стала за его спиной. Прошло минут пять, и он спохватился, вспомнил о ней. Она уже направлялась к движущемуся тротуару. Ольмин перехватил ее, вернул, сказал:

— Давайте знакомиться по-настоящему!

Она рассмеялась. Пошли купаться, сразу человек двадцать. Вода была прохладной, чистой, податливой. Рассыпались по бухте, ныряли, потом долго грелись у костра. Домой не хотелось. Там было скучно, неудобно.

У Ирины оказался при себе тороин — вещь редкостная, удивительная. Ольмин глотнул тридцать капель маслянистой жидкости, разведенной в подогретой морской воде, и улегся на спину. Через десять минут его легкие могли вдыхать вместо воздуха морскую воду и извлекать из нее кислород. Он заметил: сознание стало как бы избирательным, он видел теперь не весь пляж, а только то, что хотел увидеть. Даже голоса звучали порознь — как и к кому прислушаешься — превращение состоялось. Он побежал к скалам, нырнул и долго оставался под водой.

На пятнадцатиметровой глубине было сумеречно, ни рыб, ни морских звезд видно не было, и только длинные ленты водорослей, похожие на лианы, пересекали слепой полусумрак. С ним спустились под воду еще трое или четверо; сверху, со скалы, им кинули люминесцентный шар. Он лег на грунт и осветил песок, камни, возник даже подводный горизонт. От холодных ярких лучей шарахнулись рыбы, но вскоре стали возвращаться — осторожно, бочком. В поле зрения попали мидии, устрицы, гребешки, патирии, рубиновые афаластериасы, пурпурные асцидии, буро-зеленые морские ежи.

Через четверть часа Ольмин вынырнул, растянулся у уреза воды ничком и осторожно, словно пробуя на вкус, вдыхал воздух. Легкие освобождались от воды. Несколько резких движений, глубокий вдох — и он окончательно перешел в мир надводный с его разреженностью, ароматными ветрами, небесной пустотой. Подводная прогулка сняла усталость: глаза стали зоркими, быстрыми, окружающее окрасилось в чистые глубокие тона. Он с удовольствием перешел к костру, к людям и

стал рассказывать. Небо все выше поднималось над берегом... Голоса звучали глуше, тише... Одинокая волна набежала на берег.

ЭЛЬ НАД РЕКОЙ

Астрофизическая обсерватория Солнцеграда. Малый зал... Полусумрак. Тишина.

...Пристально всматривалась Ирина в узоры созвездий. Мы стояли под синим куполом из полупрозрачного стекла. По нему ползли искры разного накала и яркости. Незаметно для глаза, так, как движутся светила на вольном небе. Когда было ясно, положение их совпадало с движением настоящих звезд, и тогда нельзя было разделить объекты и их копии на стекле.

— Большая Медведица, Волосы Вероники, рядом Малый Лев, — называл Ольмин созвездия, — Рысь, Гончие Псы... А вот любопытная туманность, но ее видно только в оптический усилитель. Тут же, недалеко, два радиопульсара. Купол вращается по команде, и в любое время года можно наблюдать звезды обоих полушарий. А вот телескоп и автоматическая камера для съемки участков небесной сферы.

— Значит, это просто очень хорошая фотография — все эти созвездия и туманности? — спросила Ирина.

— Да. Точная копия неба. Но разобраться в ней не просто. Изучать ее надо так же тщательно, как и само небо.

— А где Близнецы? — спросил я.

Светящаяся стрелка указала созвездие. Я вспомнил: пять ярких пятнышек в атласе... на «Гондване».

— Вот они...

Ирина потеряла ладонью щеку, прикрыла глаза и опустила голову, как будто почувствовала странное безразличие к небесным огням, так живо интересовавшим ее минуту назад. Я обошел телескоп и оказался слева от

нее. Мне показалось, что она мгновенно отвела взгляд от купола. Да, я готов был дать честное слово, что, пока я был за ее спиной, она изучала, как выглядят Близнецы в ясную ночь.

Я украдкой наблюдал за ней. В полутьме трудно было рассмотреть выражение ее лица.

— Здесь жарко, — вдруг сказала она и быстро направилась к выходу.

«Что со мной? — подумал я. — Тут действительно мало воздуха, кружится голова». И пошел следом. Ольмин за нами. Мы оказались в другой зале. Здесь все встало на свои места, и смутная догадка улетучилась из моей головы. А рассказ о Близнецах был прерван.

Ольмин кликнул робота:

— Наведи порядок, проверь кондиционер. Доложи

— Готово, — вкатился кибер через минуту. — Отклонение незначительное. Исправлено.

— Я покажу корабль, — сказал Ольмин. — Точнее, его траекторию.

Мы вернулись под купол. Шутки ради Ольмин поменял местами созвездия, заставил Медведицу бродить вдоль небесного экватора, а Малого Пса — гоняться за Китом, Дельфином и Журавлем. Ирина улыбнулась, когда сопоставила названия созвездий, участвовавших в этом экспромте.

Невидимый помощник восстановил положение звезд, возвратил весь небесный зверинец на свое место и сообщил координаты корабля.

— Корабль... вон та желтая черточка. Изображение условное, разумеется.

...Задолго до старта с Земли послали луч. Зеркалом служило озеро, его поверхность приняла на мгновение форму параболоида. Скованная стихия электромагнитного урагана вырвалась на простор. Луч пробил туннель, по нему, как челнок, бежал, скользил космический снаряд.

Прошло несколько месяцев — и он достиг таких пределов, где от излучения, некогда посланного с Земли, остались лишь следы. Луч рассыпался, распался, устав от пройденного расстояния, кванты рассеялись, и корабль начал торможение. Впереди его ждали планеты,

Вряд ли кто-нибудь смог бы точнее выполнить маневр, нежели обыкновенный робот, непохожий, впрочем, ни на машину, ни на человека: его щупальца опутывали корабль, но были невидимы, его электрическое сердце и мозг предрекали будущее.

С борта переданы объемные фото, спектрограммы. Первые планеты на его пути... Глыбы ослепительного льда. Черные скалы. Бездонные пропасти.

— Жаль, — сказал я, когда купол погас, — похоже, что условия там для жизни не очень подходящие.

— Ближайшая планета мертва, — кивнул Ольмин, — мы знали это и раньше. Как жаль, что до сих пор нельзя с Земли искать спутники звезд! Если бы у нас был атлас ближайших планет, мы могли бы действовать почти наверняка. Что ни говорите, а жизнь в целом похожа на плесень: и тепла и влаги нужно в меру, да и солнышко чтоб не светило слишком ярко, иначе разные неприятности с корпускулами... И плесенью этой обрастают крохотные шарики — просто пылинки по сравнению со светилами. Их и не найдет ни один земной радиоприбор — разве что наткнется корабль. Вот почему мы боремся за скорость. Быстрее света. Еще, еще быстрее...

— И это только один из близких миров: пятнадцать планет и девятнадцать спутников. Но дайте срок — корабль перейдет подальше, к следующему затерянному миру! — добавил я.

Нетрудно было мысленно проследить путь земного посланца. Пятнадцать планет — пятнадцать станций.

На втором витке спирали корабль выполнит едва заметный маневр — от него отделится радиозонд. Жем-

чужное тело зонда нырнет вниз, в сумерки планеты. Корабль поднимется на двух лучах, точно на ходулях, и, возвысившись, устремится к следующей планете.

Это был короткий и потому удобный маршрут. Здесь легко отработать все системы нового корабля. Чтобы вскоре послать невиданный экипаж в настоящий поиск — к планетам Близнецов, к двойным звездам. Скорость значит больше, чем время.

* * *

Однажды после заката я заметил на горизонте черную движущуюся точку. Эль шел на предельной скорости. Снизился он на окраине Солнцеграда, на глазах вырос и нырнул почти вертикально вниз. «Лихо, — подумал я, — кто это так водит машину?..» Простое совпадение: рано утром я видел взлет. Тот же эль. Темно-вишневый. Поднялся свечой, постоял и рванул вдоль берега. Немного погода свернул, снизился, скрылся.

Вспомнив эпизод на следующий день, я почему-то задумался: кого можно представить в этой машине? Ну, допустим, такой человек, как Энно, мог бы оказаться там? Вряд ли. Крюк ради прогулки? Никогда. Его можно отыскать с дельтапланом на Гималаях, на шлюпке у ледового антарктического барьера, на айсберге, но машину он водит по прямой. А вдруг Ольмин?.. Нет. Его вообще трудно застать сейчас в воздухе: работа, говорят, даже по ночам сидит, надо бы проверить, осторожно урезонить. Андрей Никитин, мой двойник, вот кто так небрежен с элем! Но он далеко: не повезло, корпит в редакции, бедолага. Значит, я. Вот кого можно бы застать в кабине. Меня. Но это не я. Следовательно...

Еще раза три на рассвете я видел вишневый эль. И один раз вечером; не без смущения наблюдал я умопомрачительные прыжки. Позже я понял, что владелец

его, собственно, вылетал дважды. Утром, с возвращением через час-два. И вечером. Две прогулки в день.

Я подстерег его. На малой высоте полетел следом. Улыбнулся, ничего себе: следом! В воздухе ведь лыжни не остается. Шел в пределах видимости. Он перевалил сопку, заложил вираж, упал. Только его и видели. Я тоже вышел на перевал. Влево, вправо... нет эля.

Вернулся в низину и стал ждать. Через полтора часа он вернулся, прошел над головой. И опять я за ним. Дошли до Солнцеграда. Он кувыркнулся на посадку. Я прошел стороной, но заметил его убежище.

Ирина Стеклова. Это была она. Я нелюбопытен, но факт интересен. Мне оставалось пробыть в Солнцеграде не так уж много дней, потом я должен вернуться в свой город. Хотя бы на время. Работа была почти завершена, и я мог придумывать занятие по душе.

Как и большинство тех, кто приехал сюда, в Солнцеград, Ирина быстро освоилась. За один год они успели многое. Я завидовал им...

Я иногда спрашивал себя: уж не из того ли она перелетного племени, что не держится на одном месте подолгу, и не встречался ли я с ней раньше, где-нибудь на Севере, например, или в Средней Азии? Черты лица как будто знакомы, но расспросить ее я почему-то не решался. Удивительно переменчивое у нее лицо, его выражение не так-то просто разгадать. Только Ольмину она оказывала знаки внимания, и это прибавляло уважения к ней: ее, это вскоре мне стало ясно, интересовало только дело. Вспоминаю неуклюжее, наивное сравнение из раннего репортажа одного моего коллеги: «ее сердце билось в унисон с ритмом невиданной стройки...» Так вот, ее сердце действительно «билося в унисон», тут уж ничего не поделаешь.

К кому же это Ирина наведывалась, куда, зачем? Ну нет, это не обычные прогулки, меня не проведешь. Если бы у меня было хоть малейшее подозрение, что

это касалось ее лично и еще кого-то, тоже лично, я бы не тратил времени на догадки. Мне с самого начала вся эта история не понравилась. Я даже чувствовал... нет, не буду преувеличивать роль интуиции: это позже, гораздо позже я тешил себя надеждой, что смогу помочь ей.

И вот первое приключение... За спиной мой эль, впереди, в двухстах шагах — ее вишневая машина. Заметила она меня или нет? Вряд ли. Я осторожен. Справа река, я иду не по самому берегу, а там, где каменная россыпь, заливаемая во время дождей, уступает место ивняку. Нырнул в кусты — и нет тебя. В случае чего. А она впереди. Я иногда слышу, как позвякивают камешки под ее ногами.

Она остановилась. Сбросила туфли и вошла в воду. И бредет по колено в воде, течение здесь довольно спокойное, не то что выше, у порога, где перекинут мост. Здесь держится рыба: хариус, реже форель. Я сам пару раз закидывал удочку. Места хоженные, не раз бывал на этой реке и отлично знаю повадки форели. Она держится рядом с большими камнями, туда и нужно кидать крючок с червяком, мухой или икринкой. Но места для лова отведены не здесь. Гораздо выше. Ирину интересует не форель, и я никак не могу взять в толк, что именно. Место пустынное, дикое. Вот она повернула назад, я прячусь. Дальше все ясно: она возвращается в Солнцеград.

Она проходит от меня в тридцати шагах. Лицо серьезное, сосредоточенное. Делать больше нечего, я бреду к своему элю...

Потом она исчезла. И ни одна душа не знала, где она. Я прозевал момент и был бы рад даже случайной догадке... Увы... Ее исчезновение обеспокоило меня. Даже напугало.

Никто, оказывается, не знал о ее поездках к реке. Но даже я не знал, что же она там делала. И чем это

могло кончиться. Излишне говорить, что я обшарил окрестность. Я был встревожен.

Ее искали... Волновались. Я вдруг понял, что поиски эти бессмысленны. Догадался. У меня начали открываться глаза.

И только для того, чтобы убедиться в этом, успокоить себя самого и других, я нашел ее дневник. Последние строки дневника подтвердили догадку...

ИЗ ДНЕВНИКА ИРИНЫ СТЕКЛОВОЙ

27 ИЮНЯ. Спросила Телегина (он сейчас замещает Ольмина): правда ли, что ракеты смогут летать без топлива? Он сказал: нет, сгорят, слишком много энергии. «В плане мечты, конечно, смогут». Солнце преобразует в излучение четыре миллиона тонн вещества ежедневно. Будет посылать ракеты — в Галактику. Мы не умеем пока протянуть к нему тонкие нитки частиц, чтобы отбирать фотоны маленькими порциями.

9 ИЮЛЯ. Встречала Ольмина. Прибыли излучатели частиц, ускорители, реакторы, приборы. В бухте несколько гигантских транспортов, из-за мелководья не могут подойти к причалу, их разгружают летающими кранами.

17 ИЮЛЯ. Мы стали к нему заходить. Если он был занят — читали его книги. Вчера было человек десять. Он говорил что-то веселое, потом Блока читал, и все к месту. Читал без патетики, совсем непонятно, почему действовало, у меня бы так не получилось — чего не умею, того не умею. Он был в простецкой рубашке, у манжеты пуговицы нет, так он потихоньку булавкой заколол. Ему уже за сорок, наверное, лицо усталое, а он читал: «О, весна без конца и без краю — без конца и без краю мечта!»

29 ИЮЛЯ. Ничего-то я не понимала до сих пор.

То есть знала, что к Солнцу поднимется конус и что лучи пройдут внутри, как в волноводе, и упадут на отражатель. А стенки конуса не дадут лучам разойтись. Вот и все. Это примерно уровень знаний столетней давности (причем уровень беллетристики; кажется, был такой рассказ или роман, его потом, много позже, пересказывали в прессе — оттуда в основном и мои познания, увы, обо всем, что касается «физики»). Зато как просто, Ирка, не правда ли?

12 АВГУСТА. Милый Александр Валентинович, вы такой же, как все, во всем, кроме того, что составляет в вас главное — ваше призвание. Правда, это не-мало.

14 АВГУСТА. Иногда я подхожу к зеркалу. А передо мной во весь рост высокая женщина с темно-кариими глазами. И смотрит на меня, смотрит. Словно что-то хочет спросить — и не решается. На вид ей двадцать пять (а на самом деле больше). Она смотрит, смотрит, да вдруг и улыбнется. А я погрожу ей пальцем и отойду от зеркала.

Нет уж, пусть лучше все будет по-старому.

17 АВГУСТА. Ты считала, что твое дело — отражатель, поглотители, приемная часть. Для остального есть Ольмин, Телегин, Караханов. Ты боялась им помешать расспросами и советами? А Александр Валентинович Ольмин, решавший задачу упаковки частиц в конусе, работал на заводе из праздного любопытства? Или знакомился с конструкцией морских поглотителей из приличия? Да ты раскрой глаза, Ирка: он же знает о приемной аппаратуре больше тебя! Он проверил расчеты, твои расчеты. Но если бы я все-таки знала, зачем ему это! Ведь он не сомневается, он верит мне. Так он говорит. А он говорит только правду.

25 АВГУСТА. Ну и что я узнала еще? Что конус будет формироваться несколько минут, потому что частицам нужно преодолеть расстояние до Солнца, и что он

не будет сплошным? Но тогда что это за конус?.. Что частицы должны испускаться импульсами?.. Но короче одной миллиардной доли секунды импульсы сформировать просто нельзя: техника не позволяет. И Солнце выжжет все живое на планете. Выход один: направить к Солнцу счень узкий конус. Но энергия даже с одной миллиардной части солнечного диска во много раз больше, чем энсргия, даваемая всеми электростанциями планеты. При угле конуса в шесть сотых угловой секунды как раз и будет захвачена эта миллиардная часть. Испарится и почва, и берег, и сопка заодно с установками. Вот зачем нужен отражатель и поглотители, отводящие тепло в море, а лучше бы — в океан. И еще: ошибка в сотую долю угловой секунды недопустима.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ. Ты изучала теодолит, Ирка. Этот довольно точный, по твоим представлениям, прибор дает ошибку в целую угловую секунду.

Проникнись уважением к светилу, Ирка.

ВЫВОД. Это первый проект, когда нужно всеми средствами избавляться от лишней даровой энергии. Ошибка смертельна.

28 АВГУСТА. Один из транспортных кораблей доставил на Берег Солнца экипаж японского рефрижераторного судна, пострадавшего от шторма. Капитан Атара достал фотографии, рассказал о себе, о семье, о шхуне, на которой плавал раньше.

— Знаете, что пишут иногда в газетах о проекте? — спросил Атара. — Вы отберете у Солнца часть энергии, и солнечных дней станет меньше.

— Это не так, — сказал Ольмин. — Эксперимент займет несколько минут.

— Все равно, — сказал Атара.

— Но энергия не исчезает, вы знаете.

— Не совсем понимаю.

— Мы посылаем энергию обратно в космос, к Солнцу, отражаем ее. Меньшую часть отводим в море.

- Значит, наши моря станут теплее?
- Совсем немного. Когда-нибудь — да.
- И все-таки...

Атара задумался. Разговор не оставлял как будто никаких сомнений, и все же он внимательно и вопросительно смотрел на Ольмина, словно пытался каким-то неведомым путем узнать еще что-то. Перехватив этот взгляд, Ольмин сумел так же, без слов, едва заметным жестом ответить: «Не беспокойтесь».

— А не станет ли на Земле слишком тепло? — спросил Атара.

— Тепло можно переправить хоть на Марс. Может быть, когда-нибудь приемники установят и на кораблях. И тепло, и холод, когда надо, и ход судну. А ночью — накопители, аккумуляторы. Энергия поможет сохранить ледники.

— А облачность?

— Солнечный жгут пробивает облака, туман, град.

29 АВГУСТА. Сегодня были в тайге. Человек восемь наших. Когда я остановилась под старым кедром, мне показалось, что в ветвях притаилась рысь, что ждет она меня, дожидается.

...Взбирались по крутому склону, заросшему лещиной, собирали ягоды, смеялись. Пила воду из ручья, вспомнила, как встречала Ольмина.

Мне подарили жемчужину. Нашли ее на таежной реке в раковине перловицы.

19 ОКТЯБРЯ. Листала старый-престарый журнал. В одной статье автор вспоминает способы использования солнечной энергии. О пиролизе пишет вполне серьезно. Это сухая перегонка, получение древесного угля.

Энергетические плантации... Звучит, как обещание. А это всего-навсего «выращивание деревьев». Древесина — топливо. У первобытного человека с «энергетическими плантациями» дело обстоит куда лучше. Он же изобрел и экономичный реактор — костер.

Регулируемый фотосинтез — уже кое-что. Получали водород. На опытных станциях. Что еще? Бактериальная переработка. Сине-зеленые водоросли. Продукты — метан, тот же водород...

Шутка. Из Свифта:

«...Восемь лет он разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов. Добытые лучи он собирается заключить в герметические склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в холодную дождливую погоду».

Энергетический бассейн. Устройство: бетонная чаша, дно черное, глубина один-два метра, наполняется послойно, сначала формируют придонный слой — тут держится подсоленная и потому тяжелая вода. Сверху — пресная. Конвекционных потоков нет. Тепло собирается на дне. Отводится к машине.

Океаны — естественный коллектор энергии. В тропиках разница температур между поверхностными и глубинными слоями достигает двадцати градусов.

Другой способ: гелиогидростанции. Давхат Сальвах — это залив, врезающийся в побережье Саудовской Аравии. Его отделили плотиной от моря. Уровень воды в нем понизился за 4 года на 15 метров. В плотине смонтировали турбины.

Солнечные автомобили. Гелиоархитектура... Кому-то пришел в голову счастливый вопрос: зачем это архитекторы строят стеклянные коробки, поглощающие солнце, а инженеры снабжают их дорогостоящими кондиционерами, изымающими это тепло с огромными потерями? Не лучше ли выращивать сады на крышах, на широких карнизах и на покатых стенах, подбирая «тепловую рубашку» зданий из подходящих сортов? Сады уменьшают встречные людские потоки, напоминающие своей интенсивностью миграции леммингов. Углекислота — продукт обмена — тоже идет в дело: растения быстрее тянутся вверх, а длинные речи и доклады на конференциях неза-

висимо от содержания только помогают этому, потому что всегда дают двуокись углерода.

2 ДЕКАБРЯ. Непостоянен, как солнечный свет... Откуда это? Не помню. Надеяться на светило не всегда можно. Но есть задачи, которые лучше решать так, как подсказывает природа. В Африке нашли вересковые леса: деревья пятнадцатиметрового роста ведут свою родословную от кустиков, едва достигающих колена (вересковые пустоши кое-где на Севере типичны). Не повинно ли в том солнце? Случайно ли, что гигантский вереск найден высоко в горах — там, где свет ярче и сильнее действует?

Вот выписка из одной работы:

«Световая обработка семян растений ускоряет их прорастание, увеличивает всхожесть и рост ростков. Врываясь в интимную жизнь клетки (тысячи раз простреливая лист или пыльцевое зерно), кванты света действуют на фундаментальные процессы в ней. Они стимулируют образование мембранной (пленочной) системы тех частиц клетки — хлоропластов и митохондрий, в которых протекают энергетические процессы; они повышают активность ферментов — катализаторов биохимических реакций. Но самое важное — светоимпульсное облучение влияет на синтез белков и нуклеиновых кислот, на хромосомы и гены, ответственные за наследственность».

Спутники и солнечные батареи... Радиоволны переносят принятую ими энергию на Землю. Вес таких станций — тысячи тонн. Дают же они тысячи мегаватт. Это первый шаг на пути расширения ресурсов: человек перестал довольствоваться той долей лучей, которые сами по себе попадают на планету. Спутники — это ее высоко поднятые ладони, которые ловят свет. Радиoliniи — это нервы и артерии, по которым бежит кровь, тепло, энергия.

И вот Проект. И Солнцеград на берегу океана. Новый шаг в завтра? Пока не шаг. Без лишних восторгов,

Ирина. Попытка. Но это не только тепло, свет. Не только рука планеты, протянувшаяся к самому светилу. Можно ли управлять светом звезд? Вот в чем вопрос. Управлять звездами...

14 ДЕКАБРЯ. Снег. Морозно. Ходили на лыжах. Искали под снегом бруснику. Солнце низкое, белое. Вокруг снежная полуявь, иней, голубоватые шапки елей, свечение кристаллов, колкий воздух, скользкий лед на ручьях, черные струи холодной незамерзшей воды, следы зайцев и лис, костры у прогулочных элей, дымчато-прозрачные траектории лайнеров, первые лавины на крутых склонах в заповеднике, последние островки зелени у теплого источника. Спутанный куст с желтой травой у подножия, заснеженный, живописный, как старый колдун, притаился у лыжни. Гулкое эхо в долине.

3 ФЕВРАЛЯ. Вот и прошел еще один мой год. Здесь прошел. В Солнцеграде. Я теперь не так жадно набрасываюсь на книги. Скучаю? Сколько у меня еще дней впереди? Не знаю... не знаю...

26 МАРТА. Сон. Будто бы я все вспомнила.

27 МАРТА. Снова плохо мне, и ничего с этим не поделать, такая уж я. Что будет дальше?.. Пошли вечером к Александру Валентиновичу. Несколько человек. Угощал таежным чаем с брусникой. Говорил, что осталось немного. Скоро пустим установку. Осталось немного — что это значит для меня?.. Рассказал о запуске дальнего корабля. Это уже второй в этом году. Отрабатываются новые системы. Сказал: скоро полет к Близнецам... Скоро полет. Теплей и светлей мне, бедному зверенышу.

4 АПРЕЛЯ. Солнце печет. Последние сосульки. Весна. Теперь уж навсегда... Я не боюсь воспоминаний. Пусть повторится снова, я не откажусь ни от одного из дней. Пора: скоро полет. Я узнала многое. Только так я и могла обо всем узнать. И не иначе. Не было у меня другого пути к ним.

19 АПРЕЛЯ. Мы были на станции слежения: там

знают все о полете; там звезды как настоящие, там небо, движущиеся планеты, следы комет... Было трудно. Я опять поняла многое из того, что мне нужно сейчас. С нами был журналист. Глеб.

6 МАЯ. Пора. Мне снятся странные сны. Я знаю, что найду... там, в реке. И сегодня легче, чем вчера. Опять молодое, поющее тело. Вспомнила свое прежнее имя.

ДВУХСОТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Несколько дней тревоги, бессонницы, волнений. Я искал Ирину... Все же искал...

Сердце нет-нет да и напоминало о себе. По утрам я чувствовал легкую щемящую боль.

Поневоле я привык к долгим купаниям. Мне памятно озеро с торфовой темной водой, влажные корни, скреплявшие крутой берег, остров с поваленной ветром елью, сморщенный лик опрокинувшегося солнца.

Иногда я подавался к морю и проводил в воде два-три часа кряду. Кожа моя покрылась кристалликами соли, и мне казалось, что это должно излечить меня. Но страхи — тень сердечной боли — посещали меня. Я боялся за Ирину, за себя, за друзей, ловил себя на мысли, что постепенно, но верно забываю ее... Валентину. Нет, не лицо — слова, голос, оттенки ее кожи, цвет туфель.

Как-то я поднялся вверх по течению безымянного ручья. Шел долго-долго. Солнце скатилось к морю, которое вдруг открылось с высоты перевала. Здесь ручей почти иссяк: от него осталась чистая струя, выбившая в камне ванну. Я разделся и шлепнулся в воду. Она обожгла меня, но было приятно. Я окунулся с головой, выскочил на плоский камень, растер кожу ладонями. И опять нырнул в ледяную купель. Потом жадно ловил последние лучи, и мне не хотелось уходить с этого места.

Я оделся и присел. Распадок, в котором я оставил эль, казался синим. Только самые высокие деревья поднимали зеленые головы, ловившие столбы предзакатного света так же старательно, как и я. Стало легко, ключ был не только кристально чистым, но, пожалуй, целебным.

Солнце расплусилось и скрылось.

Где-то слышались голоса. Выше и чуть в стороне...

Там потрескивал костер; подобравшись ближе на звук, я увидел жаркие угли в каменном очаге, и ровное пламя, и столб дыма, а поодаль от костра — молодые лица, и закопченные, темные от сажи и золы руки, и паренек с гитарой... Боже мой, что он пел! «Осторожней, друг, ведь никто из нас здесь не был — в таинственной земле Мадагаскар!» Киплинг. Подумать только!

Их было шестеро. И они не заметили меня. А я совсем не хотел выходить к ним из зарослей стланика: пусть уж сами по себе, что мне до Киплинга. Конечно, я мог им рассказать о том, что стал любить старые вещи: фарфор со стершимся рисунком, книги в пыльных переплетах, стиранные носовые платки, выцветшие сорочки и старомодные галстуки. Возможно, мы нашли бы общий язык.

Я подумал о двухсотом поколении. Шесть-семь тысяч лет назад люди оставили первые памятники культуры, дошедшие до наших дней. Пусть на каждое поколение приходится тридцать с небольшим лет. Тогда и получается эта цифра — очень занятная, ведь двести поколений не так уж много. Скорее мало. Мы привыкли мыслить астрономическими категориями, а слово «эволюция» ассоциируется чуть ли не с геологическими миллионлетними процессами. А тут всего-навсего двойка с двумя нулями — можно было бы уместить целую ветвь родословного дерева на одной-единственной странице.

Но я был ближе к поколению предыдущему, от истоков цивилизации до него сто девяносто девять рождений и смертей. С другой стороны, нас как будто бы ничто не

разделяло. Хотел бы я все же понять, чем дышит двухсотое поколение, предоставленное самому себе. Это и удерживало меня от того, чтобы тут же присоединиться к веселой ватаге у костра.

Один из них бродил, собирая сучья, древесную ветошь, серые от дождей корчаги. Он прошел в трех шагах от меня, но не заметил. Был он высок и худ. У гитариста круглое, широкое, светлое лицо, тонкий рот, выпуклые глаза, вьющиеся волосы цвета спелого овса. Взгляд серьезный, сосредоточенный, и это долго обманывало меня, я думал, что незатейливые песни — это и есть он сам... Лишь позже я уловил незаметный переход: по несколько минут он как бы вживался в песню — в мелодию и слова, молчал, думал, сложив руки, сдвинув брови. И вот брал гитару, сжимал ее, и все движения были с этого мгновения сильны, быстры, уверенны, а голос ясен, чист, звучен. И все же это была игра. Но не он сам.

Третий был темноволос, зеленоглаз, с лицом, точенным из светлой бронзы, с тонкими пальцами — они сжимали колени. Они погружались в полусумрак: послезакатный свет слабел с каждой минутой, и костер тоже угасал. К огню приблизился первый и бросил охапку хвороста на угли. Дым, пламя, свет.

Я увидел трех девушек.

Две из них рассеянно слушали, одна смотрела, как плясали искры над огнем, и думала о своем. Я вгляделся, лицо показалось очень знакомым. Темные раскосые глаза, тюркские скулы, тонкие брови вразлет: Силлизмэ! Это была она. Воплощение покоя и неподвижности; она напоминала скульптуру. Только глаза делали ее лицо живым — сейчас они были похожи на прорези в маске. И вдруг — порывистое, резкое движение, взмах рукой в такт мелодии, смех, белозубая радость — и я узнал ее окончательно, такой она была на Севере, когда я познакомился с ней.

Ей тогда было девятнадцать, значит, сейчас только двадцать два. Но тогда она казалась взрослее. Интересно. О чем бы я с ней сейчас говорил? Было время... И была любовь. Я из нечетного поколения.

О чем задумалась, Силлиэмэ?.. Помнишь ли твоего давнего гостя? Там, на Севере, костры ярче, они как зарницы. Сухие, хрупкие ветки лиственниц вспыхивают как порох. И не дымят. Пламя ровное, легкое, гудящее. От огня и к огню лыжный след. А снежные сопки нарисованы, едва намечены в памяти их мягкие контуры. Близкое — далекое.

Если закрыть глаза, я и сейчас вижу лыжню. Олений с бархатно-заиндевелыми рогами у окна. Скрип полоза.

Вот о чем она мечтала тогда: о Солнцеграде, о проекте, о работе вместе с Ольминым. Кажется, так. Теперь вот заговорили. О чем?

Тот, у кого лицо казалось бронзовым от загара, вспомнил, как вороны состязались с чайками над рекой, когда шла рыба: они держались над водой так низко, что концы крыльев стали мокрыми. Тоже хотели рыбы. Желтая — так его звали — улыбнулся. Его слушали. Всем понятна была настойчивость осмелевших ворон. Оказывается, они хорошие летуны, чуть ли не такие же, как чайки. Но ведь стоило этой неказистой на вид птице зазеваться — и ее унесет река. Как проворно махали они крыльями, как точно опускались вслед за чайками, чтобы поживиться свежей рыбой. Но только одной из них удалось это. Они не могли сесть на воду, как соперницы. Черно-серые птицы изнемогли и отстали от чаек. И полет их стал таким же медлительным, как всегда, — обычным...

Я услышал еще одну незатейливую историю. О собаке. Где-то раздобыла она полбуханки хлеба и бежала по улице поселка. Но ее было не узнать: она не оглядывалась по сторонам, как будто не видела и не слышала

ничего, такой у нее был сосредоточенный, по-собачьи серьезный вид. Выбежала за околицу, перешла на шаг. Стала осматриваться. Приметила укромное место под кустом. Стала разгребать лапами сухие листья, потом яму выкопала. Положила туда хлеб. И стала медленно, осторожно засыпать его. Но не лапами, а носом. Как бульдозер. И так она была поглощена работой, что не замечала ничего вокруг. Даже ворону, сидевшую на соседнем дереве, не заметила. А та, скособочившись, смотрела и удивлялась неожиданной удаче...

Женя умолк и подбросил в костер хвороста. Я подумал о нем: это первое желание увидеть жизнь и понять ее по-своему. И вот что странно: два простецких эпизода, рассказанные Женей, я потом не раз вспоминал. Но мне не везло: так и не удалось увидеть смелых ворон. И собаку с хлебом я тоже не встретил.

Минуты две все молчали, только смолистое дерево потрескивало от жара. Я подошел ближе и уловил тепло костра.

Я услышал об Арктическом кольце жизни. О Великой Сибирской полынью. В ледовых просторах океана — синие озера. Там никогда не замерзают обширные участки. Открытая вода в сердце Арктики... Женя хорошо знал это и видел своими глазами.

— Есть еще Восточно-Таймырская полынью, — добавила Силлиэмэ, — и другие... там, где кончается шельф, далеко от берега. Материковый склон поднимает из глубины теплую воду во время приливов. А если еще есть подводные хребты, тогда приливное течение разрушает льды в самые сильные морозы. Это совсем особая географическая зона.

— Нет, из Таймыра не получится Мадагаскара, — сказала одна из девушек. — Даже после Солнцеграда в это трудно поверить. Пусть когда-то были тропики, но тогда и земная ось была наклонена совсем под другим углом, и океаны соединялись друг с другом широкими

проливами, и Северный магнитный полюс был где-то на юге. Все, все совсем не так, как сейчас.

— Дело не в тропиках, — заметил гитарист, — пустыня ни к чему, вот о чем речь.

— Там не пустыня, а птичьи базары! Миллионы птиц.

— Это природа вынуждает птиц гнездиться там, где они могут найти корм, — возразила Силлиэмэ. — Птичий базар — это пятьдесят или сто тысяч птиц, но не миллион. Птенцы там реже гибнут от холода. Когда рядом другие птицы, теплоотдача меньше. А вот на острове Врангеля гнездится всего шесть пар воронов. Птица всеядная, и все равно зимой трудно. Пустыня! Вот если бы весь Северный Ледовитый превратить в кольцо жизни!

— Я читал, — сказал Женя, — что из-за потепления климата многие птицы уже гнездятся на градус севернее. Чайки, свиязи... Силлиэмэ, подскажи... да... морские чернети, люрики, луговые коньки... кайры, бакланы...

— Птицы стали прилетать раньше. Дней на десять-двадцать.

— Потом будет теплее. Когда проект закончим. Лес к северу тоже продвинется. Тогда на острове Врангеля можно будет увидеть рябинников, варакушек, снегирей, горихвосток. А летом будет тепло, как у нас здесь.

— Почему бы не установить приемники сразу на Севере? Вот что непонятно, — сказала девушка, сидевшая рядом с Силлиэмэ.

— Там мерзлота, — ответил Женя, — тяжело. Да и равновесие можно нарушить. Пятьдесят лет нужно, чтобы восстановить травяной покров.

— А я видел женьшень, — сказал высокий парень. — Позапрошлым летом. Место глухое-глухое, кряжистое дерево с дуплом. Я сначала на дупло смотрел, в нем даже медведь может укрыться. Потом смотрю — ярко-зеленые листья, похожие на ладонь... Отец сказал: женьшень. Притрагиваться к нему нельзя: его недолго испортить. Даже кедровая шишка или шмель, если заденут

цветы и листья, заставляют его уснуть. Он перестает расти и спит много лет.

— А потом?

— Просыпается. Говорят, в одну из ночей, когда появляются цветы, можно увидеть свечение, белый огонь, будто бы и корень тоже светится. Но это легенда. А в другой легенде рассказывается о рождении женьшеня. Когда сильная молния ударяет в зеркальную воду родника, на этом месте вырастает корень жизни, а вода уходит под землю.

— Я был в курильских лесах, — сказал гитарист. — Там кое-где еще остались такие же заросли, как на Сахалине. Лопухи двухметровые, а дудочник как пальмы. Луг похож на лес. Дождь пойдет, зонтик не нужен — лист лопуха как палатка или пляжный навес.

...Костер угасал. Установилась какая-то нежилая тишина, как в покинутом доме. Сквозь глубину кедровой чащи к нам подкрадывалась ночь. Ни шороха, ни звука. На фоне светлой звездной пыли — глыбы кедров, за спиной внизу — черное спящее море.

...Я привстал со ствола поваленного ветром дерева, отряхнул с одежды приставшие к ней хвоинки и желто-зеленый сор и пошел к ним. Чтобы нас не разделяли эти двадцать шагов, узкая каменистая полоса земли, отдававшая тепло ночному небу.

АИРА

Трудно было ей вспомнить, как было раньше, когда звали ее Аирой, когда жить ей привелось в подземном дворце, где не слышно горячих вихрей, воя песков, шорохов пылевых туч. И трудно забыть то, что придумала она про себя здесь, на Земле, новое имя свое: Ирина Стеклова. Но не было другого пути: у каждого есть право на прошлое, хотя бы придуманное. Как же без этого?

Это и осталось ей — с тех самых пор, как увидела она зеленый браслет на своей руке. Трижды прожить жизнь, уметь встречать неизвестное, новое, потом расставаться с ним, как с полузабытым воспоминанием, а впереди — иное, неизведанное, завтрашнее... Сколько бы ни было у нее сил — все равно трудно.

Но никто не смел и помышлять о другой возможности — ни одна из метаморфоз не должна была вывести ее из круга привычных понятий. Какие бы смелые пути ни намечал ее разум, всегда и всюду с ним рядом любовь и горечь расставаний, мечта и надежда...

Она мечтала о будущем, пока неясном. Будто бы собиралась в далекий поселок, чтобы проститься с теми, кто был когда-то близок ей. Она еще не называла себя Аирой. История ее была простой: вот откуда она — вот дом ее, и мать ее, и сестра, и тот, с кем целовалась у чужого крыльца с позднего вечера до утра. Образы уже теряли четкость, как отдаленное прошлое, которое вдруг проступает в памяти сквозь полупроницаемую завесу.

Будущее грезилось. Оно должно было приковать ее внимание постепенно и изменить ее. Вся жизнь ее с удивительными превращениями записана была на зеленых нитях браслета, ей оставалось повиноваться стародавним велениям. Чьим?.. Во имя чего? Она могла выбирать друзей, говорить и работать с ними, мечтать, надеяться, любить. Но за этим стояла судьба многих. У нее могла быть только одна цель: вспомнить о них, когда придет время. И только для этого, в общем, она была здесь, на Земле.

Думала: вернется в последний раз к своим попрощаться. И предчувствие этого прощания тревожило ее. Словно в ней уже было два человека, и она слушала то одного, то другого. Случившееся являлось ей то как настоящее, подлинное прошлое, то как мечта, то как выдумка. Это мучило и заставляло долго вспоминать, что же было на самом-то деле.

Неужели не было того последнего вечера, когда она пришла к этим людям?.. Пришла и увидела женщину, что была ее матерью. Та приняла ее, и обласкала, и обняла, и долго беседовали они, а потом появилась сестра. Из окна виднелась река: над темной чистой лентой спокойной воды гибкие ветви ивы, черная ольха, за рекой: взбегал косогор, и всюду — и в доме тоже — воздух с легким запахом дыма и луговых трав.

Она бы вернулась в те места... если это не выдумка. Для нее настали дни раздумий: два человека, жившие в ней, не давали покоя. Потом один из них должен исчезнуть. А пока... пока спасение в мечте.

Эль пронес ее к западу, повернул на север. Внизу растянулся лесной океан, прочерченный светлыми нитками дорог.

Кажется, там... Она вела машину над самым лесом, чтобы узнать места. Просека, река, старая ольха. Здесь! Дома над берегом. Она посадила эль поодаль. Пошла пешком. Воздух темнел; набежала туча. Небо стало темно-лиловым. Вспыхнули молнии; они носились по всему горизонту. Вокруг простор, под берегом широкая лента свинцово-желтой воды. Она испугалась. Но шла, шла. У околицы очнулась: не узнала дома, поселка. Значит, выдумка?

Дождь хлестал по воде, по траве, по лужам. Она побрела к элю.

Значит, выдумка. Холодные капли падали на открытую шею, струи пробрались за воротник. Она забралась в эль, набросила накидку, уснула. А когда проснулась, долго не могла понять, где она и что с ней произошло. Чужие дома, чужие люди... На нее с любопытством поглядывали. Она подняла эль в воздух, глянула на часы и ахнула: проспала она без малого двое суток. Сон был спокойным, мысли ее стали ясными. Она выдумала все про себя, вот итог всех размышлений.

Кто она? И второе «я» начало таять, умалаться, как

свеча: от него оставалось меньше и меньше. Исчезал второй человек, живший в ней. И за его спиной яснее и отчетливее проглядывал другой. Имя его Аира.

Она сопротивлялась желанию поверить сразу: выдумка притягивала мысли как магнит. Эль ее шел на восток, потом свернул с прямой дороги, как будто тоже засомневался. Прыгнул в сторону, прошел над большой рекой от истока до самого устья и снова полетел на восток. Но дважды еще возвращался он, повстречав реку, похожую на ту, что не изгладилась еще из памяти.

Она вернулась на Берег Солнца.

* * *

И на другой же день вылетела к реке. Аира знала теперь, что найдет браслет. Когда-то он мешал, теперь был нужнее всего. У нее не было ни крошечных компьютеров, этих памятливых собеседников, ни похожих на броши и кулоны полупроводниковых стекляшек — аппаратов видеосвязи, браслет заменял ей это и многое другое, чему не подыскать пока слов на нашем языке. Его нельзя было потерять навсегда. В его зеленых нитях всегда найдется немного тепла и лучей, чтобы дать знать о себе. Стоит только захотеть его найти. Не каждому это дано. Я не смог бы разыскать его, и никто из моих знакомых — тоже. Только она, Аира...

Но первый день прошел попусту, видно, не там искала. В сиреневых сумерках пробиралась к элю в густых зарослях папоротника. Услышала плеск, шелест, кто-то чихнул и фыркнул, как маленькая лошадь: барсук! Полосатый зверь, не таясь, пыхтел и барахтался у берега. Выскочила из воды лягушка — прямо ему в пасть. Аира вспугнула его. Он насторожился, поднял круглый свиной пятачок и неторопливо удалился. Она вернулась домой, и чудились ей осторожные шаги под окном светлой майской ночью и шум молодой листвы.

Утром Аира вернулась к сухому, со сломанной вершинной ильму. Отсюда она улетала накануне вечером. И снова поиск. У подножия ильма зеленела поросль черемухи. Ее взгляд машинально скользнул по сушине — дерево ильма казалось настоящим гигантом. На высоте десяти метров от земли чернеет дупло, и там, в темноте, пищат птенцы филина. В просвете между ветками черемух видны норы — жилище семьи барсуков. Слева шумит, гуляет река... Вечер. Утро. Новый день...

Аира поворачивает к берегу и идет у самой воды. У нее теперь быстрая сильная походка, она будто летает, и угнаться за ней нелегко.

Над головой ее пролетел пестрый, яркий широкорот — птица с красным клювом и морковного цвета лапами, сине-зеленым оперением, отливающими металлом сильными крыльями. Аира удивленно следила за ним: широкорот перелетел реку, вернулся и сделал над ней круг. Пестрая франтоватая птица, быть может, впервые видела здесь человека. И человек удивлялся не меньше живой диковине. Впереди, в кедраче, возбужденно ухали филины, которых Аира вспугнула у гнезда.

В полдень она вдруг вспомнила свое прежнее имя: Ирина. Удивительно отчетливо всплыл в памяти и тот день и час, когда стояла она на мосту с браслетом. Она думала, браслет унесло вниз течением. Она искала его не там. Вспомнила, узнала мост, и это стало своего рода новым сигналом к поиску. Возникло видение: женщина с браслетом. Здесь, здесь... Аира взбежала на мост. Внизу неся холодный поток. Она разделась, помедлила. Поджав ноги, легко прыгнула вниз. Над самой водой вытянула руки, положила на них голову и, как будто продолжая полет, унеслась с быстрой глубокой струей.

Аира нырнула, достала дно пальцами, перевернула несколько камней — валуны отнесло вниз, как только она лишила их опоры. Выплыла на берег, растерянно высыпав на землю горсть мелких камней. Браслета не бы-

ло. Она согрелась под солнцем. Вошла снова в воду, поплыла вниз по течению, ныряла, в глубоком страшном омуте встретила зубастого тайменя, достала овальную перловицу, но жемчужины внутри не нашла. Она еще не улавливала излучение, которое шло от браслета. Но он был здесь, она это знала. Она вернулась почти к самому мосту, снова бросилась в воду и стала искать у другого берега. И почувствовала, что ладони стали как будто теплыми. Как в детской игре, теперь было то тепло, то холодно. И вдруг — горячо! Второй сигнал. Здесь! Она нырнула в последний раз, разгребла мелкие камни, укрывшие выбоину в гранитной подводной скале, и достала то, что искала. Браслет.

Лицо ее преображалось, явственнее проступали новые черты. Она не спеша взошла на мост, оделась и смотрела, как бьется внизу голубая холодная вода, через которую едва просвечивают светлые камни... Больше не было Ирины Стекловой, даже внешне не осталось в ней ничего, что помогло узнать бы в ней знакомую. Может быть, только пристальный взгляд выхватил бы откуда-то из глубины ее почти неуловимое сходство с Ириной. Так едва-едва проступают камни на дне потока, что бежит до сих пор под тем самым мостом.

* * *

Я видел, как склонилась она над озером, как снова привыкала к себе, и нельзя было угадать, о чем она думала. В зеркале воды — тяжелая волна волос, внимательные глаза, тонкая рука с браслетом. Ты ли это, Аира?

Над озером кружит большая красивая птица-скопа. Тихо и ясно. Ушли облака за дальнюю сопку. Птица с лета бросается вниз, взметнув столб брызг. И ей повезло сегодня: с добычей набирает она высоту. Потом как бы зависает в вышине. И мокрые перья ее встают ды-

бом, топорщатся, и в мгновение ока птица отряхивает с себя воду. На лету. Под ее темными крыльями — радуга. Мы оба машем птице рукой. Только Аира не видит меня.

Я начинал понимать ход событий. Не случайно Ирина Стеклова интересовалась проектом. Красноречивее всего об этом рассказал мне ее дневник. Обеспокоенный ее долгим отсутствием, я, не сказав никому ни слова, пробрался — да, тайно! — пробрался к ней домой и прочел его, с первой страницы до последней. О многом я догадался, теперь стало ясно остальное. Мы были квиты: когда-то на «Гондване» Аира выкрала запись, подаренную мне Япковым...

То, что происходило у нас под боком и носило название «Проект «Берег Солнца», было, по существу, первой попыткой управлять излучением звезд. Попыткой многообещающей. И не было лучшего способа ознакомиться с проектом, чем принять в нем непосредственное участие. Она так и поступила. Еще один шаг — и принцип можно распространить на любую другую звезду, в другом уголке вселенной... Тогда, наверное, нетрудно отвести губительные лучи от далекой планеты, вернуть ей жизнь, историю, цивилизацию. Где-нибудь по соседству, на другой планете, нужно установить концентратор, собирающий лучи, и отражатель, уводящий их подальше, в мировое пространство. Звезда сразу поблекнет, световые нити протянутся в стороне от планеты, минуют ее.

Именно это она поняла и стала работать с нами. Но кто поверил бы Ирине Стекловой, если бы она вдруг заявила, что это единственный и самый быстрый способ помочь другой планете? Ведь истина всегда побеждает в борьбе мнений. Зато у Аиры было гораздо больше шансов сразу убедить в своей правоте. Так я понимал теперь происходящее.

Аира хорошо узнала нас. У нее было много времени для знакомства. Она работала с нами бок о бок; лучше

не придумаешь. Наверное, отбросив личину, она оставила знания. У нее был дневник, и я не смог бы при всем желании опубликовать его полностью: сведения казались всеобъемлющими. Ее раздумья о проекте были интересны и даже мне дали много нового.

У нее была кассета с записью того, что случилось в фитотроне. В ее руках были все ключи к дальнейшим контактам. Что она предпримет сегодня, завтра, послезавтра? Гадать бессмысленно. Я не смог бы предсказать тогда, на «Гондване», что станет с ней и увижу ли я ее вообще когда-нибудь. Думаю, что никому это не удалось бы тоже.

Но нарек Энно относительно высокого уровня развития той цивилизации оказался оправданным. Этот современный язычник, все время стремящийся освободить человека от «технического абсолюта» и вернуть его хотя бы частично в лоно природы, неожиданно оказался пророком. Недаром даже дикари, реконструированные его воображением, зачастую обгоняли Колумбов и Магелланов.

Так уж получалось, если прислушаться к нему, что у них-де и память получше, и руки попроворнее. Если не у всех, то у тех из них, кому можно бы присвоить титул «первобытный инженер» или «первобытный землепроходец».

...Сознаю: никакие мои рассуждения не помогут до конца постигнуть Аиру и ей подобных: слишком уж непохожи они на нас (не внешне, разумеется). Она, однако, не удержалась, чтобы не искупаться в озере в тот же день... Рядом с ней вольная гладь нагретой солнцем воды — некогда нужна была вся память многих поколений там, у нее на планете, чтобы хотя бы мысленно воссоздать такой же вот озерный ландшафт.

С другого берега я смотрел, как она плыла, как легла на спину, доплыв до середины, и отдыхала на воде, и от рук ее расходились мягкие волны. Найдется ли чело-

век, который сможет передать это словами?.. Хотя бы в будущем или в прошлом? Странная мысль.. Некогда, не так уж давно, легче было найти человека, который был бы на «ты» с природой. Лет эдак сто — сто пятьдесят назад. Ему только осталось бы угадать Аиру, предвосхитить ее визит к нам. Потом взять перо... Почему бы нет? Тогда много фантазировали.

...У меня закружилась голова. Было вокруг так светло и прозрачно. И что-то подсказывала память. Может быть, мне было все же легче, чем этой женщине, купавшейся в озере? Вспоминать ли?..

Береза шумная, юная, на берегу стояла,
Береза взглянула в воду, испуганно затрепетала,
Бежать бы скорей, бежать бы, косы свои развевая.
И не смогла. И заплакала. А почему — не зная.

Я подошел к березе, чистой такой и белой,
Нож вонзил беспощадно в ее молодое тело,
Жадно напился соком — кровью ее живою,
Упал и заснул.... Береза шумела над головою.

Мне снились мои потери, мне снились мои печали,
И ветви твои, береза, сочувственно трепетали.
С ножом в руке я проснулся — короток сон злодея...
Голубее могло быть небо, но быть не могло грустнее.

ИЗ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ В КОСМИЧЕСКУЮ

Помню, как робел и даже смущался, когда сказали, что Ольмин примет меня. Неловкость моя объяснялась просто: я когда-то хотел стать тем, чем был он, но мне это не удалось, как я ни старался. Дело, выходит, во мне самом: других причин выдумывать нечего. Я знал, что мы почти ровесники. А вот он достиг...

Правда, у него был институт, но на этот счет я не обманывался: именно ему принадлежат главные результаты. Я довольно хорошо разобрался в сущности его ра-

бот. В них было как раз то, что может вестись в одной незаурядной голове, но никогда не уместится — целиком или по частям — в нескольких. Когда проект за­ро­ждался и были рас­счи­таны первые схемы реакторов, он пред­ло­жил использовать потоки солнечных корпускул. Они до­пол­няли конус, делали его как бы плотнее. И были тем «подруч­ным» мате­ри­алом, который вдруг посча­ст­ли­вилось найти. Оставалось придумать способы их фо­кусировки, чтобы они легли в тело конуса, образовали его стенки и вместе с частицами реакторов и ускорителей стали тем самым волноводом, по которому пошла бы энергия от Солнца к планете.

Из этого возникло целое направление.

Через год схему реактора забраковали: ни одна земная установка не потянула бы такой нагрузки. Ольмин включил в рабочий цикл обратную связь: первые порции солнечной энергии достигали Земли и вливались в поток обменной камеры. Они вызывали усиление нового, второго по счету, импульса. И этот импульс был во много раз мощнее первого: он как бы впитал в себя и земное и солнечное тепло. Конус очерчивался резче. И потому ливень фотонов был от импульса к импульсу щедрее.

Перспектива открывалась безграничная: это напоминало самофокусировку. Но попробовал бы кто-нибудь до Ольмина намекнуть на самофокусировку солнечных лучей в пустоте. Думаю, даже фантазировать на эту тему считалось смешным.

И вот я должен с ним встретиться... Моя жалкая гордость проснулась: теперь-то все эти и многие другие идеи казались простыми. Мне представлялось одно время, что и я смог бы сделать то же самое... Но я был человеком из другого мира, и мне даже не полагалось как будто заниматься этим. Кто я? Журналист. Репортер, как некогда называли себя отдельные представители нашего ремесла. И никакие автоматические запоминающие устройства, термопластические записывающие приборы и

авторредакторы, которые пришли на смену авторучке и пишущей машинке, не меняли положения. Когда-то я отрекся от себя. Или, может быть, нашел себя вновь, кто же знает...

А Ольмин как будто угадывал, о чем я думаю. Мы говорили в первый раз около получаса, потом я встречался еще раза два, но эти встречи были короче.

...Никакой позы, ни малейшего намека на нее. Позже я признался себе: на его месте я бы так не смог.

В тот первый день я понял, что это его статья повинна в происшедшем. Это она обезоружила меня много лет назад, когда я начинал заниматься теорией отражения волн от корпускул. Но я не сказал об этом. Словно предчувствовал, что придет время, когда это признание поможет мне.

Он вовсе не производил впечатления бесстрастного рафинированного интеллектуала: с виду человек вполне обычный. Только ответы и реплики строже, и не однажды казалось мне, что он не только со мной, но и еще где-то в другом месте. На берегу. В институте. У реактора. У него иногда появлялось такое выражение на лице, точно он собирался сказать что-то важное. Глаза вдруг засветятся, я умолкну, и он молчит: оказывается, думает о своем. Но эту невнимательность он ловко маскировал. Я тоже умею это делать. Вопрос легко запомнить, даже не поняв смысла, а через минуту вернуться к собеседнику оттуда, из своего далека, и ответить, рассказать... И все же он ни разу не сбился: говорил твердо, негромко, уверенно, как будто действительно был все время со мной здесь, в просторном кабинете с не преломляющими свет невидимыми стеклами.

Он среднего роста, во время разговора вдруг встает и делает несколько шагов по комнате, садится на место, и тогда лучше всего видно, что он одновременно размышляет и о своем.

У него яркие каштановые волосы, как у древнего

кельта, довольно подвижное лицо. Трудно предположить, что он знает все или почти все, что знает собеседник, и никакой вопрос не застанет его врасплох. Но это, наверно, так. Может быть, я слишком быстро поверил в него.

Я простил ему его успехи, его злополучную статью, наконец, его популярность. Однажды он с интересом посмотрел на меня: кажется, мне удалось задать нестандартный вопрос. Но вообще я старался не выдавать себя: жалкое, должно быть, вышло бы зрелище.

Я успел угадать за его неторопливыми, даже медлительными жестами странную энергию, почти одухотворенность. И что меня покорило, так это как раз то, что он пытался ее маскировать. Ему было приятно скрывать это от других.

Кое-что он упрощал. Намеренно, как мне показалось. Я шел навстречу его желаниям и поправлял его. Когда речь зашла о программах астрономических и физических исследований, связанных с проектом, он рассказывал совсем о несложных вещах.

Кто скажет наверное, сколько именно исследовательских станций нужно построить на Венере в будущем году или сколько ракет послать для исследования околозвездного пространства?

Ясно, что чем больше средств будет предоставлено одним, тем меньше останется их другим — арифметика проста, задача решается элементарным вычитанием. Но кому доверить это единственное арифметическое действие?

Тут он замолчал и улыбнулся чему-то своему.

— А вы знаете?.. — начал я и вдруг выложил все, что успел разузнать об Аире.

Ольмин слушал меня с таким выражением лица, будто и понятия не имел о происшедшем. Но это было не так, я догадывался... И если даже Ирина Стеклова исчезла совершенно неожиданно для него, он мог поду-

мать что угодно. Кто знает, чего ему это стоило. И мне вдруг стало неловко.

«Не хватает ему как будто других хлопот. Отрывать его от работы просто бесчеловечно, как ты этого не понимаешь, чужак, — подумал я о себе. — Сама Аира, наверное, не захотела бы, чтобы он знал правду. Его работа нужнее. И ей тоже». Я замолчал, не пытаясь продолжать этот туманный разговор. И заметил, что он как будто рад моему молчанию... Мне оставалось одно: старательно вникать в дело.

Ольмин познакомил меня со строительством, с главными объектами, и я постепенно стал смотреть на происходящее его глазами — внимательными, зоркими глазами физика, готового задуматься над кажущейся простотой явлений. Магистральные теплоотводы на берегу уходили в тоннели и тянулись на многие километры под морским дном — это я хорошо знал, но без него никогда не удалось бы мне так отчетливо представить, что же происходило там, под многометровой толщей воды. И как удавалось наращивать длину этих гигантских удавов, тела которых составлялись из сверхпроводников, а чешуя и скелет — из прочнейших сплавов. Как по мановению волшебной палочки, конструкции опускались в тоннели и там соединялись намертво очень простым способом.

— Метод холодной сварки один из самых новых, — рассказывал Ольмин. — Он изобретен приблизительно 2000 лет назад. Здесь нет ни противоречия, ни парадокса. Древние кельты открыли показавшийся им очень легким способ соединения металлов: нужно лишь отшлифовать золотые пластинки и накрепко прижать одну к другой. Металл прочно соединялся. Через две тысячи лет стало известно, что это замечательное свойство объяснено особенностями атомной структуры материалов.

Поверхность металла — своеобразный магнит. Ее атомы притягивают посторонние молекулы, оказавшиеся

в их силовом поле. Молекулы азота, кислорода, воды, влекомые электрическим полем атомов, так утрамбовываются этим полем, что давление в тоненьком пограничном газовом слое доходит до тысяч атмосфер. Газовая броня — одно из главных препятствий для сварки.

Заменим в нашем маленьком рассуждении молекулы газа атомами металла — сущность явлений останется в принципе той же, но эффект будет иной: вместо образования бесполезной «брони» произойдет то, что мы называем холодной сваркой.

Я опускался в тоннели и видел своими глазами, как, сверкая до боли в глазах, уходила вдаль, скрываясь за поворотами, металлическая лента. Ее секции сваривались друг с другом. Металл хорошо передавал рассеянное тепло и выравнивал поле температур; и его нечем было заменить, когда речь шла поистине о космических масштабах.

Из эпохи поздней бронзы до нас дошли круглые золотые коробочки (диаметр 38, высота 25 миллиметров), хранящиеся ныне в Ирландском национальном музее в Дублине. После второго рождения холодного метода (1948 год) эксперты нашли на этих золотых реликвиях несомненные следы сварки.

Древние коробочки с незатейливыми украшениями, золото, туго свитое в круглые вензеля... Быть может, справедливо было бы выдать патент на холодную сварку их гениальным создателям!

— Вряд ли, — заметил Ольмин и продолжил мысль.

Метод-то уж очень прост. Разве трудно представить себе древнего ювелира, изготавлиющего в поэтической обстановке почти первобытной хижины украшения для вождя племени и старательно озирающегося по сторонам: не подсмотрел бы кто-нибудь за его искусной работой?

Однако впервые сварка была применена, вероятно, при изготовлении глиняных сосудов. Влажная глина,

воск, парафин, смолы, пластмассы легко склеиваются, и сварка бронзовой эпохи справляется с ними куда лучше, чем с металлами.

— Донный поглотитель тепла — это не керамическая безделушка! — сказал я.

— Вы внимательны к деталям, — заметил он, и в этом замечании мне почудился подтекст. (Снова Аира!)

Не надо бы вмешиваться... Какой прок от моего праздного рассказа о ней? Ведь знал же, знал, что он знаком с Ирипой... с Аирой. Если Ольмин ни слова тогда не сказал мне в ответ, значит, считал лишним... меня, конечно. «Пора быть умнее, Глеб, — подумал я. — И сдержаннее. Давно пора. Слушай — и учись...»

(...Оказывается, сварка на холоде любит чистые металлы, без окислов, без малейших следов жира, влаги и адсорбированных, «прилипших» молекул газов. Под большим давлением поверхностный слой металла разрушается и частично растекается. Обнажаются, выходят на поверхность чистые, так называемые ювенильные слои. В местах их контакта и получается соединение.

Если, сдавливая две пластины, одновременно передвигать одну относительно другой, то выступы, на которых происходит их действительное соприкосновение, разрушаются. Поверхностный слой исчезает быстрее, чем от одного лишь давления, — начинается сварка сдвигом, как ее сейчас называют. Сварка сдвигом требует давлений во много раз меньших.)

И я видел, как механические руки гигантов киберов делали все это, составляя грандиозное сооружение из труб, лент и металлических шаров-накопителей.

Один из киберов погиб. Я видел на экране, как подкосились его механические ноги от непомерной нагрузки и сверкающий левиафан рухнул вниз, на самое дно тоннеля, а на него обрушилась целая секция, смяв его блестящий кожух и прозрачный ксиролевый купол про-

граммного управления. Это было за три дня до катастрофы, если мне не изменяет память. Именно с этого дня перешли почти исключительно на сварку сдвигом. Нагрузки уменьшились, но возникла опасность вибраций, на которую сначала не обращали внимания.

А в это время над Землей, на высоте тридцати тысяч километров, заканчивали монтаж колец дополнительных отражателей. Там парили в невесомости почти разумные электрические существа, и я собрался к ним в гости. Ольмин напутствовал меня:

— Там все обстоит гораздо проще. Раз нет атмосферы, значит, к металлу не прилипают молекулы газа. «Брони» нет. Нет окислов и влаги — еще одно преимущество. Вот почему в космическом вакууме работать легче. Холодная сварка может даже стать нежелательным спутником в космических экспедициях и происходить самопроизвольно там, где ее не просят.

Представьте себе демонтаж космического устройства. Люди в скафандрах, металлические конструкции в духе Уэллса, накрепко схваченные болтами... Пробуют отвернуть гайки на крышке какого-нибудь лунного генератора — напрасный труд! Гайки приварились к крышке. Болты слились с металлом. Холодная космическая сварка! Тут, смотришь, шкивы приварились к осям — сварка сдвигом! — там на машину налипли какие-то лунные самородки. Аврал: нужно резать автогенем!

Разумеется, этого не будет: специалисты вовремя разобрались в секретах маленьких золотых коробочек из Ирландского национального музея.

КАТАСТРОФА

Вечером накануне катастрофы ионолет доставил меня с орбиты на одну из станций Приозерья.

Проснулся я рано и сразу же вылетел на Берг Солнца. В дороге узнал о случившемся.

— Море прорвало свод третьего тоннеля, — лаконично известили меня.

Я знал, чего стоило проложить под морским дном этот третий тоннель. Там сплошные скалы, едва прикрытые осадочными породами. Подходы к тоннелю начинались у линии старых металлургических бассейнов, где после прилива скапливалась морская вода — потом она постепенно вытекала сквозь фильтры, собиравшие уран, золото, платину, мышьяк. Один из бассейнов был взорван, и на его месте создана площадка.

Отсюда стартовал тоннель два года назад. Его жерло было похоже на кратер вулкана, я помню старые фото. Он шел наклонно вниз, пробивая себе путь через шельфовый участок, а выходная его чаша могла бы поглотить без остатка небольшой остров, вздумай он опуститься на дно, как сказочный град Китеж.

Два года работы увлекли людей, твердо уверовавших, что более фантастической мечты еще не приходилось претворять в жизнь. Я сам испытал это чувство: проект впечатлял. Мне казалось, ничего более значимого для всех нас не делалось с тех пор, как запустили искусственное сердце планеты — дейтериево-водородные станции на океанском дне.

И вот стряслось... Настоящая беда... Что станет с проектом, если тоннель будет затоплен? Миллиарды кубометров воды не так-то просто потом откачать. Я не говорю уже о том, что сооружение придет в полную негодность. Тогда, наверное, будет легче прорыть новый тоннель, чем восстановить старый. Значит, еще два года, ну год... Я теперь болел не только за судьбу проекта. Но еще и за Ольмина. И еще один человек ждал завершения работы с нетерпением... Все надежды Аиры связаны с возможностью управлять излучением звезд.

...Каждые пять минут я включал экран и старался хотя бы угадать контуры сооружения, спрятанного так глубоко, что проникающее излучение передатчиков ин-

форма едва достигало нижних горизонтов. По этой смутной картине только и можно было понять, что водопад расширял свое русло, целая река устремилась внутрь тоннеля, и поток набирал силу на глазах. Я наблюдал первые попытки определить масштабы катастрофы. Две автоматические морские «черепахи», опоясанные многотонными свинцовыми кольцами балласта (чтобы не втянуло внутрь!), приблизились к прорану и выполнили рекогносцировку.

За ними стала подтягиваться техника. Но все происходило как-то убийственно медленно. Час полета на эле заставил меня понервничать. Я видел, как от берега отошел транспорт, груженный гигантскими бетонными блоками и заградительными фермами. Как я узнал позже, на берегу еще не представляли тогда всей опасности.

— Частично размыт свод третьего тоннеля, — монотонно повторяла невозмутимая девица информа в ответ на мои вопросы, — техника спешит к месту катастрофы. Дежурный оператор ранен. Других происшествий не отмечено.

Я связался с институтом, но Ольмина не застал. Мне даже не потрудились ответить, где он сейчас. Я едва пробился к Телегину. Он холодно взглянул в мою сторону, его темные глаза были непроницаемы.

— Прилетите на место, сами узнаете, — пробурчал он и выключил связь.

Я погрозил кулаком. Мне оставалось десять минут полета.

Эль обогнул сопку и ворвался в последний распадок перед возвышением: за низким перевалом был Берег Солнца. Но третий тоннель был дальше. А то место, где разворачивались главные события, — это шельф у самого материкового склона. Я решил нырнуть на берег, сменить машину. На универсальном эле я мог подобрать к прорану. Мне подвернулась чья-то неплохая посу-

дина. Я спикировал на нее, как ястреб: оставил свой эль — и свечой вверх.

Вызвал дежурного. Боже, чего стоило добиться от него нескольких слов! (Никто всерьез не принимал мои шансы в этой игре. Более того, я был лишним.)

— Да, там люди... — хмуро ответил он. — Ситуация нестандартная. Руководит Николай Карин.

— Карин! — воскликнул я.

Я хорошо знал молодого инженера из Болгарии. Он был еще и режиссером в придачу.

Это он рассказал мне, как во время первой киносъемки в его жизни, когда он еще и не думал об окончательном выборе жанра, очаровательная Соня Беланова убедила его. Нет, не словами. Снимался эпизод: Он и Она. Через минуту они должны расстаться. Они еще что-то говорили друг другу. Между ними прозрачный шлюз орбитальной станции. Слов уже не слышно: видно только Ее лицо. Она улыбается, пытается что-то сказать... плачет. В этот момент на лоб Ее упала прядь волос. Еще немного, и Она закроет глаза, тогда прощай лента, съемку придется повторять. Но две орбитальные станции разойдутся через минуту-другую. Дубль возможен только в принципе: съемка в космосе! Карин показал знаками: Соня, волосы мешают. И в тот же момент увидел на руке ее кольцо, которого по сценарию быть не должно. «Кольцо!» — воскликнул он в отчаянии. И увидел: Беланова снимает кольцо, причем за кадром, так что камера этого не чувствует, освободившейся рукой поправляет волосы — и все это время играет... Да еще как! Ее лицо тогда заставило его поверить в чудо перевоплощения. И это было самым сильным впечатлением, которое когда-либо на него производило искусство.

Карин там... у тоннеля.

— Что с ним? — крикнул я, включив связь.

— Прекрасно себя чувствует, — ответил дежурный

и, помедлив, добавил: — По-видимому, в отличие от вас.

Что со мной? Так сильно взволнован? День такой... просто такой день.

Дежурный доложил обо мне Телегину. Телегин — это машина, изобретенная Ольминым. Точнее, найденная где-то. Машина почти неумолимая, точная, как интегральное уравнение. В шутку говорили, что Ольмин никогда не бывает доволен собой, кроме тех разве редких случаев, когда поручает дело Телегину. Тот всегда действует «в духе Ольмина». И это у него лучше якобы выходит, чем у самого шефа.

Телегин вышел на связь. Спросил, что я собираюсь делать. Я ответил общими фразами, спросил о Карине. Что там происходит?..

На вопросы Телегин отвечал кратко, несколько скупых, скороговоркой произнесенных фраз ничего не проясняли. Я ломал голову: что же он собирается делать? И как вообще обстоят дела на третьем участке? Настал час, когда я стал сомневаться в Телегине: а вдруг он и сам не вполне отчетливо представляет положение?

Я решил на свой страх и риск: туда, скорее...

Вода была спокойной, прозрачной. В километре от берега еще ничто не наводило на мысль о катастрофе. Я вел машину над самым дном. Только серый песок, лишенный растительного покрова, груды камней и следы подводных бульдозеров нет-нет да и напоминали о том, что несколько месяцев назад здесь прокладывали тоннель. Дальше, я знал, своды его переходили в огромный подводный зал, где ленты охладителя отдавали тепло. Из этого зала, или камеры, как ее называли, разогревшаяся вода шла по другому тоннелю в океан.

На ее пути были шлюзы, контрольные створки, измерители, сигнализаторы: все это для того, чтобы следить за температурой каждого кубометра, за колебаниями в сотые доли градуса. Артерия несла поток, равный

большой реке. Тоннель надежно изолировал его от океана — до поры до времени, конечно.

Постепенно расширяясь, артерия переходила в подводный канал, такой широкий, что скорость воды замедлялась. Отсюда начиналось медленное течение. Если бы тепло переносилось открытой на всем протяжении струей — не избежать бы размыва грунта. Кроме того, образовалась бы мертвая зона, штормы и естественные течения уносили бы нагретую воду бесконтрольно в любом направлении, и это нарушило бы природные условия во всем районе.

Таков был проект. Тоннели пока пустовали. В зале устанавливалась аппаратура охладителя. Под морским дном неторопливо двигался «водяной крот». За ним другая машина — «морской змей» — тянула низкотемпературный трубопровод. Они почти достигли цели, когда вода прорвалась в зал теплообменников. Предполагали, что легкий подземный толчок вызвал резонанс конструкции. Два монтажных кольца, каждое диаметром в добрую сотню метров, разошлись на какие-нибудь три-четыре миллиметра. В этот зазор давление вогнало упругое широкое лезвие плотной соленой воды. Удар пришелся по основанию конструкции, и одно из колец начало терять устойчивость. Грунт размыло, и в проран втягивались новые и новые массы воды.

Вот и все, что я узнал, пока эль нес меня вперед, туда, где отряд «морских черепах» беспомощно кружил над сооружением. На моем экране было видно, как механические животные касались лапами дна, всплывали, несли в лапах какие-то продолговатые предметы, падали камнем вниз и опять всплывали и бесцельно кружились. Вот уже четверть часа одно и то же: бесстрастное, спокойное движение «черепах», неуклюжие курбеты, бесполезная суета.

Я не мог разобраться, что же там происходит. Увидел водолаза, он как будто бы дирижировал этими безли-

кими созданиями. Потом водолаз скрылся, и на подводный холм выполз бульдозер, покрутился и пропал из кадра. Серый полусумрак. Шальной луч прожектора. Тени танцующих «черепах». Тишина. Тревога.

Дно постепенно опускалось. Подо мной был шельф. Эль шел так низко над грунтом, что за ним поднималось облачко мути. Испуганно шарахались рыбы. Один раз я попал в самый центр скопления кальмаров. Они нехотя уступали мне дорогу, занятые какими-то своими делами.

Меня засекли с берега. На экране я увидел усталое, злое лицо Телегина. Я не сразу признал его.

— Возвращайтесь! — приказал он. — Вы вошли в опасную зону.

— Я знаю, — сказал я мягко и выключил экран.

Я не хотел, чтобы затянувшееся объяснение отрывало его от дела. А возвратиться я не мог. Через несколько минут я вывел эль к «черепашьему» стаду.

Вблизи все выглядело не так, как на экране. Вокруг моего эля море кипело. Со дна вырывались пузыри, это напоминало извержение. «Черепахи» подпрыгивали над кипевшим дном. Одна из них задела эль, и я услышал глухой скрип ее лапы, сминавшей обшивку. Я отошел в сторону, в эль просочилась вода. Потом за приборной доской я увидел прозрачную дрожащую струйку, она прилипала к стенке и бежала под ноги. Стало слышно клокотанье. «Как в котле, — подумал я. — Где же Карин?»

В этот момент я увидел почти фантастическую картину. По дну двигалась машина бульдозера. Перед машиной выросла гора песка; вот бульдозер влез на холм, и струи воздуха стали разбрасывать его добычу. Камни уносились, как песчинки, вверх и падали на дно в ста метрах от бушевавшего подводного кратера. Но автомат упрямо вел пятисоттонную машину прямо туда... Вырвалось огромное серебристое облако, среди воздушных

масс мелькали доски, металлические листы, обрывки кабелей.

Через минуту я увидел, как бульдозер покачнулся, его плоский нос приподнялся, замер и вдруг пошел, пошел... выше, выше... Машина опрокинулась. Гусеницы продолжали яростно двигаться, точно неведомое чудовище отбивалось от врагов, но это было беспомощное барахтанье, не более того. Тревожно замигали его красные глаза. Подплыли две «черепахи» и попытались приподнять махину. Тщетно. Им не удалось даже пошевелить его массивное тело.

Несколько минут «черепахи» кружились вокруг — медленно и бестолково. Потом удалились. Это лучшее из того, что они могли сделать.

Как зачарованный смотрел я на это столпотворение. Изредка то здесь, то там пробегали лучи прожекторов, их свет вырывал из грязно-серой воды механические лапы «черепах», тускло отсвечивающие панцири, их ношу — прямоугольные бетонные блоки, за которыми они поодаль от меня опускались на дно. Там стоял гул. Это с транспорта бетон сбрасывали прямо в воду.

Один раз я с удивлением заметил рядом полосатую рыбку. Она попала в луч прожектора и заметалась, теряя равновесие. На ее боку я рассмотрел бело-розовую царапину. Рыба попала под фонтан пузырей. Ее подхватило, перевернуло и бросило вверх.

В ста метрах от моего эля появился водолаз. Он был в легком серебристом костюме, снимающем давление. В рукава его встроены искусственные мышцы, но, несмотря на это, человек выглядел стройным, даже изящным среди неуклюжих созданий, подвластных его воле. Я медленно приближался к нему. Это был Карин. Он как-то странно замахал руками. Я не понял. Эль плыл к нему. И тут подо мной стало подниматься дно. На моих глазах рос холм.

У подножия его стоял Карин и махал руками, словно пытался оттолкнуть меня вместе с элем.

А я никак не мог взять в толк, чего же он хочет от меня. Я рад был, что он жив-здоров. Меня качнуло. Я догадался, но было поздно. Если бы я включил экран раньше... С вершины холма сорвались грохочущие струи воздуха. Эль накренился. Меня выкинуло из сиденья, и я покатился к дверце.

За стеклом серая мгла, перемежаемая вспышками прожекторов. Гигантские пузыри хлопали и бурлили, как в кипятке. Обшивка дрожала. Я держался за ручку и ждал того главного удара, который должен был неминуемо последовать, окажись эль над самой вершиной холма. И он последовал. Эль подскочил вверх сразу метров на двадцать. Я покатился по боковой стенке кабины, потому что эль перевернуло и смяло. Между краями дверцы и обшивкой образовалась широкая щель, в которую хлынул поток.

Я успел удивиться, что машина сравнительно медленно наполнялась водой и что я сам еще цел... Эль был теперь неуправляем. Я был его пленником. Надежды на автоматику покинули меня сразу же: во-первых, машины этого класса строились по самым упрощенным схемам, во-вторых, ситуация была слишком сложной. Даже мне сейчас не под силу было разобраться, что делать, окажись я в состоянии управлять: ложиться на грунт под защиту неуклюжих, но надежных «черепаш», которые как-нибудь, наверное, с грехом пополам вызволили бы меня, или подниматься, всплывать.

Второй путь показался мне предпочтительнее: я вряд ли успел бы надеть водолазный костюм, эль быстро наполнился бы, и мне тогда крышка, несмотря на усилия «черепаш».

По мере всплытия давление уменьшалось, и я бы выбрался из машины сам, без посторонней помощи, если

удалось бы достичь глубины в пятнадцать метров. Мне даже не понадобился бы костюм.

Каким-то чудом я подтянул тело к панели управления. Меня снова швырнуло в угол, но я все же дотянулся со второй попытки до ручки. Дал полный ход. Эль всплывал. Двигатель еще работал.

С каждой секундой глубина уменьшалась... Но и кабина все быстрее наполнялась водой. Я встал и с трудом удерживал равновесие. Машину швыряло и крутило, как в водовороте. Вода, заполнившая кабину, демпфировала толчки, и я пока держался. Теперь я, пожалуй, не смог бы даже разыскать спасательный костюм, не то что надеть его.

Я знал: должен наступить такой момент, когда, преодолевая сопротивление, я открою (или выломаю) дверцу и, уцепившись за ввод наружной антенны, поплыву к солнцу. Теоретически я мог бы дожидаться, пока машина сама поднимет меня, но при этом я терял несколько мгновений. Мой подводный плен продолжался бы и после того, как я оказался бы наверху. Там, на поверхности моря, я был бы заперт в кабине, и последних моих сил, быть может, не хватило бы, чтобы выйти наружу, на волю.

«Нужно во что бы то ни стало открыть дверцу по пути, не теряя времени», — думал я. Правая моя рука ощущала металл полированной ручки. Вода доходила до плеч. Я бултыхался и держался так, чтобы можно было дышать. Голова начинала гудеть от резкой перемены давления.

«Быстрее, — торопил я машину, — вверх, вверх! Вот сейчас, досчитаю до тридцати и дерну ручку, — подумал я, — раньше нельзя — раздавит. Один, два... восемь... шестнадцать...» Я сделал последний вдох. Воздух вышел из эля, и только под золотистым пластиковым сводом остался небольшой пузырь, но я не смог бы до него дотянуться.

Я замедлил дыхание, закрыл глаза и продолжал считать. Двадцать два, двадцать три... двадцать восемь... Пора! Я рванул ручку. И понял, что дверь заклинило. Смятый металл сопротивлялся.

Несколько раз я пробовал потрепать металлический лист, словно это было животное, способное откликнуться на ласку. «Ну же, — бормотал я, — давай-ка открывайся!» Дыхания у меня хватило бы на три-четыре минуты.

Но я не спешил сделать последний рывок, когда напрягаются все мускулы, когда в один лишь порыв человек вкладывает все, на что он способен. Все силы. И все умение. Я лишь постепенно готовился к нему. Я нашел точку опоры для ног. Сиденье оказалось достаточно прочным для этого. Мое правое плечо и рука должны были послужить тараном.

Все зависело от того, насколько я сумею согласовать движение тела, ног и плеча. Точно три пружины, сложенные вместе, они должны резко выпрямиться. Три толчка должны сложиться вместе, тогда получится нечто вроде выстрела, который вышибет дверь. Я в этом был почти уверен.

Иного выхода не было. Но если пружина окажется слабой, тогда... Сон, потеря сознания — и вряд ли меня выловят «черепахи». Никто просто не знает, в каком я оказался положении.

Я готовился к последнему прыжку. Но у меня не должно было остаться ни малейшего сомнения в успехе. Уверенность удваивает силы. И я убедил себя. На это ушла минута. Следовательно, у меня оставалось их еще две-три... Но на последней минуте рывок получился бы слабее. Значит, нужно считать до шестидесяти, не больше. Я готовился, я старался почувствовать каждый мускул, даже клетку моего тела.

Так, наконец-то... Я резко выпрямился. Это был страшный удар, от которого вмиг онемело плечо. Дверца

отозвалась глухим звуком. Она подалась, погнулась. Я мог просунуть наружу руку! Но не мог выйти сам.

Пауза. Полминуты. Еще удар. Почти такой же сильный. Я задыхался. Голова кружилась. Кажется, я глотнул воды. Но дверь распахнулась. Я медленно, осторожно выплыл. Чего там; я действовал сейчас по законам механики и физики, как «черепахи». В моем распоряжении было несколько секунд и ни одного лишнего движения. Эль поднимал меня.

Внизу грохотала лавина. Там по-прежнему метались лучи прожекторов, точно молнии в грозовой туче.

Вода казалась светлее, давление не расплющило меня, значит, мы были где-то на подходе к поверхности. «Наверное, не более десяти метров, — решил я. — Шесть секунд — и мы всплывем». И тогда я вдруг понял, что в следующую секунду потеряю сознание. Просто не вынесу, так хотелось дышать. Хотя бы просто выдохнуть воздух. И я стал выпускать воздух. Эль шел медленно, что-то не ладилось в его механизме, изувеченном подводной катастрофой.

Ну же! У меня потемнело в глазах. Виски стали горячими. И в тот же момент мы вынырнули на поверхность. Когда я вдохнул воздух, я почувствовал боль в груди. Какая-то пелена застлала глаза. Потом отошло.

Стало легче... совсем легко. Вокруг море, светлый оком, приволье. Только в стороне, в полукилометре от меня, вздымалась живая гора. Там бурлила вода, и трехцветная радуга блеклой полосой подрагивала над ее склонами.

«Как далеко нас отнесло! — подумал я. — Возможно, это течение... Нет, наверное, машина шла наклонно вверх. Значит, я пробыл под водой немного дольше, чем мне полагалось».

Я заметил океанский лайнер, который шел к берегу. Думаю, это был тот самый лайнер, что сбрасывал над прораном блоки. Его очертания быстро таяли. Там, у горизонта, было желтое небо, а над головой синели плотные облака, и воздух казался прозрачным, колючим, каким-то электрическим. Эль мой ушел на дно; двигатель его внезапно остановился, чихнув. Машина легла на бок, словно устав, и тихо погрузилась. Я нагнул голову, осторожно открыл в воде глаза и смотрел, как она описывала спираль и становилась все меньше. Подо мной была прозрачная прохладная вода.

Я поплыл в ту сторону, где должен был быть берег и где минуту назад виднелся лайнер. Меня не пугало расстояние. После случившегося я был готов к чему угодно, мне не хотелось только, чтобы меня искали, и нашли, и, как провинившегося школьника, водрузили бы наконец на спасательный эль и, обогрев, обласкав и пожулив, доставили бы на берег.

Я скорее почувствовал, чем увидел, неясную продолговатую тень в воде. Она скользила впереди меня, на глубине примерно двадцати метров. Она пропала и появилась вновь; вот плавно ушла вправо, грациозно изогнувшись. Серое, гибкое тело. Это была акула. Я пристально наблюдал. Она описывала широкий круг.

Кто знает, что привлекло ее сюда. Может быть, пузыри, клокотавшие над тоннелем. Или мое беспомощное барахтанье. В ней было, пожалуй, метра три. Молодая изящная рыбина. Делать было нечего. Я продолжал плыть, только стал внимательнее. Совсем не хотелось такой вот встречи.

Было что-то унижительное в том, что я сейчас боялся ее. Схватка была бы слишком неравной, и у меня не осталось никаких иллюзий, когда эта живая торпеда

стала круто сворачивать ко мне после каждого захода. Да, это моя персона привлекла ее внимание.

Я представил себе, как после шестого или седьмого круга она проскользнет подо мной, показав белое брюхо, и что из этого выйдет. В кармане моего пиджака чудом уцелел карманный компьютер с памятью, что-то вроде записной книжки. На панели его после каждого обращения к блоку памяти выскакивают такие симпатичные желтые цифры и надписи вроде: «Вы перепутали адрес и время события, проверьте еще раз!» Не соблазнится ли акула этим удивительно умным прибором и не примет ли его за желанный деликатес? И я всерьез, а не в шутку полез в карман, достал компьютер и только тогда опомнился... Да, это пришел страх.

Я поворачивался после каждого ее маневра так, чтобы оказаться к ней лицом. А она все ближе подбиралась ко мне после поворотов. Оставалась одна надежда на спасение: не показывать ей, что я боюсь ее. И делать вид, будто я купаюсь по собственной воле. Слабое утешение. Так, кажется, записано в старых морских книгах о правилах вынужденного этикета во время непредвиденных встреч такого рода. Я завидовал легкости, с какой рыбина скользила в глубине: похожа она на умную, сильную машину. Ни одно творение рук человеческих с ней не сравнится.

Я включил компьютер, чтобы он светился и мигал, и вытянул руку. Акула шла прямо на меня. Нас разделяли десять метров, не больше. Это был ее последний заход. Я догадался, понял: движения противника были смелы и решительны, все сомнения, если только их можно приписать этой чудо-машине, отброшены. Ее механический мозг точно рассчитал траекторию.

И тогда я увидел неожиданное зрелище.

Из прозрачной воды, светло-серой, пронизанной желтоватым светом, из самых глубин к нам навстречу подни-

малась гигантская белая глыба. Какое-то бесформенное тело.

Я почувствовал движение воды, ее упругое давление. В трех метрах от меня акула отвернула, испугалась. И тут же из воды выпрыгнула льдина, настоящий айсберг. С нее стекали шумные струи, она матово отражала свет неба, края ее опускались круто вниз, и отвесная стена льда казалась бесконечной, уходившей до самого дна.

Я перестал понимать происходящее. Махнул на все рукой и полез на этот айсберг, выбивая углубления моим компьютером.

Там, наверху, было прохладно, но заметно суше. Никогда раньше я не увлекался альпинизмом, зато хорошо понимал теперь чувства настоящих спортсменов: нелегко им в пути, но как здорово растянуться где-нибудь в укромном уголке, на ледовой вершине и после всех тревожений лениво созерцать окрестности, затянутые легким туманом.

...Надо мной в сторону берега пролетела стая крылатых киберов.

СТРАТЕГИЯ ПОИСКА

На айсберг опустился эль, подобрал меня и, замерзшего, невеселого, посадил в парке перед старинным дворцом. Ночью комната, куда меня определили, наполнилась теплом, синими потрескивающими искрами, и я понял: меня лечили во сне.

Утром мне стало лучше, но руки и ноги были как деревянные, для полного здоровья чего-то не хватало. Оправдались опасения: меня решили задержать здесь, в этом вместилище гармонии и древней, полузабытой красоты. За мной наблюдали, словно я впал в детство. Несколько дней благородного безделья были обеспече-

ны: мне не разрешали работать. На третий день стало тоскливо, и я стал жаловаться. Наблюдение за мной усилилось. Я попался, как школьник, при попытке к бегству.

Если бы можно было поселиться где-нибудь в лесной избе, в одиноком доме, куда идешь-идешь и конца не видно дороге! Забрести туда и потрогать руками бревенчатый, высушенный солнцем сруб, а потом войти.

А здесь, у стекла большого зала, как в раме, красовались ослепительные облака и море. «Ну что тебе надо? — подумал я. — Как жить-то будешь?» Какое-то чувство обыденности и безысходности охватило меня, и я подумал, что тысячу раз уже спрашивал себя о том же, а мимо молча и быстро летели дни и годы. Другое «я» заставляло меня мучиться от бессонницы под южными звездами, вдыхать ночные запахи, и думать, и мучиться — это «я» было равнодушно к ясным линиям солнечной живописи.

Можно ли представить в этом зале прощание князя Андрея Болконского с маленькой княжной? И как бы прозвучали эти два запомнившихся слова: «Андрэ, уже?» — здесь, среди этого великолепия, в пространстве, очерченном высокими плоскостями стен и квадратом матового потолка? Здесь — у сказочного берега, в те далекие времена казавшегося наверняка недостижимым. Или несуществующим. Как прозвучал бы этот простой вопрос на французском? Из большого старинного романа, населенного сотнями почти живых людей?

Нет. Здесь мог бы быть бал — праздник для тех, кто вроде быстроглазой Наташи Ростовой впервые попал бы сюда. Здесь могли бы шуршать нарядные платья, благоухать шелка, сиять глаза молодых и скользить по обнаженным плечам колющие взгляды стариков.

Но здесь нельзя было представить женщину, задавшую тот короткий вопрос.

В парке был заброшенный, засыпанный отжившими

листьями и древесной ветошью угол, куда я забирался, чтобы поскучать и подремать в тени больничных тополей. Однажды подошел человек в пижаме, и мы долго беседовали. Никогда не доводилось мне — ни до, ни после — слышать более резкие отзывы о проекте «Берег Солнца».

— Поймите, это утопия чистейшей воды, — повторял он так убедительно, что я напрягал все внимание и пытался уловить суть его аргументов.

— Но есть расчеты, — возражал я.

— Это несостоятельные расчеты. Ничего хорошего ждать не приходится. Вспомните, сколько было неудач на пути развития науки. Тупики неизбежны. Мы на них учимся.

У него был высокий лоб, редкие седые волосы и темные, «опаленные страстью и мыслью» глаза. Он долго говорил о человеке и человечестве, и я никак не мог поймать нить его рассуждений: он возвеличивал античную культуру, высыпал, как из рога изобилия, ворох старых афоризмов и речений древних философов. Жесты его были так энергичны, а интонации так убедительны, что я не мог возразить ему. Это было воинствующее неприятие второй природы, созданной руками человека. Он старательно отделял человека, мысленно как бы очищал его от «технических примесей».

— Вспомните, — говорил он, — крылатое изречение столетней давности: если война — продолжение дипломатии, то автомобилизм — продолжение войны, только другими средствами. Вспомните и скажите: разве все дороги и магистрали любого типа не опасней действующих вулканов? Разве можно когда-нибудь точно установить причину аварии или катастрофы? И разве любые технические новшества не приносят столько же огорчений, сколько преимуществ? Вспомните, что еще в Древнем Вавилоне загрязнение реки каралось смертной казнью. И несмотря на все строгости, во многих класси-

ческих очагах цивилизации, где лопаты археологов отрывают развалины дворцов, великолепные скульптуры, чудесные сосуды, простираются ныне сожженные солнцем пустыни.

— Но что же вы предлагаете? — спросил я.

— Человеку нужно взглянуться внутрь себя. Вспомните старую истину: познай себя!

— Но можно ли познать себя, не проникая все глубже в окружающее пространство, не знакомясь с устройством мира и удивительными механизмами природы? Одним словом, не изменяя ничего вокруг?

— Можно и нужно. Мы уже столкнули с места гигантские костяшки домино. Пора остановиться. Нам все труднее предвидеть последствия изменений. Может быть, завтра нас с вами не станет...

— Я не боюсь этого.

— Вы обманываете меня и себя! — запальчиво воскликнул он.

— Ничуть. Я познал себя.

Он растерянно остановился и пристально взглянул на меня, но, не найдя в выражении моего лица ни одной иронической черточки, как будто успокоился. С этой минуты его одолела непонятная апатия. Он иссяк, так и не найдя во мне сторонника.

На следующий день он явно избегал меня. А я подумал, что он говорил в общем-то довольно безобидные вещи: все равно это неосуществимо. А если вдруг... что будет, если бы все так думали и действовали? Не вернулось бы человечество снова к истокам цивилизации? Да нет, костяшки домино действительно падают. И в этом движении — и только в нем — залог будущего. Нужно только попристальнее всматриваться в даль и в глубь мира. Он же сам себе противоречил, вспоминал я, разве не погребены памятники Месопотамии под песками, несмотря на то, что загрязнение реки каралось тогда смертной казнью?

...Потом стала подкрадываться неподдельная зеленая тоска, я связался с Андреем Никитиным и попросил выручить. Он опустился на эле прямо посреди парка, к ужасу моих попечителей и попечительниц, и выкрал меня среди бела дня.

— Куда тебя? — спросил он. — В город? На берег?

— На берег.

Через четверть часа я был в этом благословенном месте. Там сдержанно гудели машины и под поверхностью моря шла непрерывная работа: подводные исполнины прокладывали шахты и тоннели, как муравьи, таскали невероятные тяжести и застраивали дно наподобие фантастического инопланетного города.

Телегин отчитал меня. Я и не пытался оправдываться, я понимал, что доставил хлопоты и кругом виноват. Айсберг, вспомнил я... айсберг. Что это было?

— Мы заморозили тоннель, — сказал Телегин, — и соседний участок дна. Вода замерзла. Стало сухо. Вот и все. Потом подремонтировали тоннель.

— Здорово придумано.

— Идея Ольмина. Подали жидкий газ и заморозили весь аварийный участок. Маленькая льдинка всплыла, и вы успели на ней покататься.

Телегин был доволен произведенным эффектом, настроение его изменилось к лучшему, и мы разговорились. Мне запомнились его рассуждения об успехе и стратегии поиска:

— Успех... успех приходит неожиданно. Случай помог когда-то Рентгену открыть лучи, названные его именем. Неверное рассуждение натолкнуло Беккереля на открытие радиоактивности. Редкое стечение обстоятельств — и Флеминг обнаруживает целебные свойства пенициллина. Но, знаете, мне кажется, что власть случая можно преодолеть или, во всяком случае, свести его влияние к минимуму. Я думаю даже, что можно говорить о стратегии успеха. О, это совсем особая линия по-

ведения исследователя. Или большого коллектива. Путь человеческой мысли нелегок. Оглянитесь назад, посмотрите в прошлое... Рентгеновы лучи могли быть открыты намного раньше, чем о них возвестил Рентген. Сразу за открытиями Фарадея мог последовать целый каскад изобретений, предвосхитивших работы Эдисона, Теслы, Герца, Нортонна, Маркони, Попова, Котельникова, Кобзарева. Вероятность появления радиолокации, к примеру, вовсе не равнялась нулю еще в конце девятнадцатого века. А многие последующие открытия и изобретения задержались потому, что внимание и силы исследователей расходовались неоптимально.

Уверен, знаю: нужна стратегия поиска. Предположим, что поставленная задача может быть решена несколькими способами, путями, взаимно не связанными. Другими словами, успех в освоении одного пути никак не облегчает освоения других. Как поступить? Прежде всего, надо оценить степень трудности... И постараться сделать это поточнее. Иными словами, мы заранее должны представить себе эти возможные пути решения. И как ни странно, быть может, прозвучит, на самом трудном пути следует приложить наименьшие усилия, а на других, относительно легких, усилия должны быть самые заметные. Важно, что исследования должны все-таки вестись одновременно во всех возможных направлениях. Ни один из путей нельзя оставить без внимания. Только степень этого внимания должна быть обратно пропорциональна трудности пути. Это первый закон успеха.

Второй закон проще. Есть проекты, которые невысказаны без параллельного решения нескольких проблем. Это наш проект... проблемы ускорения частиц, эффективного поглощения энергии, биологии. И здесь уж поступать надо иначе: чем труднее проблема, тем больше сил и внимания надо уделить ее разрешению.

— Но каждая из проблем подчиняется все же первому закону?

— Да, при ее решении надо применять первый закон. Найти независимые пути. Дальше понятно...

— А если речь идет об одном человеке. Представьте себе на минуту ученого-одиночку. Скажем, теоретика. Пример несколько абстрактен, но все же это возможная модель.

— Закон индивидуального успеха? Вот он: наибольшие усилия уместны там, где все благоприятствует решению проблемы.

— Значит, надо избегать препятствий?

— Нет. Это не так. Препятствия неизбежны на любом пути... Нужно правильно выбирать направление поиска. Это выгодно всем. Но выбор направлений — тоже проблема. Кому ее поручить? На любом пути будут достигнуты результаты. Но требуется другое... быстрее получение решений. Прошрое оценить легко. А перед нами — будущее. Для меня это будущее — наш проект.

СВЕТИЛЬНИК МИРА

Так назвал Солнце Николай Коперник. Этот светильник рядом, почти под рукой. Нас разделяет только сто с небольшим солнечных диаметров. Вместе со светом планета ловит невидимую пыль, состоящую из корпускул, заряженных и нейтральных. Наше светило само является излучателем и одновременно ускорителем, потому что давление лучей подталкивает, разгоняет частицы.

...Я заметил у Телегина альбом в кожаном переплете с золотым тиснением; в нем собраны копии публикаций, относящихся к вопросу «свет — частицы». Там есть материалы двухсотлетней давности. Настоящая коллекция. Несколько рефератов я разыскал через информ, но самые древние, по-видимому, еще не успели занять там

подобающее место и, безвестные, ютились в библиотеках старого образца, дожидаясь своей очереди среди груд микрофильмов. Ясно, что найти их там непросто.

Я рассказал ему о фитотроне, зеленом браслете, кое-что об Аире... Он с интересом слушал. Еще раньше до него доходили слухи; где-то была опубликована опрометчивая заметка; мой же рассказ убедил его. (С недоверием воспринял он лишь намек на то, что Аира и Стеклова — одно и то же лицо.)

— Как просто! — сказал он. — Если остался камень с письменами, то почему там не могла сохраниться жизнь, хотя бы ценой перехода в простейшую из форм? Впрочем, подождем, когда оттуда вернется новый корабль... Вас интересовал альбом? Если хотите, можно взглянуть. Общий каталог по теме равен... — он задумался, подыскивая сравнение.

— ...пирамиде Хеопса, — подсказал я.

— Вот именно, — подтвердил он. — Здесь вы найдете первые сведения о фокусировке электромагнитной энергии с помощью частиц. — Он любовно перелистывал альбом. — И, представьте, это известно еще с двадцатого века.

— Неужели?

— Да. Только эксперимент поставила сама природа. Как и в случае с атомной энергией. Почти два миллиона лет назад на Земле действовали природные урановые реакторы. И не искусственные управляющие стержни, а обыкновенная вода, просочившаяся в подпочву, содержащую уран, регулировала цепные реакции. Если помните, находки в Западной Африке подтвердили это. Республика Габон, местечко Окло, шестидесятые — семидесятые годы двадцатого века... Точно так же нашли в природе и волновод для солнечной энергии. Правда, это были не лучи видимого света, а короткие радиоволны. Вы не знакомы с нашумевшей в свое время историей, когда с Земли послали радиосигналы и получили из кос-

моса ответ? О, это взбудоражило умы! Ни один физический парадокс не вызвал такой волны противоречивых публикаций. И начало ей положили отчеты Карла Фредерика Штёрмера, члена Норвежской академии наук и литератур в Осло, иностранного члена Парижской академии наук и Лондонского Королевского общества, а с 1934 года — почетного члена Академии наук Союза. Это был замечательный ученый. Он разработал стройную теорию полярных сияний, предложил методы расчета траекторий заряженных частиц в магнитном поле Земли, которые обогатили не только науку о Земле, но и физику и математику... Я расскажу вам...

И вот что я услышал.

Однажды (это случилось в декабре 1927 года) сосед Штёрмера, инженер и радиолюбитель Йорген Халльс, рассказал ученому о явлении, свидетелем которого ему довелось быть. По его словам, через несколько секунд после сигналов мощной коротковолновой станции в Эндховене (Голландия) слышались отклики. В декабре того же года Штёрмер договорился с Эндховеном о сеансах радиопередачи. Первые опыты начались в январе. Прием вели две станции: в Форнебо и Бигдё. Обе станции располагались близ Осло. Станция в Бигдё — это станция того же Халльса. Радиопередатчик в Эндховене посылал сигналы через каждые пять секунд. Они регистрировались с помощью осциллографа. Ясно фиксировались импульсы радиостанции в Эндховене. Станция в Форнебо обнаружила и отклики. Но Йорген Халльс слышал их гораздо отчетливее (в буквальном смысле слышал, потому что он вел прием на громкоговоритель). Целые серии непонятных импульсов. Объяснения пока не было.

Летом следующего года состоялась встреча Штёрмера с радиофизиком Ван-дер-Полем, работавшим в Эндховене. Они договорились посылать стандартные телеграфные посылки (три импульса — три тире). Период

повторения таких тройных посылок составлял 20 секунд. От осциллографа решено было отказаться.

11 октября в 15 часов 30 минут Штёрмер услышал отчетливые отголоски. Через несколько минут позвонил Халльс, и Штёрмер немедленно направился к нему. Громкоговоритель Халльса отчетливо воспроизводил импульсы. Позже Штёрмер вспоминал:

«Как правило, каждый сигнал порождал отклик, а иногда даже несколько. Обычно отзвук, как и сигнал, также имел три тире, иногда, однако, они сливались, случалось, что отклик затягивался в более длительный звук, чем сигнал. Высота звука была та же, что и у сигнала».

Именно здесь, на квартире Халльса, ученый записал промежутки времени между сигналами и отзвуками: это и были знаменитые серии Штёрмера, которые впоследствии неоднократно публиковались в газетах и журналах. А вот еще одно свидетельство ученого:

«Отмеченные мной периоды времени не притязают на точность, поскольку я не был достаточно подготовлен, но они дают, по крайней мере, качественное представление о данном явлении. По словам Халльса, он до моего прихода наблюдал несколько отголосков через три секунды».

25 октября Штёрмер зарегистрировал несколько отзвуков с очень большой задержкой — до 26 секунд. Затем наступила пауза. До февраля следующего года явление не наблюдалось. А в мае французские инженеры Галле и Талон зарегистрировали около двух тысяч отзвуков, причем задержка их относительно импульса передатчика иногда превышала 30 секунд. Результаты их наблюдений опубликованы: это довольно сложная таблица, в которой вряд ли можно уловить какую-нибудь закономерность.

Тридцать с лишним лет спустя после этих опытов профессор Стэнфордского университета Брейсуэлл вы-

сказал предположение об автоматических зондах иных цивилизаций на околоземных орбитах. Такие зонды могли быть обнаружены и возле других планет нашей системы. На одной из своих лекций он заявил:

«Если мы рассмотрим ресурсы биологического конструирования, представится правдоподобным, что некоторое отдаленное общество может создать породу космических посланцев, имеющих мозг, но не имеющих тела, впитавших традиции своего общества и распространяющих их в основном бесплодно. Однако некоторые из них окажутся средством распространения межгалактической культуры».

Такой биоприбор настолько чувствителен, что легко обнаружит радиосигналы планеты даже на большом расстоянии. Это будет означать, что цивилизация достигла зрелости. «Будем ли мы удивлены, — спрашивал Брейсуэлл, — если первым его посланием к нам будет телевизионное изображение созвездия?»

Через несколько лет Льюэн, Илиев и Гилев сделали несколько попыток расшифровать серии Штёрмера под углом зрения Брейсуэлла. У английского астронома Льюэна получилась карта созвездий северного полушария. На графике он откладывал точки, соответствующие интервалам между сигналом передатчика и откликами, а по другой оси координат — порядковые номера импульсов.

Звездная карта соответствовала одиннадцатому тысячелетию до нашей эры. Это указывало, по мнению Льюэна, время прибытия космического зонда к нам. Звезда, оказавшаяся немного не на своем месте, — эпсилон Волопаса — привлекла его внимание и подсказала ответ: автомат послан именно оттуда.

Болгарские астрономы во главе с Илиевым пришли к другому выводу: космический посланец прибыл со звезды дзета Льва.

Я не удержался от восклицания:

— Результаты не очень-то согласовались между собой!

— Они скорее взаимно исключали друг друга, — отозвался Телегин, — но не мешали новым расшифровкам. Это даже стало модным увлечением, особенно после того, как популярные журналы почти одновременно опубликовали по несколько вариантов полученных «звездных карт». Но слушайте дальше... Уже в январе 1929 года Штёрмер предсказал, что с конца октября и до середины февраля откликов не будет. И объяснил результаты опытов, исходя из своей теории движения заряженных корпускул в магнитном поле Земли. Удивительная по красоте теория. Позвольте напомнить, что его метод нашел применение при расчетах ускорителей и позволил вычислять время и продолжительность откликов.

— Дальше, пожалуй, ясно... Магнитное поле Земли «закручивает» заряженные корпускулы, посылаемые Солнцем, получаются замкнутые волноводы. Это кажется сейчас таким естественным, что имя самого Штёрмера ра остается в тени.

— Его работа читается как роман. Она увлекает.

— Вам так кажется?..

— Удивительная ясность стиля. Старая школа. Машины с их искусственным интеллектом еще ни в коей мере не могут подменить собой интеллект естественный. Да... Он нашел условия образования ливней частиц, объяснил эхо, а астрономы после него еще десятки лет возвращались к проблеме. И никто не догадался перечитать самого Штёрмера. Вы-то быстро сообразили, что тут происходит. Это любопытно.

— Моя настоящая специальность, — заметил я. — Когда-то давно занимался этим. Но мне пришлось знакомиться с ливнями частиц в обратном порядке. С конца, если так можно сказать. До звездных карт мы так и не дошли. А вот что корпускулы образуют своеобраз-

ную карусель вокруг планеты, это понятно. Пояс, тор. В нем и блуждали радиоволны. Время от времени их принимали станции Халльса и Штёрмера. Стенки тора для них — зеркало.

— Такой же волновод, какой мы собираемся испытать здесь скоро...

— Но на этот раз он будет полым внутри, похож на конус и протянется к Солнцу. А вместо радиоволн в него попадутся, как в ловушку, световые лучи.

— Но первый эксперимент поставил все же Штёрмер... А на этой странице — микрокопия статьи Галилея о небесных видениях.

— Полярные сияния?

— Да, представьте, он угадал механизм. Вдоль магнитных силовых линий Земли движется некая субстанция, которую он именует магнетическими парами. Если заменить «магнетические пары» современным термином «электрические заряды», получится то, что надо. Ведь до него считали, что сияния сродни свечению паров серы, исходящих из земных недр. А вот реферат брошюры некоего Морфью, опубликованной одновременно со статьей Галилея. Одно ее название чего стоит! «Очерк, касающийся последнего видения в небесах 6 марта. Доказательство математическими, логическими и моральными аргументами, что оно не могло быть вызвано обычным ходом явлений природы, а с необходимостью должно быть чудом». Но рвение наблюдателей чудес все же оказало науке неоценимую услугу. Гораздо позже подсчитали полярные сияния за последние 2000 лет и открыли солнечные циклы. Корпускул поступает к нам тем больше, чем больше пятен и вспышек. А в 1928 году их было как раз много. Обратите внимание: вот здесь видно, как действует Солнце на ионосферу, это постоянное электрическое зеркало прямо у нас над головой. Тот же

Брейсуэлл, давший когда-то путевку в жизнь гипотезе о космических зондах, обнаружил снижение одного из слоев ионосферы на пятнадцать километров во время «ливня» из частиц.

— Я внимательно выслушал вас, но не нашел прямых доказательств того, что сигналы Штёрмера не искусственного происхождения.

— Разве это не ясно?

— Это не очевидно.

— И вы туда же... Кольцевой волновод — это факт. Корпускулы становятся спутниками Земли. И радиоволны, попадая в такой поток, начинают циркулировать вокруг планеты. Часть их энергии просачивается к приемникам. Не так уж это сложно... По Штёрмеру, частицы должны войти в такую зону пространства, которую им покинуть уже не удастся. А вот слова Штёрмера: «Математическая теория показывает, что благоприятствующие этому условия наступают тогда, когда корпускулы исходят от Солнца, стоящего вблизи магнитной экваториальной плоскости».

— Это ничего не доказывает.

— Как же так? — возразил Телегин.

— Разве зонд, принимающий радиосигналы еще на дальних подступах к Земле, не может обнаружить и пояс заряженной солнечной пыли? А обнаружив, использовать его для задержки и фокусировки ретранслированных импульсов. Ведь так можно передать любое сообщение... Принять, усилить наши же сигналы, потом излучать их под нужным углом, слегка поворачивая антенну!

— Не проще ли передать самостоятельную серию?

— Ее легко пропустить. Приемник должен быть настроен на частоту передатчика. Наш приемник. И слушать мы должны в то самое время, когда ведется передача. Согласитесь, что опыты Штёрмера создавали для космического зонда самую благоприятную си-

туацию, о которой может только мечтать любой радиоспециалист. Даже с другой планеты.

— Вы это всерьез?

— А почему бы нет? Это так же просто, как и естественный волновод.

— Значит, вы считаете, что серии Штёрмера переданы с борта инопланетного зонда?

— Нет. Пока нет. Но мне кажется, что и отрицать это нет оснований, — сказал я и подумал: «Видел бы ты ночные огни в тайге, милый теоретик!»

— Но импульсы серий были разной силы, они казались размытыми, искаженными. Такое случилось бы после многократного отражения их от границ заряженного пояса. После долгого путешествия их вокруг Земли. Два, три, четыре витка — и только потом они поступают на вход приемника.

— То же самое верно и для инопланетных сигналов. Ведь зонд мог только управлять числом витков, посылая ретранслированные импульсы под разными углами. Они тоже, конечно, размывались.

— Наш разговор утратил перспективу.

— Как всегда, когда речь идет о старенькой проблеме контактов.

ИЛЛЮЗИЯ. СТРИЖИ НАД ХОЛМОМ

Прощальный круг над Солнцеградом — и я поднялся над облаками. Они тянулись вереницей, провожая меня. Я уж подумал, что за крайним облаком — мой дом, но здорово ошибся, до него было еще далеко, и белые айсберги не раз успели закрыть землю до горизонта, прежде чем в зеленой проруби я увидел огни портовых маяков.

Кажется, я летел по прямой, заблудиться было мудрено, иногда проглядывала всхолмленная равнина,

гребни невысоких гор; тающая теплая дымка над заливом, знакомая река; но пространство необъяснимым образом расширилось, разрослось, и я был уверен, что проплутал лишний час. Справа садилось солнце. Оно опускалось на холодные облака, на причудливо изрезанный оком, потом стало пропадать ненадолго в голубовато-дымчатых торосах облачного океана. Наконец, исчезло в его глубинах. Только у самого моего города, нырнув за ним вослед, я нагнал его. Сплюснутый тусклый шар норовил уйти за лесистую сопку, и тут уж я не угнал бы за ним.

По пути случилось вот что.

Я вспомнил про ночные огни в тайге, когда мы с Янковым собирали коллекцию растительных редкостей. Небо над облаками было чистым, удивительно ясным, и от меня не ускользнуло бы ничто похожее на эти огни, пояись оно здесь, сейчас. Я стал изучать окрестности, но они были пустынные. Вокруг громоздились ледяные замки. В ложбинах облачных гор лежали синеватые тени.

Эль бежал на предельной высоте, и я поглядывал вокруг. Несколько минут я всматривался в каждую выемку небесного ландшафта с одним желанием: увидеть движение в этом застывшем хаосе. Но его не было.

Только раз почудился голубоватый шар, висевший над выступом большого облака, взметнувшегося высоко над заходившим солнцем. Но и он неподвижен, мертв.

Тогда я попытался представить, как выглядел бы такой огонь здесь в предзакатный час, на фоне белых зубцов облачных гор. Я мысленно начертил его контур и отправил в полет рядом с моим элем. И следил за ним. Но бесконечно трудно удержать внимание на пустом кружке, выделенном на ватной поверхности.

Я запутался, у меня закружилась голова, и я закрыл глаза.

Судя по всему, я рано убежал из больницы, мне бы не спешить, поддаться лени хотя бы на недельку, слушаться бы всех, кто колдовал там с аэроионами, электричеством и таблетками. Или это просто усталость? Жил-жил себе спокойно, потом попал на «Гондвану», и завертелось вокруг меня, как в водовороте. Всего и не вспомнить. Что осталось? Так, видения, слова... В памяти как будто зарастающая дикой травой дорога в глуши, проселочная, старая, в две колеи дорога с выбоинами. Оглянешься назад: темная зелень охватила ее с боков, древесная ветошь укрывает ее, еще дальше — туман, слабо просвечивают огни... Огни. Я задремал и проснулся. Голова раскалывалась от боли.

Что это я расклеился совсем?.. Огни. Вот о чем я думал. Снова закрыл глаза. Представилось, что будто бы далеко передо мной сидит человек, но какой-то необыкновенный, с просвечивающими сосудами и нервами, и мозг легко пульсирует оттого, что кровь бежит под ударами темного сердца. У него прикрыты глаза. Видны опущенные веки, полоски ресниц. Так и сидит. А в стороне от него смутная, неясная фигура. Кто-то стоит и наблюдает за ним. С тонкой длинной трубой, будто бы и я заглянул в эту трубу и уверился, что через нее видно человека очень ясно. Вот он, совсем рядом, протяни руку — и дотронешься до бьющегося сердца!

Я открыл глаза. Мимолетное сновидение улетучилось. Справа чуть вогнутое стекло эля, за спиной оранжево-фиолетовый край солнца. А голова болит, гудит, как тогда, в день, когда меня сняли с айсберга. В тот вечер, помню, приехал Карин, ругал меня, рассказывал о Болгарии, о вулкане Кожух, у подножия которого на старой плантации водорослей, в бетонных бассейнах собирают до сих пор рекордные урожаи био-

массы, такие, что с ними не сравнится сбор ни в одном месте земного шара, ни на одной из самых современных подводных ферм. И что до сих пор никто не знает, что же там происходит: в очень жаркую погоду масса зеленых водорослей не только не перегревается, как это должно быть, но температура ее снижается на пять-десять градусов. В холодную же погоду, наоборот, вода в бассейнах как будто подогревается, хотя никаких регуляторов на этой станции нет. Предполагают, что это влияние близости вулкана или состава воды из естественных углекислых источников, но достоверного объяснения пока не найдено.

Меня тогда знобило и хотелось спать, но я держался. Сейчас вернулось это состояние. Подумал опять об огнях в тайге. Вспомнил коралловую бусину. А дальше... дальше память не работала, да и все тут. Хотел бы я увидеть огни. Сейчас, за стеклом эля, вон там, справа от меня... хорошенько бы рассмотреть их... Навивно думать, что все открыто нашему любознательному взору и он вечно будет возвращаться на круги своя.

Или, как сказал мыслитель, наши знания о мире кончаются там, где кончается наше поле зрения. Тут уж ничего не поделаешь — или расширяй это поле зрения, или возвращайся к априоризму, к мистике, подводи окончательные итоги, закрывай горизонты, верь в неизменную данность, в твердь небесную.

Как бы я назвал их, эти экипажи, если бы мы нашли способ так же свободно передвигаться в пространстве? Шаролеты? Гравилеты? Да, я совсем забыл вот что: они казались легкими настолько, насколько это можно себе представить. Легче самого легкого пластика.

Что там справа за стеклом?.. Да нет, показалось. Так они и послушались меня. Моего желания далеко не достаточно, чтобы шаролет появился здесь, рядом,

безразлично откуда — из прошлого, из будущего, с другой планеты. Даже если мое желание угадано или прочитано, как читают, например, мысли и желания по выражению глаз у ребенка, то есть еще такая вещь — технические возможности. Что бы там ни говорили, неограниченной скорости нет. Бесконечность нельзя преодолеть в мгновение ока. Да и любое конечное расстояние — тоже. Не так уж давно шагнули за световой барьер.

Допустим, возможен какой-то обмен информацией, и однажды, кажется, я участвовал в попытке такого рода. Достаточно ли моего желания для повторения? Вряд ли. Ребячество. Такая техника не подчиняется мысленным просьбам.

Край солнца за спиной почти угас. На стекле я увидел оранжево-желтые пятна. Их было четыре. Они перекрывались на половину диаметра, и место их пересечения было чуть бледнее, чем круги-лепестки. Иллюзия, бесспорно. Я повернулся лицом к стеклу — круги не исчезли. Держались на нем. Только медленно поплыли в сторону. За облаками тлели последние искры солнечного тепла. Я разглядывал рисунок на стекле. Головная боль утихла. Круги начали соединяться, слились в один. С минуту он плавал на стекле, потом неожиданно исчез.

Оптическая иллюзия, что же еще. Другое объяснение, пожалуй, не подходило. А почему, собственно, не подходило? Понять несложно: если найдено простое и естественное объяснение, зачем искать другие... Как в случае с культурой водорослей, о которой рассказывал Николай Карин. Стоп. Нет ли здесь ошибки? Не запятан ли в этих фразах принцип экономии мышления? Сложно все. Почему?.. Рано обобщать? А что произошло?.. Светящийся круг на стекле. Иллюзия. Оптический обман... Иллюзия?

Я набрал код команды для автоводителя и откинул-

ся в кресло. Эль нырнул вниз, в темно-зеленый просвет между облаками. Солнце уходило за лесистый гребень сопки. Внизу раскинулся город.

Эль приземлился рядом с домом. Тут все было по-старому, я медленно поднялся по лестнице, открыл дверь, зажег свет. Радостно проверещала ручная белка. Я вошел в спальню, не раздеваясь лег и проспал до утра.

Потом был суматошный день в редакции, и к вечеру следующего дня я отрешился почти от всего, что связано с Солнцеградом, как будто был там давно-давно.

Метеоспутники предсказывали неблагоприятную погоду.

— Возможен тайфун, — сказал мне Никитин, — по это не страшно, пожалуй.

— Это плохо, — сказал я, — отражатель этой солнечной машины похож на парус. Снесет его. Откуда прогноз?

— Прогноза пока нет. Будет завтра.

— Интуиция?

— Звонил один синоптик... сам решает уравнения, машинам не доверяет.

— Посмотрим. Коли так — Берег Солнца под угрозой. Новости есть?

— Метеорит шлепнулся. В нем нашли сто девять алмазов.

— Естественно. Давление, температура. Если графит буксировать сначала на орбиту, а потом сбрасывать вниз, алмазы только подбирай! Был такой проект. Нужны капсулы, присадки, немного топлива, ракеты, ну и сам графит, разумеется, только очень чистый.

— А я не слышал об этом.

— Нет, Андрей, не уважаешь ты жанр научного предвидения. Тебе бы в физики ненадолго податься. Образование пополнить.

— Смеешься?

— Нет. Хотел, да вдруг раздумал. Какая от этого мне корысть?

— Ну то-то. А то бы не сказал...

— Не удержался бы!

— Ей-богу, не сказал бы. Промолчал.

— Все зависит от того, что ты собирался сказать. Если про «Гондвану», то поздно, я сам знаю. Молчи себе на здоровье.

— Знаешь, да не все. К тебе тут приходили.

— Кто?

— Старичище один.

— Энно, значит. Куда они теперь?

— Пока стоят здесь. Говорит, скоро к Берегу Солнца.

— Пойду с ними. Похлопочи, чтоб отпустили.

— Ты уж совсем туда перебирайся, что ли.

— Это мысль. Ты иногда рассуждаешь, как взрослый.

— Это лучше убеждает таких, как ты.

— Ты на настоящем корабле плавал?

— Зачем? Есть эли и полная связь.

— Да. О вкусах не спорят... Я пошел.

— На «Гондвану»?

— Нет. Сегодня на ночь забегу домой, а завтра — в редакцию.

— Тогда до встречи.

— До завтра.

Было тихо, хорошо, солнечно. Близился вечер. Я вспомнил прошлогодние прогулки и улетел в тайгу. За тридевять земель. На это ушло полчаса. Забрался в незнакомое место, искупался в озере. Поспевали ягоды, было много грибов, плескалась рыба. На песчаном плесе по щекам мягко били плюшевые верхушки рогоза. В широкий ручей зашла стая форели, я гонялся за рыбой. Стало весело. Как рукой сняло усталость. Для того и жить теперь, чтобы забывать, что было рань-

ше, — и от этой мысли меня не покорило. Память — это след огня на стекле эля, но не сам огонь.

Под рифмы стихов и звон ветра я побежал на вершину холма. Строчки путались в голове, я захлебывался ими и начинал другие, новые, чтобы и их отвергнуть через минуту.

Незабываемо солнце, если оно висит над холмом — большой красный шар. Теплый-теплый. Лучше, чтобы на вершине была редкая трава, сухая земля, чтобы бегали муравьи и стрекотали серые кузнечики. Тогда один час стоит целого дня.

На этот раз мое желание исполнилось. Холм был именно таким.

Я наблюдал, как опускался желтый лучистый шар, и подставлял ему ладони, и чувствовал, как тепло пронизывает меня. Вокруг сияние, даже под ногами. Золотые и серебряные нити паутины и сухой травы, вдаль зеркало воды, гранитная влажная скала у ручья, брызги.

Я лежал на спине. Трава не закрывала меня от лучей. Они все равно грели лицо и руки. Иногда тревожил тишину несказанного вечера смятый крыльями птиц воздух — слышалось как будто бы движение спешившего зверя, его частые хищные вздохи — это крылья быстрых стрижей на поворотах резали предзакатную синь. Я уснул.

Какая-то тревога разбудила меня. Я спохватился: не потерял ли я подаренный Валентиной приемник — вещичку совсем крохотную, которую я носил вместо брелока? Прямо перед мной, над самым горизонтом, горело красное солнце. Пылающий тревожный закат... От солнца исходило последнее слабое тепло, впервые видел его таким большим... как будто расстояние до него сократилось, и потому даже остывающий шар еще грел. Я встал на колени и шарил в траве.

Темнело. Тревога не покидала меня. «Жаль, — думал я, — как же так получилось?»

Я разворошил муравейник у старого пня, где муравьи прорыли ходы среди сухих корней... Напрасно.

Я беспомощно озираясь по сторонам. Спустился в лощину, стараясь идти той же дорогой, какой шел сюда. Перебирал звонкие трубки камыша у студеного ручья, резал руки осокой. Подарок Валентины исчез. Солнце закатилось. Я умылся. Холм стал сумрачным, я еще различал то место с примятой травой, где лежал. Побрел к элю широкой просекой, открывшейся среди деревьев. Нашел эль, добрался домой. На столе увидел брелок, подаренный Валентиной. Я забыл его утром взять с собой.

ЗДРАВСТВУЙ, «ГОНДВАНА»!

Полдень. Солнце. В километре от меня покачивалась «Гондвана». Но так лишь казалось — ленивые пологие волны обтекали ее борта, теплое марево укачивало ее, и глаза мои беспомощно искали точку опоры у зыбкого окоема.

Я ждал Энно. Мы договорились встретиться в полдень, но он опаздывал, и я поглядывал в ту сторону, где высился над водой корабль. Наконец черная точка... Лодка, шлюпка, каноэ, проа, плот, индейская пирога или долбленка. Только не эль. Я успокоился: все было в порядке. Вошел в воду и лег на спину. У меня еще было время.

Пассажирский терраплан с выпуклыми стеклами бежал над морским берегом на фоне сосен и пихт. И в это мгновение запомнились: спокойные волны, аромат смол, серая галька, тишина.

...Мы обнялись. Я оделся и забрался в каноэ. Традиционная морская прогулка, и вот — «Гондвана».

У самого борта стоит и улыбается Соолли.

В прошлом году на Байкале она встретила Янкова. И теперь он прилетал сюда на эле, как когда-то я. Она верила, что он скоро переберется на корабль. Навсегда. Я не стал ее разочаровывать.

Что она делала на Байкале?.. О, это интересно. Что я знаю о живой воде?.. Все. Пусть поверит мне или проверит. Последнее?.. Ну что ж, я могу правдиво, без преувеличений рассказать, как все произошло...

Есть такая история. С начала рождения Земли никто не видел и не пробовал живой воды. Но о ней шла молва. Не добыть ее ни мечом булатным, ни стрелой острой. Только мудрым откроется тайник. Кому удастся заметить, как солнце расплетает на закате свои косы-лучи, какое плечо оно опускает ниже, тот найдет верную дорогу. Пошел герой легенды искать живую воду, вязал плоты и плыл по рекам и озерам, шел через пороги на лодчонках-калданках, бежал на лыжах, подбитых мехом, скакал на оленях.

Семь раз скрывалось солнце за вершиной земли и наступала долгая ночь, семь раз наступало светлое-пре-светлое лето. А он шел и шел, летел, спешил. Встречь солнцу. В дальнюю страну, что широко и привольно раскинулась на юге, где играло великое озеро зеленовато-огненными волнами, где заросли тальника примяты ногами великанов точно трава.

Стоят стражи у озера, стерегут непокорных, тех, что случайно прослышали о живой воде и пришли сюда. По левую руку от каждого — гора белых костей. Ни капли целебной воды не дали они. Никому.

И вот крылатый олень с золотыми рогами пробежал по берегу. Затаился человек, понял, что силой не отнять клада у великанов. Слезло солнце с оленя, распустило свои косы и вошло в воду. Засверкала вода, засияла. Купается в озере солнце, набирается новых сил: завтра

снова скакать на золоторогом олене, обогревать мир людей. Приугасла вечерняя заря, над землей заструился серебристый туман, замерцало озеро на прощанье, в последний раз вспыхнули зеленые волны, улеглись на покой. Скрылось солнце, ушло до утра в подземный замок, где вечно гудит огонь, клокочет жидкое пламя, где текут черные реки и карлики стучат молотками — куют сабли и мечи героям, ладят подковы их коням, нанизывают бусины на золотые нити для сказочных принцесс.

В ночном сумраке, таясь, как дикий зверь, подполз человек к озеру и наполнил живой водой мешочек из стерляжьей кожи. И подарила она молодость маленькой, высохшей как мумия старухе, что сидела у потухшего чужала, той самой старухе, что потом рассказывала легенду об этой воде, не таясь, своим потомкам, и глаза ее блестели, лучились, а слова не иссякали.

Я закончил рассказ. («Вот и все».)

Но что дальше, удалось ли ей найти это озеро, попробовать живой воды, увидеть крылатого оленя, великанов, искупаться в озере? Мой вопрос был таким же непосредственным, каким был и мой рассказ.

Она сухо ответила:

— Мы нашли живую воду. В источниках на дне Байкала. Потом нашли ее в вулканических трещинах. Собирали по каплям. И поняли, что строение самого простого, всем известного вещества может быть бесконечно разнообразным. Молекулы могут объединяться в нити, заряженные на концах или нейтральные, даже в тончайшие пленки жидких кристаллов. Особые добавки, примеси так изменяют строение, свойства, что невольно поверишь легенде. Но чаще всего необыкновенное проявляется после контакта с подземным огнем, когда невиданные давления выстраивают частички вещества так, что получаются узоры, тонкая филигрань их прозрачна, незаметна и все же достойна удивления...

— В метеоритах алмазы рождаются при столкнове-

нии с Землей. И тут то же самое — давления, температуры...

— Алмаз можно увидеть, его не спутаешь с графитом. Живую воду не заметишь. Прежде всего нужно знать, что ищешь. Это трудно. Мы пока не знаем. Догадываемся.

— Расскажи, что нашли еще!

— Пока только вот что: объяснили гигантизм растений вблизи от вулканов. На Курилах, например.

— А клетки?

— Клетки?

— Нестареющие крупинки. Те, что не гибнут после пятидесяти делений...

— Не знаю. Думаю, вода может все.

— Даже это?

— Увидим. Хочется верить. Будем искать и такую воду.

— Ее нужно поискать в этих клетках... Скоро прибавится хлопот, когда в океане станет светлее. Воду перемешаем с солнцем. Тогда пятая стихия восторжествует.

— Восторжествует.

Представить это нетрудно.

Фотосинтез: свет, тепло, хлорофилл, углекислота. Зернышки-клетки трепещут, пульсируют, как цветы на ковре под руками мастериц. По тысячам световодов бегут кванты, целый поток мерцающих блесток, они соединяются в светящиеся дорожки — будто рухнула горка из детских стеклышек. Зеленые спирали свиваются, захватывают энергию, постепенно меняя рисунок ковра — и тот растет, расцветчивается: светло-зеленая вода пронизана копьями лучей, тень отступила в холодные глубины.

Цепь жизни: одно звено нанизывается на другое, и вот вслед за водорослями спешат освоить новые горизонты другие организмы, разная мелочь — коловратки,

инфузории, едва видимые невооруженным глазом рачки. Живность фильтрует воду, жадно поглощает зеленую массу и растет как на дрожжах. За ней охотятся мальки рыб.

Хорошо бы сделать так, чтобы плотность мельчайших существ была повыше, чтобы вода стала от них густой, как кисель. Попаслись мальки несколько дней и заметно подросли. Глотнул кит морского бульону раз-другой и сыт по горло.

— Природу не обманешь, — лукаво улыбнулась Соолли, — нельзя увеличивать плотность беспречно, даже если дать солнечный свет в неограниченном количестве и добавить в воду азот, фосфор, бор, микро-элементы.

— Почему? Что мешает?

— В воду выделяются метаболиты, продукты обмена веществ. Они препятствуют росту живого. Но мы научились противодействовать им. Осталось главное...

— Последняя преграда?

— Что вы знаете о биополе?

— Ну... — замялся я, — то же, что и все. Что это излучения в широком спектре, что иногда это когерентные колебания.

— Биополе как раз и мешает распространению разных форм жизни. Оно может угнетать рост клеток.

— Кажется, я слышал об этом. Но есть, наверное, выход?

— Мы нашли вещество, молекулы которого поглощают самые сильные компоненты биополя. А потом излучают энергию, но уже в другом, совсем безобидном виде, на других частотах. Мы назвали его бионитом.

Я надолго погрузился в изучение фотографий, которые показывала Соолли: биополя фотографировались по старой методике в высокочастотном конденсаторе. Их светлые лучи причудливо расходились по радиусам.

Но не только по радиусам. Они переламывались, давали ответвления, изгибались, правда, очень редко, как ветви дерева. И очень хорошо было видно, что две сблизившиеся клетки, два зеленых микроорганизма изменяли этот рисунок. Между ними линии сразу укорачивались, а снаружи биополе распространялось далеко, линии его были густыми, яркими.

Точно так же два дерева чувствуют тесноту: ветви их уклоняются наружу, а между кронами они редки, изогнуты, и порой стволы с этой стороны кажутся голыми. Береза, например, угнетает рост сосны, примостившейся у ее подножия. Хвоя, как от невидимого ветра, тянется прочь от березы. Иголки как бы убегают от слишком тесного соседства. Но это лишь внешняя картина. Ей соответствует внутренняя — картина биополя. Оно в точности такое, как крона, как ветви, как иголки на них. Только все начинается как раз с биополя. Это оно дает форму кроне, ветвям, зелени. Оно управляет ростом. Где линии своего поля гуще, ярче, с той стороны и размножаются клетки. А чужое поле может сдерживать их рост.

Значит, биополе побега — это модель его в будущем. Сняв, сфотографировав биополе, можно предсказать, каким будет взрослое растение.

Вместе с Соолли я пришел к любопытным выводам. Я понял, что и форма любого живого существа зависит от собственного его поля, что уже в одной-единственной клетке живет этот светлячок, посылающий кванты; и, поймав их, можно без ошибки предсказать, что же вырастет из нее.

Мне вспомнилось наше маленькое путешествие с Янковым. (Как ни странно, Соолли о нем не знала. Она с интересом слушала, как мы собирали коллекцию дальневосточных растений. Я понимал теперь, чувствовал, знал, почему из каждой клетки вырастает целое дерево, куст или цветок.)

Отсюда один только шаг к инопланетным формам жизни... Я спросил:

— А можно по форме поля одной клетки реконструировать инопланетный организм?

— Да. У нас есть таблицы. Но они верны только для известных, хорошо изученных видов.

— Вот оно в чем дело... Значит, никто не смог бы угадать, что выйдет из инопланетной кувшинки в фитотроне?

— Никто не смог бы этого сказать... И все же кое-что стало бы ясным. Особенно если бы успели изучить тонкую структуру генов. Или тонкий рисунок биополя.

Я понял еще одну любопытную вещь. На долгом пути жизнь проходит разные стадии, поднимаясь по эволюционной лестнице, но не зря же тратятся на это миллионы лет... Личинки и куколки байкальских бабочек, о которых рассказывал Янков, подсказывали вот какую мысль: в самой природе живого скрыта возможность удивительных метаморфоз. Нужно лишь научиться управлять ею. Я подумал о созвездии Близнецов. Аира знала этот секрет.

ТАЙФУН

Тайфун напоминает воронку. Или веретено. Конечно, если наблюдать со спутника. Веретено урагана раскручивается все стремительней, втягивая в свою орбиту тысячи тонн воды, пыли, воздуха. В центре тайфуна его ядро. Эта свободная от облаков зона пониженного давления так и называется — «глаз бури». Облака стягиваются к нему быстрыми нитями, но не могут проникнуть внутрь, точно алмазная стена отделяет их от ядра. Вращение Земли отклоняет тайфун, заставляет его описывать пораболу. Постепенно в центр урагана проникают клочья тумана, море, исторгнув волны, точно вздохи,

постепенно утихает. В конечном счете Солнце рождает тайфуны. И, рожденные Солнцем, они, быть может, лучшее свидетельство его неисчерпаемой мощи.

...Вечером 29 августа тайфун прошел Японские острова, опрокинул мост между Хонсю и Кюсю, вышел снова на просторы моря и продвигался к Берегу Солнца. Его воронка была небольшой, около двухсот километров, но скорость ветра у ядра превосходила все, что было известно до сих пор: никто не помнил такого урагана. Тайфун нарекли «Глория».

Я знал, что третья и четвертая ленты поглотителей тепла не готовы. Не хватило нескольких месяцев работы. Что теперь будет?

Мы с Энно склонились над картой. С точностью до часа он наметил движение тайфуна в Японском море. «Гондвана» снялась с якоря. Остаться у берега было опасно. Энно вел корабль к югу, чтобы разминуться с ураганом. Выходило: он заденет нас краем.

«Что там происходит?» — думал я поминутно. Там — значит в районе Солнцеграда...

— Решено покинуть всем побережье, — пришла первая весть оттуда.

Через полчаса:

— Эвакуация окончена.

Старик оторвался от карты. Глаза усталые, лоб в глубоких морщинах, седые рассыпавшиеся волосы — как загнанный зверь... В глазах тот же вопрос: что будет?

Отражатель, собирающий лучи, унесет, сомнет ветром. Он похож на парус, на огромную бабочку. Волна, рожденная ураганом, накинется на берег, разрушит все на своем пути, дойдет до подножий сопок и успокоится. И схлынет в море, оставив пустынный, мертвый берег. Вот о чем мы думали.

Если бы готовы были охладители, тогда в считанные часы, сегодня или завтра на рассвете можно было

провести эксперимент. Поймать солнечные лучи в ловушку. А теперь? Без охладителей Солнце сожжет берег. Камня на камне не останется. Это пострашней тайфуна. Из двух стихий Ольмин выбрал бы, бесспорно, ветер. Но не Солнце. Небесный огонь страшен, если им не управлять.

Об Ольмине никто ничего не знал. Подобно героям старых романов, он исчез.

Ольмин остался там! В этом я был уверен. Я высказал эту мысль Энно.

Энно посмотрел на меня так, будто я был в чем-то виноват.

— Он остался, ты понимаешь? Он не отвечает на вопросы. Что он затеял?

— Не знаю... не знаю.

Догадка уже промелькнула. Неужели?.. Мне не верилось, но я понимал, что это единственный шанс. Он остался для того, чтобы провести эксперимент. Чтобы поймать солнечное тепло в ловушку.

Вместо поглотителей — сам тайфун. Он хочет заставить его сработать на эксперимент: ветер мгновенно перемещает тепло и холод, поможет первой космической машине человека. Избыток энергии рассеется в двухсоткилометровом кольце урагана. Ветер заменит охладители, которые еще не готовы. Стихия против стихии! Вскоре это стало ясно всем.

— Тайфун — гигантская тепловая машина, — вот что передал Ольмин через несколько минут. — Он будет работать вместе с нами.

«Вместе с нами...» Как будто там был еще кто-то. Нет, с ним никого не осталось там. Ни одной живой души. Он всех отправил подальше от Берега Солнца. Даже Телегина. Он не имел права рисковать ничьей жизнью. Ничьей, кроме своей собственной.

Он все знал заранее. Он готовился. И молчал... Ну

да, ему же могли помешать. В первый раз он никому не сказал правды. Промолчал. И теперь он был там. А я?

Я ушел в свою каюту и мысленно беседовал сам с собой: а я?

ПОБЕГ

Даже когда побережье таранят муссонные беспокойные ветры, Ольховский начеку: эли под укрытием, улететь с «Гондваны» можно только в самом крайнем случае. Что уж говорить о тайфуне?..

— Тайфун — это серьезно, — почти ласково про-рокотал Ольховский, и я с готовностью кивнул. Я изо всех сил старался быть похожим на человека, который осознает опасность.

На юте «Гондваны» настоящий автопарк, эли стоят рядами, простые и универсальные, подводные и стратосферные, дальние и разведочные. Коллекция, любовно пополняемая Энно, внушает почтительное уважение к достижениям техники, но какой прок от этого собрания, если в кармане нет ключа от укрытия? Ключ — это все. И будь он у меня, я не пошел бы к Ольховскому и не тревожило бы меня по дороге предчувствие, закономерно оправдавшееся.

— Что вы знаете о тайфуне? — спросил он.

Вопрос показался мне чисто риторическим, но я вежливо ответил на него:

— Это ураган. Настоящий ураган. Нужно быть предельно собранным и внимательным.

— Да, это правда. С тайфуном шутки плохи. Обычный ураган средней силы или настоящий ураган, как вы изволили выразиться, по сравнению с ним легкий бриз. Знаете ли вы, сколько ядерных зарядов, каждый из которых делает выемку под водохранилище, упрятано в «Глории»?

— Ядерный эквивалент поражает воображение, я читал...

— Тридцать тысяч крупных ядерных зарядов. Вот с чем надо сравнивать энергию сильнейшего из тайфунов. Это не так уж мало и далеко выходит за рамки явлений, способных только поразить воображение. Как вы думаете?

— Пожалуй, — согласился я.

Теперь мне ясна стала тактика Ольховского: за беседой время пролетит незаметно, а там видно будет.

— А знаете, сколько атомных зарядов в обычной грозе? — спросил я, в свою очередь.

— Немного, — ответил Ольховский.

— Девяносто, — соврал я.

— Возможно, — снисходительно кивнул мой визави.

— В детстве мне приходилось гулять в грозу босиком тем не менее.

— Дети — смелый народ. Да что дети, и родители иногда попадаютсЯ отчаянные. Кое-кто именно в недостаточном воспитании ищет корни безответственности. Впрочем, это особая тема.

— Отважные летчики пересекали тайфун на самолетах. Я видел старые-престарые фото. Представьте себе древний самолет, эту неуклюжую машину из алюминия, в черном вихре урагана. И летчика. Думаю, тут нужна самая высокая степень ответственности, какую только можно себе представить. Для современного эля это не проблема. Любой из нас сделает это не задумываясь, если речь идет о жизни другого человека. О деле, наконец.

— Вы правы, любой способ хорош, если он последний, вынужденный. Я думаю, Ольмин отказался бы разделить место в эле. И как бы я или вы ни уговаривали его, не согласился бы покинуть Берег, если, конечно, нам удалось бы его разыскать там.

— Но попробовать стоит. Это наш долг.

— Ну еще бы! К нему уже послали два автоматических терраплана с приказом эвакуироваться. Давайте обсудим, в какую именно точку побережья направить автоматический эль. Мне кажется, он может находиться неподалеку от главной станции, например возле отражателя. Как вы думаете?

— Говорят, он молчит. Только радиоавтомат передает сводку об эксперименте. От его имени.

— Это детали.

— Думаю, можно нащупать и то место, где он сам. По линии связи. Уверен, что быстро найду его.

Наши взгляды встретились. До этого мы думали каждый о своем.

Между нами вдруг встала Валентина. Я не знаю, как это получилось. Но я вспомнил о ней. И он тоже.

— Шутки в сторону, — резко сказал он, — эль вы не получите. И хватит об этом.

— Мне нужна машина! — твердо сказал я.

— Зачем? — спросил Ольховский сурово.

— Помочь Ольмину. Вы хоть понимаете, что там происходит?

— Он сумасшедший!

— Как вы смеете!..

— Вы не получите машину! Пока тайфун не пройдет между берегом и «Гондваной». Оставим этот разговор.

* * *

На палубе было сумрачно, сыро, скользко, косой дождь хлестал с того самого часа, как мы отошли от берега. За спиной остался гостеприимный причал маленького тихоокеанского островка. У «Гондваны» начался новый долгий маршрут: завтра небо станет ясным, ветер утихнет, откроется простор. А я?

И тут я наткнулся на Энно. Он быстро шагал мне

навстречу, наверное, спешил укрыться от непогоды в каюте. Я загородил ему дорогу.

— Энно, мне нужен эль!

— Ты говорил с Ольховским?

— О чем с ним говорить... Конечно.

— Да... Но ведь он за тебя отвечает. Упросить нельзя?

— Ну что ты меня пытаешь, как будто сам не знаешь! У тебя есть ключ или нет?

— Я сдал его.

— Ну да, я и запомнил, он отвечает за людей, а ты за машины, и потому все так удобно здесь устроились.

— Что ты говоришь!

— Пойдем! — Я взял его за рукав плаща и повел. Он послушно шел за мной, даже не пытаясь освободить руку.

Мы подошли к элям. Они стояли, поблескивая крутыми выпуклыми боками. Над ними опрокинулся купол, похожий на огромную линзу, — защита от непогоды. Я ударил кулаком по голубоватому прозрачному пластику. Он спружинил и отозвался мягким певучим звуком.

— Давай ключ, — сказал я Энно. — Я все возьму на себя.

Он молчал и грустно улыбался. Тогда я понял, что у него действительно нет ключа. Ни при себе, ни в каюте. «Энно, Энно, — подумал я, — не так уж часто я встречался с тобой, но успел выдумать тебя с головы до ног, и вообще ты, оказывается, не такой, каким казался мне в тот первый день три года назад, когда мы охотились на манту».

Я отпустил его. Он пошел ссутулившись, потом оглянулся, остановился, словно раздумывая, снова подошел ко мне.

...И мы вместе долбили голубой пластик ломом, и пинали его ногами, и поджигали с помощью старин-

ной паяльной лампы, которую он хранил в своем сундучке, и резали самозатачивающимся старинным кинжалом и просто ножом. И, обессилев, царапали алмазом, поливали химикалиями и снова пинали ногами и били кулаком.

А потом старик, запыхавшись, принес под плащом лучевой пистолет, что меня немало удивило, и мы палили поочередно, словно по мишени, по входному блоку, а пластик, пружиня, отступал и с певучим мягким звуком возвращался на место, в мгновение ока затягивая раны и рубцы. Укрытие не поддавалось.

Через четверть часа я изнемог, и мы ушли, побежденные, покорившиеся, тихо, как отходят шлюпки от ночного причала.

Я мучительно искал выход. Если связаться с Никитиным? Через час, от силы через два он будет здесь, на борту «Гондваны». Полетим вместе. Или нет... Лучше я его оставлю здесь на некоторое время. Но как осуществить этот простой план, если даже обычный видеофон расположен в каюте Ольховского? Вторая установка у его помощника, но воспользоваться ею тоже нельзя без его ведома. А в том, что согласия на прибытие эля не будет, я не сомневался. У Ольховского неуязвимая позиция: он считал, что отвечает за меня. Переубедить я его не мог. Потому что он был прав. Как же он примет Никитина, если тому надо следовать прямехонько через кольцо тайфуна, а если обогнуть его, то воздушная экспедиция лишится смысла из-за невозполнимых потерь времени. Уж он-то сообразит, что будет после... Придется разрешать Никитину обратный полет. Или мне вместе с ним. Или нам обоим.

Ольховский был настороже, и обойти его я не мог. Он дал мне понять, что лимит несчастных случаев на «Гондване» полностью израсходован. И я не мог возразить.

Моя безопасность была сейчас превыше всего: я был

гостем «Гондваны». Абсурд: разве я не мог распоряжаться собой? Обо мне проявляли трогательную заботу. За этим могло скрываться что угодно: соображения безопасности, боязнь ответственности, нежелание ломать себе голову над чужими проблемами, то есть попросту безразличие. Или все это сразу вместе? Голова сделалась тяжелой, я готов был возненавидеть его без достаточных, впрочем, на то оснований. Только через несколько минут я взял себя в руки. В конце концов, так можно что угодно выдумать — и самому поверить выдумке. А потом вооружиться, например, дезинтегратором или микропистолетом, наподобие тех, что так ловко пускают зайчик, когда нужно обновить коллекцию экспонатов биологического музея. И предъявить права человека, который волен всегда и всюду безоговорочно распоряжаться собой, а значит, и другими... Так выходило.

Меня охватило оцепенение. Я закрыл глаза, даже задремал, но все слышал, малейшие шорохи, чьи-то шаги за переборкой, улавливал мерные всплески волн за бортом. «Гондвана» шла полным ходом, расстояние между судном и Берегом Солнца быстро увеличивалось. А я все лежал и старался забыться: а вдруг во сне произойдет чудо?

Становилось тише, как будто уши заложило ватой. Но я вдруг понял, что за дверью кто-то стоит. Да, я слышал шаги, но у моей каюты звук растаял. Там кто-то притаился. Я лежал без сил и почему-то не мог пошевелить даже пальцем. Но все понимал. Голова стала ясной.

Чье-то дыхание... Может быть, это лишь показалось мне; но кто там, в трех шагах от меня? Дверь стала медленно открываться. Только после этого раздался тихий стук. Я разрешил войти. Из-за портьеры в комнату вошла женщина.

Я молча смотрел на нее и в первые мгновения не узнавал. Лицо ее было знакомым, как лицо актрисы,

которую случайно видел в старом кино, но название ленты давно вылетело из памяти, и, кроме подсказки, не на что было и надеяться. Надо же...

Она не без любопытства разглядывала меня. Я встал и предложил ей стул. В моей голове вспыхнуло: Аира! И это имя я произнес вслух. Она не ответила, как будто догадка моя не имела для нее ровным счетом никакого значения.

— У меня к вам просьба, — сказала она спокойно.

— Вторая просьба, — уточнил я, — первую мне удалось выполнить. Когда-то вы попросили рассказать о женщине со звезд...

— Да, — просто сказала она, — это была я.

— Тогда вам без труда удавалось изменять... Изменять внешность.

— Это совсем нетрудно.

— Я слушаю вас.

— У меня мало времени, чтобы подробно рассказать вам...

— Жаль. У меня его сколько угодно.

— Значит, я могу надеяться?

— Разумеется.

— Я вам верю. Вы ведь знаете, что я работала с Ольминым? И знаете, почему я это делала. Так вот: никогда еще так не нужна ему была помощь, как сейчас.

— Я это знаю. Дальше.

— Вы сможете...

— Помочь ему?

— Да.

— Нет. Пока не будет эля — нет.

— Это пустяки.

— Вы дадите мне эль?

— Если вы хотите ему помочь.

— Что за вопрос! Но не оставите же вы мне свой эль? Тогда вам придется встретиться с экипажем этого славного дредноута, и если когда-то вам удалось

скрыться от меня, то теперь ситуация может оказаться другой.

— Я достану эль.

— Мне нужен магнитный ключ.

— Хорошо. Ждите меня.

Она выскользнула из каюты, а я смотрел и смотрел, как медленно опускалась портьера, потревоженная волной воздуха, слетевшей с того места, где только что стоял человек.

Я опять лег спать и стал размышлять. Маски были сорваны. Ради чего? Ради успеха нашего дела? Конечно. Но не только... не только.

Когда она вернулась, в голове моей почти сложился ответ. Прошло едва ли пять минут. Аира протянула мне руку, на ладони ее лежал ключ с магнитным кодом от всех элей «Гондваны». Тонкая, теплая рука, на запястье зеленый браслет.

— Как это вам удалось?

— Это копия. Ключ остался у Ольховского.

— Еще лучше. Вас подкинуть к берегу?

Я внимательно смотрел в ее темные прозрачные глаза.

— Я сама, — сказала она и вдруг спохватилась — У меня другие дела. Вот, возьмите... тороин.

— Тороин! Так это ваш подарок нам. Вот оно что! Спасибо!

Я вышел на палубу. Пробрался к элям. Облюбовал один из них, похлопал его по обшивке, как некогда ковбои похлопывали верховых лошадей. Только у меня для этого жеста были основания иного порядка: тайфун над океаном — это не дымок над вигвамом в прериях. Обшивка не пропускала звук, не отзывалась на удары и похлопывания — то, что надо.

Аира стояла за моей спиной. Я махнул ей рукой и вскочил на услужливо подставленную элем ступеньку. И вдруг я услышал:

— Спасите его!

Любовь. Стихия. Любовь?.. Да. Снова став Аирой, она не совладала с ней. Не смогла... не смогла.

Она стояла на том же месте, я уже был в машине и уже поднимался в воздух, а в ушах моих звучало:

— Спасите его!

ИНТЕРЛЮДИЯ: ГАРМОНИСТ

Наверное, стоило все же удивиться его неожиданно-му появлению. Почему сейчас? Прихоть памяти? Я отчетливо увидел его лицо, раскосые зеленые глаза, крепкие скулы, лоб в морщинах. Кажется, он стал старше, мой гармонист... Брови дрогнули, поднялись, он внимательно смотрел на меня с минуту, потом отвел глаза и заглянул в стекло эля, полупрозрачное отражение его лица возникло на фоне густых плотных туч. Ураган нес их к берегу, стекло подрагивало, мне стало интересно, что же будет. Я и забыл, что это всего-навсего игра воображения.

«Пусть играет, — подумал я, — давно не слышал его. Куда это он вдруг исчез из моей памяти?»

Он легко и быстро тряхнул головой, и пальцы его забегали по кнопкам.

«Диди-рула-рула-ру́лла! Рула-рула-рулла-та́!»

Эль несясь сквозь нагромождение черных, набухших облаков, разрываемых ветром на части. Мимо окошка проносились темные полосы тумана. В стекло ударяли тугие струи влажного воздуха, на нем оседали капли, потом их сдувало.

Взгляд гармониста стал веселым и беззаботным; он сразу как-то высветил его мужественный облик, и мне понятны стали движения души, переданные в мелодии. О чем была его песня?

Хрустально-прозрачные, крупные звуки наполнили эль звоном весенней капли, звучанием ручьев, птичьими криками на заре. Ласково струящаяся мелодия точно и быстро очертила этот сказочный мир, до которого одна моя память не скоро добрела бы. Пробуждение земли, за ним — тема других стихий: воды, воздуха, огня. Тлеет багрово-красный холодный огонь, разгорается, светлеет. И вот вспыхивают языки белого очищающего пламени. В нем безудержная сила солнца и пробуждения земли. Вещая мелодия похожа на заклинание: весна не уйдет навсегда, огонь не погаснет. Вот он, гармонист. Русоволос, строен, зеленоглаз...

Мы с ним думали одинаково. И похож этот гармонист был чем-то на меня. Как не спеть, не сыграть о стихиях, если они всегда рядом: земля, огонь, вода, воздух. И три другие — тоже. Человек присматривался к окраске небесного свода, к стрелчатым облакам, лучам, столбам и веерам сполохов, кругам возле Солнца и Луны, к сверканью молний, зарницам и едва заметному рисунку солнечных пятен, к светлым и темным струям течений, узнавал силу ветров и вулканов. Но только сотни лет спустя познал, как велика мощь стихий. Вечно движущаяся, волнуемая атмосфера Земли превосходит во много раз по силе своей все рукотворное.

Потом поняли связь стихий: вспышки на Солнце будили подземные токи, планета чутко откликалась на ритмы светила, просыпались вулканы и океаны, моря и льды. Отсюда — нить к пятой стихии, к жизни. Ведь и она подчинялась солнечным ритмам. Но есть еще две стихии: любовь и разум. Разве о них можно умолчать? То, что он играл, похоже на скерцо Мусоргского, но было сильнее и звонче.

«Рула-рула-рулла! Рула-рулла-та!»

Они неуничтожимы: гадать о них, предсказывать, предвидеть их действие так же трудно, как если бы речь шла о рождении звезды, планеты, туманности. На то

они и стихии. Грозные, непреклонные, загадочные. Как не вспомнить о причудливости путей разума, о метаморфозах целой планеты под его влиянием. Да что планеты. Звезд, а значит, и галактик!

Мы прокладывали солнечную магистраль, тянули нить к сердцу мира, как называли светило древние. Мы не могли пройти мимо него: невидимые нити уже и до нас связали явления на Солнце и на планете. Сердце мира похоже на зеркало: по нему как тени бегут пятна, своеобразные отражения планет. Только зеркало это кривое: лишь недавно удалось понять, как положение Юпитера, Сатурна с их лунами, Нептуна, Венеры, Земли, Марса, Меркурия, других странствующих тел влияет на рисунок пятен. Но если наша планета вместе с другими уже действует на светило, то разве останется в стороне разум, чье пристанище на Земле? Нет, рано или поздно он повернется лицом к этому сияющему зеркалу всех и вся.

Я видел, знал сейчас: не побороть стихию бурь и ветров, если не удастся уловить законы вспышек и пятен. Земные тайфуны и бури начинаются вверху, где есть питающие их потоки заряженных частиц-корпускул. Но тогда они сродни солнечным пятнам — ведь те, в свою очередь, тоже вихри. Пятна на Солнце — это круговороты, воронки, в их нутро втягиваются вещество, электроны и, как по трубе, поднимаются выше. В круговоротах намечаются магнитные полюса, конвекционные токи, дует электрический ветер, который подхватил и унес бы, как пылинки, десятки земных шаров.

Несущееся в вихре вещество поднимается и охлаждается, как всегда происходит при расширении, из верхней части воронки выходит темный, охлажденный поток. Магнитное поле отбрасывает его по расширяющимся спиралям... В глубинах светила работает космическая машина, а фотосфера с пятнами, питаемая ею, — отгосок этого движения внутри светила и вне его — от пла-

нет. Зашифрованный рисунок, который долго не умели читать.

Причина всех солнечных ураганов — внутри, но притяжение планет накладывает отпечаток на всю картину их развития. И когда-нибудь по рисунку пятен можно будет вычислять положения небесных тел и угадывать погоду. Солнце — это еще и чуткий прибор, отзывающийся на все изменения внешних полей.

И солнечный пульс влияет на нас, на нашу жизнь, на многие явления. Что земные ветры! Пятна и их спутники — вспышки, которые искрятся, как воспламененные частички на поверхности точильного круга, — вот главные силы. И нам не избежать теперь столкновения с ними. Мы коснемся сердца мира — Солнца. Мы услышим его пульс.

Вот почему я летел на эле к берегу. Я бы ни за что не повернул теперь назад.

Играй, гармонист!

СЛОВА И СЕРДЦЕ

Холодное стекло эля. За ним вода, вода, волны... Точно все повернулось вокруг невидимой оси. Исчез гармонист. Неожиданный страх. Страшно смотреть на всхолмленную темную пустыню. На ней свинцовый налет, под ним — равнодушная глубь.

Вдруг словно провал в сознании. Погружение во тьму и медленное возвращение. Как тогда, летом, на берегу. Тревожное забытие, беспамятство, боль, холодный туман перед глазами. Ах, как сжалось сердце! Быстрый вдох. Глоток воздуха, еще один...

И потом ощущение полета. Снова жизнь.

А за стеклом — вода, мглистая пелена, серые крылья бури. О чем там гудит ветер? О сказочном острове? О наших следах на песке, которые он давно засыпал?

Я понял: что-то изменилось во мне. Попытался вызвать в памяти образ гармониста и не смог. Что-то изменилось. Вдруг. Сейчас. И не надо искать объяснений на языке слов. Об этом мог бы рассказать неслышимый язык сердца.

Как то, чего нет еще, что, как намек
в порывах робко-тревожных,
растет как подснежники, как выюнок
у ног берез придорожных,
как зелень ликующим майским днем,
как паводка буйный подвиг,
как ласточки, что бороздят оком
по две...

Как вольный, широкий полет орла,
как светлая власть над Словом —
такой она в сердце моем жила
и грузом легла свинцовым.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВОВАТЬ

Пришло время действовать.

Я спешил. В открытом море тайфун поднял высокую волну. Что же будет, когда ураган войдет в зону мелководья? Я слышал, такие волны бывают с пятиэтажный дом. У берега уровень воды сначала будет медленно подниматься. Потом наступит перелом. Уровень прыгнет вверх, вспененная стена обрушится на сушу, сметая все на своем пути. Может быть, только вершина ильма будет минуто-другую торчать над потоком. Потом и этот ильм у подножия сопки смоем.

После таких ураганов очевидцев, как правило, не остается. Где-то Ольмин? Я включил связь. Повезло! Он откликнулся сразу:

— Это я.

— Вылетел к вам, скоро буду.

— Зачем?

— Помогать вам.

— Не успеете, остались считанные минуты.

— Успею.

— Мое время истекло. Чем вы поможете?

— Видите ли... — И я вдруг сказал ему о той старой-престарой статье, автором которой был он и которая меня когда-то так поразила.

— Связь окончена, время истекло, — повторил Ольмин.

У него был сухой, чуть надтреснутый голос. Я едва узнавал его.

Между моим элем и берегом шел тайфун. Я перегонял его. Где-то впереди, не так уж далеко от меня, ежесекундно взрывались десять атомных бомб — такова сила стихии. Самой простой, казалось бы, стихии, но мне еще предстояло ее одолеть. Тайфун шел со скоростью около ста километров в час, я хорошо видел его на экране — черный «глаз бури» и белые спирально расходящиеся от него полосы.

Я вошел в кольцо тайфуна. Пересек пояс туч и облаков. В центре кольца, в ядре его, было ясно. Стекла эля подрагивали от напора вихря, я слышал, как что-то шуршало, наверное, быстрый ток воздуха электризовал обшивку. Потом возникла вибрация, я погасил ее, сделав маневр: нырнул вниз и снова поднялся. Эль накрепко. Я выправил его.

Прошла долгая минута.

И тогда над невидимым далеким берегом просиял свет. Лучи его пролились желтым пламенем, упали каплями сияющей меди. Само Солнце дохнуло теплом, и это дыхание прожгло ураган, подняло еще выше серебряную корону волн, взвилось вверх алыми цветами, огнецветными листьями прямо в синие разводы горячего неба. В памяти осталась лишь фотография этого мгновения.

Свершилось? По аварийному каналу связи я принял радиogramму с Берега Солнца:

«Измерения по проекту «Берег Солнца» показали со-

впадение параметров солнечного жгута с расчетными. Общий уровень энергии, просочившейся через отражатель и прошедшей к поглотителям, — не более чем минус десять децибел. В случае моей гибели система телеуправления произведет запуск ракеты с материалами исследований. Ракета приводнится за пределами области, захваченной тайфуном. Координаты (долгота, широта). Физик-исследователь Ольмин».

Свершилось.

Я пытался представить, что там произошло. Или должно было произойти...

Стена воды подошла к заливу. Ольмин, наверное, еще готовил аппаратуру. Потом вспыхнул жгут. До этого момента Ольмин ни за что не ушел бы (он сообщал о своей безопасности только для того, чтобы остаться). У него еще было время, но он не спешил. Несколько минут понадобилось, чтобы прочесть показания приборов. Потом передать радиограмму. Ветер и вода, быть может, уже опрокинули отражатель, смяли его, как лист бумаги. А он еще хотел убедиться, что тайфун заменил поглотители, регистрировал температурное поле. Потом последовала реакция атмосферы: из-за повышения температуры воздушный вихрь стал сильнее, потом...

Кадр за кадром разворачивались в моем воображении события. Вал обогнул мыс, вошел в зону мелководья, поднявшись мутным зеленым гребнем. Ветер сбрасывал вниз последнее из того, что было создано, построено, налажено. Вал накрыл берег...

* * *

...Стальной, упругий звук — ветер боролся с моим элем; он казался теперь сильнее. «Дела неважные, — подумал я, — вот подхватит нас сейчас буря, понесет над морем. Вон что делается вокруг: косохлест, пар, пена морская».

Сверкнуло. Высоко-высоко. Наверное, в ионосфере. Свет был синим, быстрым каким-то, неуловимым. Вторая вспышка — тоже где-то в ионосфере или еще выше. Заметались отблески. Как игра сполохов.

«Вторая попытка, — попробовал я угадать, — еще одна серия импульсов. Мое воображение торопится. Берег Солнца еще живет».

Снова луч. Мелькание узоров, летучее пламя над головой, потом — багровое свечение неба. И ветер, ветер, пытающийся содрать обшивку эля...

Удар. Эль дрогнул. Обшивка его разошлась. Свежий воздух толкнул меня в грудь: я упал, поднялся, вцепившись руками в кресло. Горькая, чужая мысль: «Зачем же бороться? Вот и все».

На полу эля билась большая птица. Белая, обезглавленная. Ветер, ворвавшийся в эль, трепал ее сломанные крылья, точно и здесь не хотел отпускать ее. Это тайфун послал снаряд; он ранил меня и машину, но еще не достиг цели. Эль держался над водой. Нас развернуло — пробоина оказалась с подветренной стороны. Мгновенная надежда, потом слова...

Под дыханьем непогоды,
Вздувшись, потемнели воды
И подернулись свинцом —
И сквозь глянец их суровый
Вечер пасмурно-багровый
Светит радужным лучом.

На моей одежде — светлые сгустки крови. Холод, сырость... Я заделал пробоину, а птицу оставил. Скорость села, но машина продвигалась, шла! Одной рукой я придерживался за кресло, другой потрогал лацкан пиджака. Кровь. Не моя. Второе пятно — на кармане. Липкое, холодное на ощупь. Внутри, в кармане что-то твердое. Достал, поднес к глазам... Коралловая бусина.

Вспомнил вдруг о ночных огнях в тайге, припомни-

лось, как по стеклу эля полз желтый круг. Это когда я летел в город. Тогда было тепло, вечером я лежал на холме под красным солнцем, и стрижи носились надо мной, и крылья их резали воздух, как будто это дышали дикие звери.

* * *

Иссиня-темные тучи, оперенные облаками... Я теперь видел их не только на боковом стекле, которое служило экраном, а просто невооруженным глазом. Там, впереди — край сердца тайфуна. Неясное бормотание донеслось до меня, вслед за ним — раскатистый удар. Как напоминание или как предупреждение.

Я встрепенулся. Солнечный жгут, рукотворная молния с запозданием напоминали о себе. «Теперь держись», — подумал я.

Эль все время двигался навстречу звуковой волне. Наконец мы встретились с ней. Еще раз грохнуло, сильно, резко. И это было только начало. Мгновение относительного затишья — и вдруг...

...Гром небесный!

Казалось, взорвался воздух вокруг. Его сгущения и разрежения были почти осязаемы. И самые низкие тона заставляли дрожать эль, стекла, металл, пластик. Острая боль пронзила уши. Я глотнул. Когда утихомирились первые раскаты, неслышимая сила все еще сотрясала меня. Гравитация и скорость уже не властны были надо мной и машиной: все пространство заполнил инфразвук.

И снова: «Руудр! Рудр, рудр!...» Грохот, который представить трудно. Я вжал голову в плечи, потом поднял колени и уткнулся в них; закрыл глаза и ждал новых ударов. И за ними следом пришла инфразвуковая волна, неслышное, грозное эхо. И боль в ушах, и синие пятна в закрытых глазах, и дрожь поверженного тела.

Я бросился на пластиковый пол, инфразвук укачивал меня и сжимал в комок. Эль бросило вверх, потом вниз, видно, что-то случилось с автопилотом... Хотел подняться, но не мог.

Снова удары. Пронзительный, стоголосый гром: «Руудр! Руудр!» Машину затрясло. Мы коснулись воды. За стеклом — белопенный фонтан! Толчок. Я чувствовал на языке, на губах холодный трепещущий пластик (я надеялся продержаться еще несколько секунд). Волны ударили нас снизу и с боков. Они вышибли пломбу. В пробоину хлынуло море.

Серо-зеленая мутная вода подобралась к моим ногам, рукам, плескалась, от нее веяло свежестью; белые пузыри лопались, обдавая меня колючими брызгами. Я подложил руки под голову и лежал так некоторое время, сжимаясь при каждом ударе. Потом попытался встать.

Звук опрокинул меня. Особенно сильный удар... Он пришел откуда-то сверху. Вода захлестывала меня. Еще одна попытка приподняться... Отдаляющиеся раскаты. Небо умолкало. Что-то произошло. Машина наклонилась вперед... назад. Я понял: автопилот заработал снова. Он поднимал эль.

Выше. Еще выше. Мы вынырнули, подскочили над водой, и только сейчас я понял, как трудно было моему помощнику — электрической машине... Вверх, вверх. Море отступило, оставило нас. Вода нехотя уходила из кабины, ворчливо журчала, отрезанная теперь от моря; падала вниз.

Я поднялся. Рука моя рванула ворот рубашки, как будто только того и поджидала, чтобы хоть на мгновение освободиться от моей власти. Я откинулся в кресло. С волос стекали на лицо струйки, соленые капли.

Открыл глаза. Прямо передо мной, на мокром полу алела бусина. Взгляд искал мертвую птицу. Я повернул голову. Птицы не было. «Ее смыло водой в море», —

подумал я и успокоился. Мысли были медленными, ленивыми, да и тело совсем не слушалось меня. Наверное, что-то случилось с глазами: контуры приборов передо мной расплывались.

Взгляд вернулся к бусине. Она тоже расплылась радужным пятном. Мне показалось, что такое же пятно вдруг откуда ни возьмись появилось на стекле... За стеклом. Глаза опять стали зоркими.

И тогда на зыбкой грани двух миров — подводного и надводного, — там, где серые космы пены смешались с низкими языками тумана, я увидел вдруг жемчужный шар. Он был как огромный эль, летевший над водой, как бы увеличенная копия моего эля. Легко, споро шел он над волнами. Поднялся и шел впереди меня. Я подтягивался за ним — он удалялся. Я чуть свернул в сторону — он сошел без промедления со своего пути и повторил мой маневр. Как тень моя.

Как тень... Я свечой взмыл вверх и увидел, что шар чуть отстал. Это меня обрадовало. «Посмотрим еще, кто из нас лучше летает», — подумал я. Передо мной возникли темные крутые бока облачной стены — край «глаза бури». Шар то скрывался в тучах, то появлялся в их разрывах, иногда рядом со мной.

Между воспоминанием о коралловой бусине и этим светляком-гигантом угадывалась связь. Память мою озаорила вспышка: давний сон о незнакомке из детства, теперь он казался мне снова сущей правдой — никаких сомнений в подлинности! (Бусина-то ведь у меня осталась.) И как будто снова услышал я ее голос. Спокойные звуки, как музыка, как шорох листьев, как вешние звоны ручьев. Не слова. Только звуки. Уже знакомая мне, близкая, привычная мысль высветилась отчетливо и ясно. Линии событий пересекались, образуя почти математические фигуры. Но, точно молния, прочерчивала их рисунок светящаяся линия. Так вторгалась стихия. Какая же?..

Снова звуки. Те звуки, что напомнили музыку, ручьи в распадах, ветер, — тише, тише... они словно обещали помощь. Я понял: ведь стихия эта — разум! Его проявления более всего и похожи на стихию, если только мысль наблюдателя не в силах уследить за ними.

Но и мой собственный разум сродни этой стихии, я сам был ее частью. Я стал другим. Годы сделали свое дело.

Сколько лет минуло! Дорога, багряный лес... Да было ли это со мной?

Тишина. Гул ветра внезапно смолк. Даже близкие тучи остановили свое движение. Как во сне.

Да это и был сон.

Рядом со мной незнакомка, та самая, я сразу узнал ее. Она была в эле, рядом со мной. На шее ее — коралловые бусы. И одной бусины как будто не хватало. Я только смотрел на нее и не проронил ни слова. Пока она сама не заговорила.

— Есть у вас желание? — спросила она мягко. — Теперь я могла бы его исполнить.

Я задумался, потом ответил:

— Нет. Пусть все будет так, как есть.

Удивительная улыбка осветила ее лицо.

— Я не об этом, — возразила она, и я понял, что она хотела сказать.

— Тогда пусть минуты, которые пройдут во время нашего разговора, вернуться ко мне. Не отнимайте у меня их.

Она рассмеялась. И я увидел, как заразительно умеет она смеяться. Я тоже улыбнулся, но совсем другой, невеселой улыбкой. Должно быть, я неважно выглядел: волосы спутаны, на костюме пятна крови, рубашка разорвана.

Лицо ее стало серьезным, как будто она читала мои мысли. Наверное, так оно и было.

— Это само собой разумеется, — сказала она.

— Если можно, — попросил я, — если можно, я хотел бы видеть землю. Не землю вообще... понимаете?

— Да, — тихо ответила она.

— Конечно, Берег Солнца я смогу увидеть только сам, — предупредил я возможное возражение. — Ведь иначе это будет как бы вмешательством в эксперимент, я заранее буду подготовлен...

Она кивнула.

...Я увидел странно-спокойное море и берег. Было ясно, светло. Под скалой застыли волны, над ними остановились ветры. Место было дальнейшее, незнакомое. Потом — синее пространство, овеянное дымкой. Я летел над тайгой. Серые и голубые ленты рек. Крутые берега, глыбы гор, долины.

Передо мной открывались русские космические просторы. На краях обозримого пространства впереди меня сиял свет, и за плечами моими сиял свет, за спиной моей отступали все дальше излучи великих рек и складки земли.

Возникали светлые леса, сквозь сумятицу листвы я видел поляны с травой и цветами, и кустарники, и поля, открытые ветрам.

При моем приближении над головой оживали золотистые облака. Внизу города, мосты, холмы, обрывы, зеленые балки, озера с опрокинувшимся в них небом. Воздух стал зеленоватым, чистым, как на акварели. Солнце было здесь еще низкое, оно не успевало за мной; я увидел, как оно прикоснулось к земле, и как запылал рассветный оком, и как под сильным и нежным огнем ползли длинные тени. Птичья стая низко-низко стелилась над землей, словно тоже торопилась вместе со мной.

И тогда я вернулся. Я снова был в своем эле. И грозная сила, перенесшая меня вдруг за тысячи километров, казалось, отступила. Незнакомки не было ря-

дом. С минуту я еще мог различать летающий шар. Он шел слева от меня. Далеко...

«Мы еще поборемся, — думал я. — В этом весь смысл. И пусть вечен океан и вечен огонь звезд. Пусть вечна Земля с континентами, рожденными древним материком Гондваной, и вечен ветер над ней. Но, значит, вечна, неуничтожима жизнь. И вечна любовь. И вечен разум...»

Я поднял эль выше. Шар отстал от меня. Его свет заслонили быстрые облака, караванами бежавшие над водой. Он остался за моей спиной, растаял.

Я спешил, очень спешил... Ольмин был там. В стекле я увидел свое отражение. «Ну что, Глеб! Побыстрее!..»

Меня отделяла от берега тридцатимильная полоса моря. Не окажись мой друг, эль, в столь бедственном положении, мы пересекли бы ее за считанные минуты. Теперь же ритм нашего движения был неровным, каким-то сношенным, он напоминал, пожалуй, вагнеровский полет валькирии.

* * *

Непрерывен след жизни, сильнейшей из стихий: она чем-то сродни и огню и воде, натиску ее не смогут противостоять ни ледовые пики, ни океанские впадины, ни отдаленные от нас небесные тела, купающиеся в звездном море. За ней и рядом с ней идут любовь и разум, два начала созидания, две другие стихии, подобные светлomu пламени и неукротимым ветрам над земными далями. Их действие порой незаметно, словно вечная работа рек, растящих мели и острова близ своего устья.

...Что оставляет от нас время? То, что было передано другим несказанной силой любви, искусства, разума — так, как это смогла сделать Аира. И Ольмин. Иное исчезает. Волны размывают наши следы на песке. Ветер засыпает прахом и пылью угасшие костры, которые когда-то нас согревали. Наши тени уходят с нами. Иначе и после смерти казалось бы, будто мы еще живы.

СТИХИИ ДРЕВНИХ. ЗОДИАК

Двигаясь по звездному небу, диск Солнца проходит за год через двенадцать зодиакальных созвездий. Линия движения названа эклиптикой. Созвездия не равны по величине. Древние астрономы разделили пояс созвездий по обе стороны от эклиптики на двенадцать равных зодиакальных частей, сохранив за ними названия созвездий.

Счет знакам зодиака ведется с Овна.

Созвездия Овен, Лев, Стрелец посвящены стихии огня. Телец, Дева, Козерог — стихии воздуха. Близнецы, Весы, Водолей — стихии воды. Рак, Скорпион, Рыбы — стихии земли.

БЛИЗНЕЦЫ. ЗНАК ЗОДИАКА

Близнецы — одно из трех созвездий, посвященных стихии воды. Зодиакальный знак таков:

Оранжевая звезда первой величины, Поллукс, осеняет женщину, стоящую словно в раздумье. На шаг впереди — идущий мужчина. Его осеняет зеленая звезда второй величины, Кастор. Левая рука его вынесена вперед. Его правая и ее левая руки соединены,лицетворяя два взаимодополняющих начала вселенной.

Область неба, окружающая созвездие Близнецов, отмечена Сириусом и Капеллой.

СТИХИ В РОМАНЕ

Александр Блок. «Ты из шепота слов родилась...»

Владислав Броневский. «Зашумела синева на склонах...» (из стихотворения «О радости», перевод М. Живова). «Скользнула птица черной тенью...» (перевод А. Ревича). «Береза» (перевод М. Светлова). «Как то, чего нет еще...» (из стихотворения «Аноним», перевод А. Ахматовой).

Иван Бунин. «Молчат гробницы...» (из стихотворения «Слово»).

Федор Тютчев. «Под дыханьем непогоды...» (открыток из стихотворения).

Велимир Хлебников. «Весны пословицы и скороговорки...» (отрывок из стихотворения).

ОБ АВТОРЕ

Щербаков Владимир Иванович родился в Москве, окончил среднюю школу поселка Мякит на Дальнем Востоке, затем радиотехнический факультет МЭИ; работал инженером, защитил диссертацию, руководил научно-исследовательской лабораторией. С 1976 года журналист, был заместителем главного редактора журнала «Техника — молодежи». Первые научно-фантастические рассказы опубликовал в 1964 году. За рассказ «Прямое доказательство» отмечен премией на Международном конкурсе молодых писателей-фантастов в Варшаве. В 1977 году за книгу научно-фантастических рассказов «Красные кони» награжден почетным дипломом и памятной медалью на Всесоюзном литературном конкурсе имени Николая Островского.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Часть первая. «ГОНДВАНА»

В путь	11
Попытка рассказать о себе	21
Забывтая ладья	27
Валентина	36
Знаки на камне	47
Фитотрон	53
Рассказ Янкова	56
У зеленой двери	60
День рождения	68
Выдержки из неопубликованных интервью	78
Остров	83
Поющая песчинка	89
«Есть такая игра: осторожно войти...»	96
Интерлюдия: океан	103

Часть вторая. БЛИЗ БЕРЕГОВ ЗЕМЛИ

Север	113
Письмо	125
Где прячется лето	131
Ночные огни	138
Городская интермедия	145
Мой двойник	154
Проводы Солнца	162
Как это случилось	170
«Скользнула птица черной тенью...»	181

Гармонист. Незнакомка из детства	190
Морские клавиры	201
Аира	209

Часть третья. НЕБЕСНЫЙ ОГОНЬ

Берег Солнца	221
Эль над рекой	229
Из дневника Ирины Стекловой	235
Двухсотое поколение	242
Аира	248
Из бронзовой эпохи в космическую	256
Катастрофа	264
Стратегия поиска	278
Светильник мира	284
Иллюзия. Стрижи над холмом	292
Здравствуй, «Гондвана»!	300
Тайфун	306
Побег	309
Интерлюдия: гармонист	317
Слова и сердце	320
Время действовать	321
Стихии древних. Зодиак	331
Близнецы. Знак зодиака	331
Стихи в романе	332
Об авторе	333

Щербаков В. И.

Щ61 Семь стихий: Научно-фантастический роман. — М.: Мол. гвардия, 1980. — 335 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

1 р. 10 к. 100 000 экз.

Журналист Глеб, оказавшись участником тихоокеанской экспедиции, неожиданно для себя встречается с инопланетной жизнью, с представителями иной цивилизации, которые интересуются освоением энергии Солнца и звезд. Роман ставит проблемы полного раскрытия творческих возможностей человека на Земле.

**ББК 84Р7
Р2**

Щ 70302—056 **243—80.** **4700000000**
078(02)—80

ИБ № 2353

Владимир Иванович Щербаков

СЕМЬ СТИХИЙ

Редакторы: А. Казанцев, В. Фалеев

Художник Р. Авотин

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор Г. Прохорова

Корректоры: З. Харитоновна, А. Долидзе

Сдано в набор 04.09.79. Подписано в печать 01.02.80. А01139. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 12,28. Учетно-изд. л. 14,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Заказ 1275.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 10 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

